ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

Н. К. Ренненкампфа,

ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Н. Я. ОГЛОБЛИНА:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Екатерининская, № 4.

КІЕВЪ,
Крещатикъ, № 33.

КІЕВЪ.
Высочайше утвержд. Товарищество печатнаго дѣла и торговли И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Москвѣ.
Кіевское Отдѣленіе, Елисаветинская ул., домъ Михельсона.
1889

2-экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ИГ116
Р576 Р

Печ. по постановленію Юридическ. факультета университета св. Владиміра.
Деканъ факультета *В. Демченко.*

Кіевъ,
1888 г.
Мая 25 д.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

3279/29 376661

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
СТУДЕНЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
Правов.
1305/4

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Понятіе о юридической энциклопедіи	1
Исторія обработки и литературы юридической энциклопедіи	5
Общее понятіе о правѣ; право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ	19
О справедливости	25
О естественномъ правѣ	27
Нравственность и право; ихъ различіе и взаимное отношеніе	31
Право и государство и ихъ взаимная связь	36
Юридическія нормы	47
Объ источникахъ права	51
Обычное право	56
Обычное право въ русскомъ законодательствѣ	65
Понятіе о законѣ; законъ въ предѣлахъ времени, мѣста и по отношенію къ лицамъ	68
Толкованіе закона и его виды	86
Раздѣленіе законовъ на виды	98
Понятіе о законѣ и виды законовъ по русскому законодательству	105
Дополнительныя формы права: административныя распоряженія и аутономическіе уставы и правила	122
Судебная практика	131
О правѣ юристовъ	135
О кодефикаціи вообще	139
Кодефикація въ Россіи	145
О лицахъ или субъектахъ права; лица физическія и юридическія	154
О предметахъ или объектахъ права	163
Возникновеніе и прекращеніе правъ и обязанностей	173
Осуществленіе (приложеніе) правъ; стеченіе (concursus) и столкновеніе (collisio) правъ	183
О нарушеніяхъ права	194
Охраненіе и возстановленіе правъ	200
Раздѣленіе права на роды и виды и отличіе правъ частныхъ, публичныхъ и междугосударственныхъ	211
О научныхъ методахъ и способахъ изученія права	242
Система юридическихъ наукъ	259
Приложеніе: указатель литературныхъ пособій	279

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Понятіе о юридической энциклопедіи 1

Исторія обработки и литература юридической энциклопедіи 6

Общее понятіе о правѣ; право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ 19

О справедливости 28

О естественномъ правѣ 27

Враждебность и нравственность ихъ различія и взаимное отношеніе 31

Право и государство, и ихъ взаимная связь . . . 36

Подраздѣленія права 47

Объ источникахъ права 51

Обычное право 56

Обычное право въ Россіи и законодательствѣ . . 65

Ученіе о законѣ; законъ въ двухъ видахъ времени, мѣста и по отношенію къ лицамъ 68

Толкованіе закона и его видовъ 80

Дѣйствіе законовъ по мѣсту 98

Понятіе о законѣ и видахъ законовъ по русскому законодательству 105

Дополнительныя формы права: взаимодѣйствіе распоряженія и автономическое уставленіе права . . 122

Судебная практика 131

О правѣ юристовъ 136

О кодификаціи вообще 139

Кодификація въ Россіи 145

О нравахъ или субъектахъ права; лица физическія и юридическія 154

О предметахъ или объектахъ права 163

Возникновеніе и прекращеніе права и обязанности. 170

Осуществленіе (исполненіе) права; отправленіе (отправа) и стѣсненіе (ущербъ) права 183

О нарушеніяхъ права 194

Охраненіе и восстановленіе права 200

Разграниченіе по роду и виду гражданскихъ правъ, вещныхъ, и вещественныхъ и ихъ отличительныя свойства 211

О вещныхъ правахъ и способахъ ихъ возникновенія. 213

Система вещныхъ правъ 220

Право собственности, его отличительныя свойства . 229

Основаніемъ для предлагаемаго нынѣ курса Юридической Энциклопедіи послужили мои „Очерки Юридической Энциклопедіи“, вышедшіе 1-мъ изданіемъ въ 1868 году. Предпринимая переработку указаннаго труда, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ дать моимъ слушателямъ пособіе, соотвѣтственное программѣ по Энциклопедіи права, изданной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1888 году, для производства испытаній въ Государственныхъ испытательныхъ коммиссіяхъ.

Кіевъ, 1888 г.
Ноября 21-го дня.

Понятіе о юридической энциклопедіи.

Юридическая энциклопедія излагаетъ науку права, въ ея общихъ основаніяхъ и систематическомъ единствѣ. Сообразно съ этимъ опредѣленіемъ, юридическая энциклопедія имѣетъ своею задачею объясненіе предмета правовѣдѣнія: 1) *права*, куда входятъ: понятіе о правѣ, отношеніе права къ нравственности, личности, государству, формы права, понятіе о правахъ, правонарушеніяхъ и о системѣ права; и 2) ученія о самомъ *правовѣдѣніи*, куда входятъ: понятіе о наукѣ вообще и наукѣ права въ особенности, о научныхъ методахъ, способахъ изученія и изложенія права и системѣ правовѣдѣнія. Послѣ общихъ понятій о правѣ и правовѣдѣніи, юридическая энциклопедія излагаетъ основныя положенія каждой отдѣльной науки права.

Изложеніе общихъ понятій о правѣ и правовѣдѣніи составляетъ предметъ общей части, обо-

зрѣніе же частей правовѣдѣнія—предметъ особенной части юридической энциклопедіи [1]).

Нѣкоторые отвергаютъ самостоятельность юридической энциклопедіи, указывая на отсутствіе у нея особаго содержанія. Дѣйствительно, юридическая энциклопедія особаго предмета не имѣетъ и представляется какъ-бы введеніемъ въ правовѣдѣніе, существующимъ только для цѣлей пропедевтическихъ; даже общая часть юридической энциклопедіи говоритъ о такихъ вопросахъ, которыхъ можетъ касаться и всякая другая наука права.

Но есть черты, которыя даютъ юридической энциклопедіи нѣчто особенное и возвышаютъ ее изъ вступительнаго руководства въ истинную науку. Юридическая энциклопедія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ имѣетъ задачею представить науку права какъ живой организмъ, проникнутый одною высшею идеею; для достиженія ея она не довольствуется простымъ заимствованіемъ изъ другихъ наукъ и расположеніемъ матеріала по признакамъ внѣшнимъ, напр. по алфавиту, или по системѣ произвольной,

---

[1]) Слово энциклопедія, происходя отъ двухъ греческихъ словъ, отчасти заключаетъ въ себѣ то понятіе, которое соединяютъ съ нимъ въ настоящее время. Κύκλος—кругъ, фигура, имѣющая свой центръ, къ которому равно относятся всѣ ея части; παιδεία—общее юношеское образованіе, воспитаніе, или иначе—извѣстная совокупность познаній или предметовъ общаго обученія.

но стремится переработать все содержаніе правовѣдѣнія какъ одно цѣлое и въ немъ найти основныя начала и присущую систему права.

Подобная обработка даетъ юридической энциклопедіи значеніе самостоятельное и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ плодотворное вліяніе на развитіе всего правовѣдѣнія, потому что открываетъ возможность обнять правовѣдѣніе въ его связи и цѣлостности, оцѣнить его достоинства и недостатки, найти въ нѣкоторыхъ частяхъ пробѣлы, въ другихъ ложное направленіе, и этимъ самымъ вызываетъ правовѣдовъ къ новымъ усиліямъ и успѣхамъ.

Конечно, юридическая энциклопедія можетъ имѣть въ виду и цѣли пропедевтическія: служить введеніемъ для начинающихъ курсъ юриспруденціи, или доставить знакомство съ предметомъ для лицъ, желающихъ получить общее образованіе; эти цѣли могутъ имѣть даже вліяніе на изложеніе и расположеніе частей; но эти цѣли суть побочныя, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны измѣнять основной научной задачѣ юридической энциклопедіи.

Исторія обработки и литературы юридической энциклопедіи.

Юридическая энциклопедія въ томъ видѣ, какъ понимаютъ ее теперь, есть произведеніе временъ новѣйшихъ. Имѣя своею задачею уяснить общія понятія права и представить все содержаніе правовѣдѣнія въ систематической связи, она требовала для своего образованія, во-первыхъ, развитія правовѣдѣнія на тѣ многочисленныя вѣтви, которыя появились только въ позднѣйшія времена, во-вторыхъ, такой почвы, которая послужила бы опорою при отысканіи коренныхъ началъ права и соединеніи безконечныхъ частностей науки въ одно цѣлое. — Эти условія въ ихъ совокупности не были выработаны до новѣйшихъ временъ.

Въ Греціи хотя общее научное и философское движеніе было довольно значительно, но оно почти не коснулось права какъ дѣйствующей системы; свои положительные законы греки изучали только практически, и правовѣдѣнія въ смыслѣ нынѣшнемъ у нихъ не было. Самое названіе ἐγκύκλος παιδεία не прилагалось у нихъ къ правовѣдѣнію; подъ нимъ разумѣли извѣстный кругъ наукъ и искусствъ, не-

обходимыхъ свободному молодому человѣку для общаго образованія.

Почти то же самое можно сказать и о римлянахъ. При всемъ богатствѣ ихъ права, высокой практической и технической его обработкѣ, правовѣдѣніе не получило у нихъ теоретической обработки и не занималось уясненіемъ основныхъ началъ, безъ которыхъ невозможна юридическая энциклопедія. Названія artes liberales, orbis doctrinarum, замѣнившія ἐγκύκλος παιδεία, обозначали у нихъ, подобно грекамъ, совокупность предметовъ общаго образованія, безъ отношенія къ юриспруденціи. Институты Гая и Юстиніана, заключающіе въ себѣ нѣсколько краткихъ титуловъ о правдѣ и правѣ, о правѣ естественномъ, общенародномъ и гражданскомъ, объ источникахъ римскаго права суть не болѣе, какъ введеніе къ изученію римскаго права.

Еще менѣе можно было ожидать развитія юридической энциклопедіи въ началѣ среднихъ вѣковъ; средневѣковые trivium и quadrivium заключали въ себѣ только предметы общаго образованія, и то въ самомъ слабомъ видѣ.

Съ 12 и 13 вв. начинается пробужденіе общей европейской цивилизаціи и изученія права, особенно римскаго; училища Болонское и Парижское, преимущественно первое, дѣлаются центромъ юридическаго образованія и развитія. Въ 13 в. стали составлять сборники леннаго права и комментиро-

вать ихъ; во 2-й половинѣ 13 в. начали обработывать, какъ отдѣльную часть, уголовное право; въ началѣ 15 в.—междугосударственное право, а съ конца 17 в.—полицейское право, съ его многоразличными вѣтвями.

Такимъ образомъ, въ теченіе среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ, правовѣдѣніе развѣтвлялось, подготовлялся обширный матеріалъ, нуждавшійся въ систематизаціи и общемъ обозрѣніи.

Въ 13 в. монахъ de-Bauvais написалъ Speculum majus,—одно изъ первыхъ и самое извѣстное средневѣковое сочиненіе по всеобщей энциклопедіи; современникъ его, Вильгельмъ Дюрантисъ, составилъ, въ подраженіе ему, въ 1296 г. Speculum juris, которое обнимало все дѣйствовавшее тогда право, гражданское, уголовное и церковное, было первымъ опытомъ юридической энциклопедіи и довольно долгое время употреблялось въ школахъ и практиками. Вслѣдъ за Дюрантисомъ появилось множество подобныхъ же произведеній или подъ прежнимъ названіемъ, или же подъ названіемъ apparatus, summæ: тоже самое обиліе представляютъ 14, 15 и 16 вв.

Въ началѣ 17 в. начинается рѣшительное философское движеніе, въ лицѣ Бэкона, Дэкарта и Лейбница, которые предложили не только новыя философскія начала, но и обратили особое вниманіе на вопросы объ отношеніи различныхъ частей человѣческаго вѣдѣнія, на необходимость новыхъ мето-

довъ, и на созданіе научныхъ системъ въ духѣ единства и общей связи всѣхъ наукъ. (Бэконъ, De dignitate et augmentis scientiarum, 1623 г. и Лейбницъ, Nova methodus discendae docendæque Jurisprudentiae, 1668).

Подъ вліяніемъ общаго философскаго возбужденія, явилась знаменитая школа естественнаго права, съ своими представителями—Гротомъ, Пуффендорфомъ, Томазіемъ, Вольфомъ, имѣвшая огромное значеніе въ развитіи правовѣдѣнія. Особенно важно было вліяніе этой школы на юридическую энциклопедію, которая съ этого времени получила научное и быстрое развитіе. Въ общихъ началахъ естественнаго права юридическая энциклопедія нашла ту философскую почву, въ которой она такъ нуждалась и безъ которой не могла совладать съ разширившеюся областію права. Въ это время Гуній первый назвалъ свое сочиненіе энциклопедіею права [1]).

Крайности отвлеченнаго и формальнаго метода послѣдователей естественнаго права вызвали реакцію со стороны практическаго и положительнаго направленія, одинъ изъ представителей котораго С. Пюттеръ ввелъ названіе юридической энциклопедіи, принятое Гуніемъ, въ общее употребленіе; его Entwurf einer jurist. Encyclopädie, 1757, отличается ясностію, краткостію изложенія и расположеніемъ предметовъ

[1]) Hunnius, Encyklopoedia juris universi, Coloniæ. 1642.

права чрезвычайно удобнымъ для обозрѣнія всего права; онъ же первый принялъ отдѣленіе энциклопедіи отъ методологіи.

Среди измѣнявшихся и непримиренныхъ направленій отвлеченнаго и положительнаго въ исходѣ 18 в. явился Кантъ, поставившій своею цѣлію примирить науку и практику и дать всему знанію новыя основанія. Своею философіею Кантъ произвелъ важный переворотъ въ области наукъ философскихъ; подъ вліяніемъ его ученія, въ концѣ 18 и началѣ 19 вв. философія стала во главѣ науки, проникла во всѣ области, и къ ней стали обращаться за отвѣтами на всѣ высшіе вопросы человѣческаго ума. Юридическая энциклопедія и прежде была подъ вліяніемъ философскихъ системъ: но теперь, когда всѣ науки подчинились господству Кантовой философіи, она проникла въ нее вполнѣ и до послѣднихъ временъ не отдѣлялась отъ нея, такъ что дальнѣйшее развитіе юридической энциклопедіи можно слѣдить по возникновенію и паденію философскихъ системъ. Въ тѣсномъ союзѣ съ философіею, юридическая энциклопедія нѣсколько измѣнила свое содержаніе: до сихъ поръ она считала своею главною задачею обозрѣніе права и пропедевтическія и методологическія указанія; теперь же она стала заниматься, по преимуществу, уясненіемъ принциповъ права и построеніемъ на нихъ общей системы права.

Послѣ системы философіи Гегеля (Encyklopädie

d. philos. Wissenschaften, 1817, Grundlinien d. philos. d. Rechts, 1821), господствовавшей во всѣхъ отрасляхъ историческихъ и соціальныхъ наукъ въ 20-хъ годахъ XIX в., развитіе и вліяніе философіи ослабѣваетъ; прежнее увлеченіе ею замѣняется равнодушіемъ, которое особенно замѣчалось въ 50 и 60 годахъ. Такое состояніе философіи отразилось и на современныхъ юридическихъ энциклопедіяхъ; ни одна изъ вышедшихъ въ свѣтъ съ 50-хъ годовъ не отличается исключительною преданностію какой-либо одной философской системѣ, не считаетъ достаточнымъ однѣ философскія опоры и требуетъ основаній положительныхъ, по большей части историческихъ (Аренсъ); у большинства же преобладаетъ полный эклектизмъ (Варнкенигъ, Вальтеръ, Арндтъ, Меркель, Гарейсъ).

Эклектическій характеръ современныхъ юридическихъ энциклопедій вовлекъ ихъ въ неизбѣжные недостатки; всѣ онѣ страдаютъ, болѣе или менѣе, непослѣдовательностію, противорѣчіемъ, отсутствіемъ творчества, самобытности, всѣ онѣ сходны одна съ другою въ началахъ, доказательствахъ, даже примѣрахъ и формѣ изложенія.

Болѣе замѣчательныя изъ современныхъ юридическихъ энциклопедій: **Фридлендера** (Jur. Encykl. oder System der Rechtswiss. 1847); **Варнкенига** (Jur. Encykl. 1853); **Вальтера** (Jur. Encykl. 1856); **Аренса** (Jur. Encykl. 1855—57); **Меркеля** (Jurist. Encykl. 1885);

Гарейса (Encykl. u. Methodologie d. Rechtswissenschaft. 1887).

Германія, развившая и утвердившая юридическую энциклопедію какъ отдѣльную самостоятельную науку права, остается и въ настоящее время страною, гдѣ главнымъ образомъ она преподается; здѣсь она занимаетъ важное мѣсто въ кругу юридическихъ наукъ; ей даютъ значеніе не только пропедевтическое, но и самостоятельно научное. Она излагается обыкновенно въ двухъ частяхъ: общей и особенной; въ особенной большею частію помѣщаютъ краткіе догматическіе и историческіе очерки дѣйствующаго нѣмецкаго права. По примѣру Германіи, начали преподавать юридическую энциклопедію, съ 30-хъ годовъ, въ Голландіи, Бельгіи, Даніи. Во Франціи юридическую энциклопедію замѣняютъ курсы Droit naturel, Philosophie du droit, Institutes du droit romain; такимъ же образомъ поступаютъ и въ Италіи.

Въ Россіи развитіе юридической энциклопедіи въ ея полномъ и настоящемъ видѣ начинается только съ 30-хъ годовъ настоящаго вѣка; до этого времени въ преподаваніи и литературѣ она смѣшивалась отчасти съ правомъ естественнымъ, отчасти съ методологическими курсами.

Первые курсы естественнаго права стали преподаваться и издаваться съ учрежденіемъ Московскаго университета; эти курсы были простыми переводами или передѣлками системъ, господствовавшихъ

тогда въ германскихъ университетахъ (Вольфъ, Пуффендорфъ), самые преподаватели того времени (Дильтей, Лангеръ) были нѣмецкіе ученые. Въ концѣ 18 в. обнаружилось вліяніе французской школы, и особенно Монтескье; появилось много переводовъ юридико-политическихъ французскихъ сочиненій. Въ 1782 г. Шнейдеръ объявилъ въ Московскомъ университетѣ публичный курсъ о силѣ законовъ по Монтескье и свои чтенія напечаталъ; Шоденъ, котораго лекціи отличались особенною глубиною, возставалъ противъ Гоббеза и Руссо.

Въ 1804 г. вышелъ университетскій уставъ; юридическій факультетъ былъ соединенъ съ отдѣленіемъ наукъ нравственныхъ и получилъ нѣсколько новыхъ каѳедръ; были вызваны изъ-за границы новые преподаватели, явились и свои. Профессоры-иностранцы слѣдовали Канту и его ученикамъ.— Русскіе, занимавшіе въ это время юридическія каѳедры, были, по большей части, воспитанники Московскаго университета, окончившіе свое образованіе за границей. Они не довольствовались уже простою передачею нѣмецкихъ учебниковъ, стремились стать болѣе самостоятельно, и между ними образовались даже направленія: одни держались теоріи, другіе предпочитали практику. Къ первымъ принадлежитъ Левъ Цвѣтаевъ, старавшійся показать первыя основанія (Начертаніе теоріи законовъ. 1816 г.), на которыхъ зиждутся всѣ законы. Онъ относится къ

иностраннымъ авторамъ (Монтескье, Бентамъ, Беккарія) самостоятельно; выбираетъ только то, что согласно съ его взглядами и вообще находится подъ живымъ вліяніемъ начинавшагося уже тогда направленія консервативнаго и пietистическаго; нападаетъ на Руссо, Рейналя, французскихъ сенсуалистовъ, защищаетъ выгоды общественнаго состоянія, значеніе собственности, тождество религіи и права, указываетъ на необходимость сообразоваться съ мѣстными и временными условіями. (Книга Цвѣтаева, по своему содержанію, уже весьма близка къ юридической энциклопедіи; написанная языкомъ яснымъ, чуждая отвлеченностей, она пользовалась большимъ успѣхомъ, и до сочиненія Неволина была лучшимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ).

Представители другаго направленія, практическаго, были Горюшкинъ и Сандуновъ, образовавшіеся сами, изучившіе право, главнымъ образомъ, на службѣ, въ практикѣ. „Законовѣдѣніе“, по словамъ Горюшкина, „есть наука судить дѣла человѣческія по точной силѣ и словамъ законовъ, или есть дѣятельный навыкъ праведно судить дѣла человѣческія по законамъ“ (Руководство къ позн. рос. законоискусства). Сандуновъ (его рѣчь 1822 г.) совершенно отвергалъ всякую теорію; на мѣсто науки хотѣлъ поставить здравый русскій смыслъ и требовалъ отъ юристовъ только яснаго и правильнаго толкованія закона.

Въ первые годы 19 столѣтія на нашихъ каѳедрахъ стали излагать ученіе Шеллинга (Буле и Павловъ въ Московскомъ университетѣ). Главнымъ распространителемъ его былъ профессоръ медико-хирургической академіи Велланскій, по взгляду котораго всякая наука можетъ найти свое поясненіе въ натуральной философіи. Велланскій имѣлъ сильное вліяніе; сочиненія его читались съ жадностію; онъ успѣлъ образовать послѣдователей не только между своими учениками, но и въ областяхъ другихъ наукъ. Подъ значительнымъ вліяніемъ его воспитался Галичъ, проф. этико-юридическаго факультета Петербургскаго университета, который въ своихъ чтеніяхъ излагалъ воззрѣнія Шеллинга. а въ своей Исторіи философскихъ системъ (1818 г. 2 т.) всего ждетъ „отъ пополненія и развитія ихъ“ [1]).

[1]) Въ концѣ разсматриваемаго періода, вышли еще 2 сочиненія, относящіяся къ юридической энциклопедіи, но мало связанныя съ общимъ ходомъ нашего правовѣдѣнія: 1) Дегая—Пособія и правила изученія россійскихъ законовъ или матеріалы къ энциклопедіи, методологіи и исторіи литературы русскаго права, 1831 г.,—представляетъ нѣсколько весьма легкихъ замѣчаній о методологіи и отрывочное обозрѣніе русскаго гражданскаго, государственнаго, уголовнаго права и судопроизводства. Цѣль автора чисто практическая; онъ распространяется наиболѣе о способахъ примѣненія законовъ, о составленіи изъ дѣлъ выписокъ и т. п. и 2) Штекгарта—Юридическая пропедевтика 1838—1843, собраніе разныхъ свѣдѣній о правѣ и государствѣ, соединенное чисто внѣшнею системою и исполненное цитатъ и примѣровъ изъ нѣмецкихъ учебниковъ и римскаго права.

Съ 30-хъ годовъ начинается новое, лучшее время развитія правовѣдѣнія въ Россіи; этому содѣйствовало изданіе Свода Законовъ, Полнаго собранія Законовъ, новый университетскій уставъ (1835), увеличившій число юридическихъ каѳедръ, и приготовленіе цѣлаго ряда русскихъ юристовъ посылкою ихъ за границу. Наши молодые ученые занимались за границею съ рѣдкимъ усердіемъ и, возвратясь въ Россію, принесли съ собою современные плоды европейской науки. Проникнутые примирительнымъ и положительнымъ духомъ германской юриспруденціи 30-хъ годовъ, они стремились соединить методъ историческій и философскій и направили свои силы на историческіе и практическіе вопросы нашего права.

Можно сказать, что со времени возвращенія упомянутыхъ молодыхъ юристовъ изъ-за границы, русская юриспруденція не только стала въ близкую связь съ европейскою наукою, но пустила корни въ самомъ обществѣ, образовала дѣйствительно ученую среду и вышла изъ зависимости отъ случая и личностей профессоровъ, въ какой находилась до 30-хъ годовъ.

Самый замѣчательный изъ посланныхъ—былъ **К. Неволинъ**, назначенный на каѳедру юридической энциклопедіи въ университетъ св. Владиміра и издавшій въ 1838 и 1839 гг. свою Энциклопедію законовѣдѣнія. Сочиненіе это состоитъ изъ 2-хъ частей:

общей и особенной. Первая представляетъ наиболѣе самостоятельности; авторъ стремится въ ней, на основаніи нѣсколькихъ началъ, создать нѣчто самобытное; впрочемъ вліяніе Гегеля преобладаетъ; также какъ и послѣдній, онъ основываетъ право не на волѣ отдѣльныхъ лицъ, а на общемъ міровомъ и государственномъ порядкѣ, и разсматриваетъ каждое отдѣльное понятіе въ его тройственныхъ ступеняхъ; также какъ и Гегель, онъ излагаетъ существо и ступени развитія воли, значеніе гражданскаго общества, государства. Вліяніе Савиньи замѣтно въ вопросахъ о развитіи права и формахъ права. Въ ученіи о законахъ во внѣшнемъ обществѣ, о мѣрахъ охраненія, и особенно въ системѣ права, очевидно, прилагаются начала нашего Свода Законовъ. Наконецъ, мѣстами проявляется направленіе богословское, которое онъ получилъ, вѣроятно, при первоначальномъ воспитаніи; такъ въ ученіи о правдѣ, о дѣйствіи воли Божественной.

Особенная часть состоитъ изъ 2-хъ большихъ раздѣловъ: исторіи философіи права и исторіи положительнаго права; первый, говоря вообще, есть трудъ болѣе самостоятельный, нежели второй; исторія философіи древней обработана даже самобытно. Исторія положительнаго права составлена по лучшимъ тогдашнимъ сочиненіямъ объ этомъ предметѣ; главнымъ источникомъ для положительнаго матеріала служили Геренъ, Гансъ, Пасторе, Савиньи,

Эйхгорнъ, Захарія, Вальтеръ. Содержаніе книги Неволина отличалось чрезвычайнымъ богатствомъ и полнотою; не только русская, но и иностранная литература того времени не обнимали въ одномъ сочиненіи такой массы разнородныхъ свѣдѣній.

Богатство матеріала было плодотворно для насъ въ высшей степени; незнакомые съ литературою иностранною, мы должны были пополнять наше скудное юридическое образованіе передѣлками нѣмецкихъ учебниковъ естественнаго права и немногими плохими переводами Монтескье, Бэнтама, Бэккаріи. Книга Неволина сразу устранила этотъ недостатокъ и разширила кругъ нашихъ юридическихъ познаній, представивъ главнѣйшія явленія всѣхъ положительныхъ законодательствъ, и особенно философскихъ системъ, о которыхъ мы знали до сихъ поръ, большею частію, только по слуху; кромѣ того она познакомила насъ съ тогдашними живыми вопросами науки,—объ историческомъ развитіи міроваго порядка, объ отношеніи необходимости къ свободѣ, о волѣ, о ступеняхъ развитія государства, о кодефикаціи, объ отношеніи практики къ теоріи.

Энциклопедія законовѣдѣнія Неволина, несмотря на 50 лѣтъ, истекшія со времени ея изданія, несмотря на нѣкоторые недостатки, которые она имѣетъ, остается и до сихъ поръ замѣчательнымъ и полнѣйшимъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ по предмету юридической энциклопедіи: она воспитала

19974

цѣлое поколѣніе русскихъ юристовъ (отчасти впрочемъ передавъ ему и свои недостатки) и, безъ сомнѣнія, еще надолго сохранитъ свое значеніе, какъ ученое, основательное собраніе довольно полныхъ свѣдѣній объ исторіи философіи права и исторіи положительнаго права. Одна общая часть уже устарѣла для настоящаго времени.

Послѣ Энциклопедіи законовѣдѣнія **Неволина** вышли слѣдующія сочиненія, по этому предмету: Руководство къ познанію законовъ гр. **Сперанскаго**, Спб., 1845 г.; Энциклопедія законовѣдѣнія Николая **Рождественскаго**, 1863 г.; Юридическая догматика профессора **М. Капустина**, Москва, 1868 г.; Энциклопедія права, курсъ лекцій **П. Карасевича**, Ярославль, 1871 г. (Авторъ успѣлъ напечатать только введеніе въ Временникѣ Демидовскаго Ярославскаго Лицея за 1871 г., Январь); Очерки по энциклопедіи права **П. Делярова**, С.-Петербургъ, 1878 г. 1-й т. и Лекціи по общей теоріи права **Н. Коркунова**, ч. 1, Спб., 1887 г.

Сверхъ того имѣются переводы на русскій языкъ: Естественное право Шеллинга (Lehrbuch des Naturrechts, 1859) 1862 г. В. I; переведена лишь общая часть; и Юридическая энциклопедія Аренса (Jurist. Encyklopädie, 1855—57) 1863 г. (Подробный разборъ этихъ книгъ помѣщенъ въ Юридич. Вѣстн., 1862 г.).

Общее понятіе о правѣ.

Общее понятіе о правѣ.

Человѣкъ есть существо общежительное, способное развивать свои силы только въ союзѣ съ другими людьми; вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ есть существо эгоистическое, склонное подчиняться личнымъ интересамъ и влеченіямъ, вслѣдствіе чего люди могутъ приходить въ столкновеніе и нарушать взаимно свою безопасность.

Для устроенія человѣческаго общежитія и поддержанія между людьми мира и порядка существуетъ право, которое опредѣляетъ и охраняетъ всѣ общежительныя отношенія, служащія къ достиженію разумныхъ цѣлей человѣка и цѣлаго общества.

Законы права существенно отличаются отъ законовъ природы физической. Первые вырабатываются самими людьми, измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ людскихъ отношеній и воззрѣній и господствуютъ надъ человѣкомъ какъ надъ существомъ разумнымъ, способнымъ въ извѣстной степени управлять своими дѣйствіями и отвѣтствовать за нихъ; вторые даются самою природою, заключаются въ ней самой, дѣйствуютъ неизмѣнно и составляютъ порядокъ несвободный; части физическихъ организмовъ служатъ безсознательно и неуклонно къ выполненію общаго плана; люди же

дѣйствуютъ и подчиняются общественному порядку сознательно и могутъ отклоняться отъ его цѣлей и нарушать его требованія.

Указанное общее понятіе о правѣ заключаетъ въ себѣ слѣдующія характеристическія основанія и условія: а) право есть порядокъ общественный, и потому составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго общества, на всѣхъ ступеняхъ его развитія; б) право опредѣляетъ общественныя отношенія людей и не входитъ въ личный міръ человѣка, касаясь послѣдняго лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда личныя отношенія оказываютъ прямое дѣйствіе на общій порядокъ или на свободу другихъ; в) право опредѣляетъ лишь тѣ человѣческія отношенія, которыя обнаруживаются во внѣшнихъ опредѣленныхъ явленіяхъ, а потому мысли и намѣренія, хотя и относящіяся къ обществу, но не получившія внѣшняго опредѣленнаго выраженія, не подлежатъ праву; г) право, заключая въ себѣ нормы для сознательнаго и безопаснаго достиженія людьми всѣхъ разумныхъ задачъ, назначаемыхъ природою и исторіей, само не изыскиваетъ для человѣка положительныхъ цѣлей жизни, не указываетъ всѣхъ путей, которыми онъ можетъ достигнуть ихъ, а потому законы права отличаются, по преимуществу, характеромъ формальнымъ, состоятъ изъ ограниченій и запрещеній; положительныя требованія встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ публичномъ правѣ; д) право есть выраженіе

общественной мысли и власти, и потому обладаетъ всегда силою исполненія и принужденія. Основаніе принужденія заключается въ его необходимости; требованія права, предоставленныя эгоистическимъ интересамъ и случайнымъ желаніямъ отдѣльныхъ лицъ, могли бы оставаться безъ исполненія, а это повело бы къ столкновеніямъ и колебанію самого общества. Принужденіе юридическое не есть простая сила, обнаруживающаяся по мѣрѣ своего могущества и напряженія; оно есть сознательное выраженіе общественной воли и власти, которыя должны дѣйствовать лишь на основаніяхъ и въ предѣлахъ права.

Право, въ указанныхъ чертахъ и задачахъ, составляетъ одно изъ великихъ явленій человѣческой жизни. Оно соединяетъ людей въ союзы, охраняетъ ихъ отъ всякаго рода враждебныхъ силъ, обезпечиваетъ и облегчаетъ ихъ развитіе и преуспѣяніе, расширяетъ границы дѣятельности людей во времени и въ пространствѣ, увѣковѣчивая земное бытіе человѣка, дѣлая его участникомъ прошедшаго, будущаго и всѣхъ союзовъ, существующихъ на земномъ шарѣ. Потому-то предположеніе, будто бы право лишаетъ людей какой-то естественной свободы, будто бы люди могутъ жить другъ подлѣ друга въ мирѣ безъ всякой юридической организаціи, неосновательно. Внѣ союза и права свободная дѣятельность людей не имѣетъ прочныхъ основаній; чело-

вѣкъ, подчиненный власти права, гораздо болѣе выигрываетъ въ своей независимости, нежели приноситъ ей въ жертву.

Право не дается, однако, людямъ въ видѣ законченнаго и неизмѣннаго порядка; оно вырабатывается и утверждается постепенно трудами государственной власти, общества и отдѣльныхъ лицъ, причемъ существующія положенія непрерывно преобразуются, старыя правила и учрежденія замѣняются новыми, болѣе соотвѣтственными.

Въ происхожденіи и развитіи права участвуютъ три существенныя и отличныя другъ отъ друга силы. 1. Отношенія между людьми, какъ элементъ матеріальный, составляющій основаніе и содержаніе права; эти отношенія имѣютъ свои законы, данные природою и исторіей; воля человѣка не въ силахъ идти противъ природы и исторіи, а потому право должно сообразоваться съ ними, иначе окажется безсильнымъ и даже повредитъ общежитію. Второй необходимый элементъ въ образованіи права есть человѣческое сознаніе, которое устанавливаетъ для фактическихъ, матеріальныхъ отношеній формы и уставы права. На первыхъ порахъ народной жизни, человѣческое сознаніе, слабое и неразвитое, принимаетъ отношенія въ простомъ и большею частію грубомъ видѣ первобытной жизни; природа и исторія какъ бы подкладываютъ человѣку готовый матеріалъ, котораго онъ не въ силахъ уразумѣть и на-

править на истинный путь. Именно въ этотъ періодъ утверждаются и освящаются правомъ господство силы, угнетеніе слабѣйшихъ, неравномѣрность обязанностей предъ государствомъ и вообще многіе заблужденія и предразсудки.

На ступени болѣе развитой и просвѣщенной, человѣкъ понимаетъ вѣрнѣе и глубже условія общественной жизни и задачи права, вслѣдствіе чего онъ постепенно измѣняетъ существующіе законы права и вводитъ новыя, болѣе разумныя и соотвѣтственныя формы для успѣховъ общежитія.

Впрочемъ, и на самыхъ высшихъ ступеняхъ цивилизаціи человѣческое сознаніе не можетъ вытѣснить или извратить природу. Задача совершеннаго права состоитъ въ образованіи нормъ, соотвѣтственныхъ истинной природѣ отношеній и требованіямъ высочайшей культуры человѣческихъ обществъ.

Право есть порядокъ обще-обязательный, поэтому сознаніе и нравственное требованіе отдѣльныхъ лицъ, сами по себѣ, не составляютъ права; для полнаго образованія права необходимъ третій, заключительный элементъ, состоящій въ признаніи извѣстнаго правила или требованія обязательнымъ. Такое признаніе принадлежитъ обществу или его представителю—государственной власти, и совер-

шается въ формѣ непосредственнаго соблюденія или въ формѣ утвержденнаго и объявленнаго закона.

Самыя справедливыя и возвышенныя указанія и требованія человѣческаго разума и нравственности, доколѣ не получили установленнаго признанія и утвержденія общества, остаются безъ юридической силы и дѣйствія и могутъ оказывать только посредственное вліяніе на измѣненіе и усовершеніе дѣйствующаго права.

Право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ.

Въ общемъ понятіи о правѣ должно отличать двѣ стороны: право внѣшнее, или право въ объективномъ смыслѣ, и право внутреннее, или право въ субъективномъ смыслѣ. Первое есть формальная сторона права, состоитъ изъ положительныхъ нормъ, уставовъ, учрежденій, опредѣляющихъ общія условія и формы для всѣхъ подлежащихъ праву отношеній; оно указываетъ предѣлы, въ которыхъ люди могутъ развивать свою дѣятельность. Право внутреннее, или право въ субъективномъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ самое содержаніе права; оно опредѣляетъ, съ одной стороны, власть и господство, а съ другой — соотвѣтственныя обязанности и подчиненіе лицъ и учрежденій, для которыхъ установлены юридическія нормы. Право внѣшнее и внутреннее находятся въ постоянной и неразрывной связи между собою. Первое безъ втораго будетъ выражать отвлеченное могущество, совокупность правилъ и нормъ лишенныхъ дѣйствія, осуществленія; право внут-

реннее возможно лишь при существованіи внѣшняго, въ которомъ находитъ для себя основу, предѣлы и охрану.

О справедливости.

Справедливость.

Независимо отъ права существуетъ еще понятіе о справедливости (aequitas, équité, Billigkeit), которое примѣняютъ при оцѣнкѣ достоинства и правоты человѣческихъ отношеній, какъ личныхъ такъ и общественныхъ. Въ обыденной жизни нерѣдко смѣшиваютъ понятія о правѣ и справедливости или признаютъ ихъ совершенно отличными и даже противоположными другъ другу.

Справедливость не есть ни особенная форма права, ни какая-либо сила, отличная отъ права, а тѣмъ болѣе противоположная праву. Справедливость состоитъ въ обсужденіи и принятіи во вниманіе особенностей въ положеніяхъ лицъ и ихъ отношеній въ каждомъ данномъ случаѣ; она есть (по удачному выраженію Пухты) „признаніе индивидуальныхъ различій и ихъ требованій“. По своей коренной задачѣ, право требуетъ того же, что и справедливость, т. е. чтобы каждый случай былъ рѣшенъ сообразно его свойствамъ; но право, устанавливая, по необходимости, только общую сто-

рону отношеній, состоитъ преимущественно изъ общихъ нормъ; между тѣмъ, отношенія совершаются не въ одинаковыхъ составныхъ частяхъ, и не могутъ вполнѣ равномѣрно подходить подъ общія опредѣленія. Вслѣдствіе этого является необходимость прибѣгать къ справедливости, какъ къ элементу смягченія и примиренія общности или строгости опредѣленій закона съ индивидуальностями явленій дѣйствительныхъ. Справедливость можетъ имѣть мѣсто какъ при составленіи и изъясненіи законовъ, такъ и при примѣненіи ихъ. Законодательныя нормы, устанавливаемыя на основаніи справедливости, хотя бы и заключали въ себѣ какія-либо исключенія изъ общаго правила, очевидно, имѣютъ такой же общій характеръ, какъ и всякія опредѣленія законодателя. Что же касается дѣйствія справедливости въ примѣненіи законовъ, то въ государствахъ, владѣющихъ значительною кодефикаціею, оно можетъ быть только въ границахъ закона, и должно основываться не на субъективномъ чувствѣ или произвольныхъ соображеніяхъ судьи, но на фактической, объективной сторонѣ дѣла. На основаніи справедливости судья не можетъ ни пополнять пропуски закона, ни исключать приложеніе извѣстнаго закона къ извѣстному случаю. Только тогда, когда самъ законъ уполномочиваетъ судью рѣшать извѣстныя дѣла по справедливости, онъ можетъ дѣйствовать болѣе самостоятельно; это бываетъ въ

отношеніяхъ, отличающихся особенною тонкостію и деликатностію, напр. въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, супруговъ, дарителей къ получившимъ даръ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ о вознагражденіяхъ и, въ особенности, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ.

О естественномъ правѣ.

Естественное право.

Въ правовѣдѣніи, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, господствовало ученіе (слѣды его остаются и до настоящаго времени), утверждавшее, что независимо отъ права дѣйствительнаго, положительнаго существуетъ право естественное (называемое также правомъ разума, философскимъ, jus naturale, jus divinum), подъ которымъ должно разумѣть совокупность высшихъ, всеобщихъ, неизмѣнныхъ и совершенныхъ началъ права, существующихъ собственною силою и заключающихъ въ себѣ идеалъ и критеріумъ для права положительнаго.

Источникъ естественнаго права находили въ идеѣ правды и справедливости, живущей въ душѣ человѣка, въ природѣ вещей и существъ, откуда оно извлекается разумомъ человѣка, наконецъ въ

первоначальной, до-общественной жизни человѣчества.

Въ подтвержденіе существованія естественнаго права, какъ высшаго и постояннаго закона, приводили множество доводовъ, изъ которыхъ главнѣйшіе суть:

a) Положительное право представляетъ безконечное разнообразіе явленій, въ которыхъ можно встрѣтить противорѣчія, смѣшеніе добра и зла, права и не-права; b) исторія и опытъ не въ состояніи дать понятія о вѣчномъ, неизмѣнномъ законѣ права, потому что всякое отвлеченное, высшее понятіе только тогда истинно, когда обнимаетъ всю сущность предмета; но жизнь даже и образованнѣйшихъ народовъ далека отъ своего высшаго развитія; c) въ природѣ всѣхъ людей существуетъ чувство и сознаніе того, что истина права и не-права не подчиняется случайнымъ обстоятельствамъ, власти и мнѣнію другихъ, и что каждый невольно стремится обсуждать и оцѣнивать всѣ явленія жизни, независимо отъ опредѣленій положительнаго закона; d) основныя начала права сходны у всѣхъ народовъ, несмотря на различіе временъ, мѣстъ, расъ, образованія; правила: не убей, не укради существуютъ и теперь, какъ существовали за 1000-чи лѣтъ.

Приведенныя доказательства нельзя признать удовлетворительными: a) системы естественнаго

права создаются также людьми и потому несвободны отъ противорѣчій и заблужденій, не въ состояніи выйти изъ границъ опыта исторіи, и обнять право во всей его сущности; будучи произведеніемъ отдѣльныхъ лицъ, онѣ отличаются характеромъ даже болѣе колеблющимся, нежели положительное право общества; b) сознаніе независимости права отъ случая и произвола и стремленіе человѣка оцѣнивать явленія юридической жизни происходятъ оттого, что право образуется по извѣстнымъ законамъ, дѣйствуетъ въ границахъ опредѣляемыхъ отношеній; люди же обладаютъ свойствомъ понимать и обсуждать явленія на основаніи понятій, образуемыхъ природою и жизнію; c) общность основныхъ требованій права у всѣхъ народовъ далеко не такъ сильна, какъ указываютъ: она замѣчается только у народовъ, живущихъ подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же естественныхъ и историческихъ условій, и зависитъ отъ сходства главныхъ отношеній жизни и единства законовъ, по которымъ дѣйствуетъ человѣческое сознаніе. Съ успѣхами жизни эта общность должна усиливаться, такъ какъ цивилизація уравниваетъ физическія и умственныя различія государствъ, хотя никогда не достигнетъ конечнаго предѣла, потому что внѣшняя природа всегда удержитъ извѣстную долю вліянія на юридическія условія жизни, а человѣкъ и отдѣльныя общества всегда сохранятъ свою индивидуальность.

Историческія замѣчанія о естественномъ правѣ.

Происхожденіе естественнаго права основано на стремленіи человѣческаго ума изслѣдовать основныя причины всѣхъ вещей, и въ этомъ отношеніи оно тождественно вообще съ наукою, теоріею. Первые зачатки системъ естественнаго права можно видѣть уже въ ученіяхъ Платона, Аристотеля, стоиковъ, скептиковъ.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ обнаружилось стремленіе выйти изъ отжившихъ учрежденій; сознали потребность лучшаго права и государства и начали съ особеннымъ усердіемъ обработывать системы естественнаго права, въ которыхъ, опираясь на разумъ и природу вещей, нападали на существующее и указывали на необходимыя улучшенія и реформы.

Со временъ Грота, чрезъ весь 17 и 18 вв. тянется длинный рядъ системъ естественнаго права, которыя приносили однако мало непосредственной пользы; ихъ вѣчные разумные законы оставались только въ книгахъ и умахъ немногихъ современниковъ. Оттого тягость положенія становилась еще чувствительнѣе и къ концу 18 в. обратилась въ рѣшительное отвращеніе ко всему положительному, къ древней мудрости, преданію; негодуя на общества настоящія, перестали вѣрить вообще во всякое общество и находили свободу и жизнь, согласную съ разумомъ, только внѣ гражданскихъ порядковъ. И въ это-то время появились наиболѣе фантастическія, неприложимыя системы естественнаго права.

Французская революція открыла естественному праву поприще болѣе широкое; представители законодательныхъ собраній, проникнутые мыслію о всемогуществѣ человѣческаго разума, о непогрѣшности теоретическихъ началъ, быстро разрушали настоящее и на его мѣсто старались утвердить ученія естественнаго права. Произведенные опыты объяснили вполнѣ недостатки естественнаго права. Рядъ самыхъ печальныхъ переворотовъ и заблужденій убѣдилъ въ безсиліи естественнаго права, какъ кодекса; увидѣли ясно, что оно не заключаетъ въ себѣ безусловныхъ началъ и, какъ созданіе еди-

ничныхъ силъ, не въ состояніи замѣнить дѣйствительнаго права, создающагося всею жизнію народа. Съ этого времени естественное право сливается частію съ философіею права, а частію съ наукою права вообще.

Нравственность и право, ихъ различіе и взаимное отношеніе.

Нравственность и право.

Нравственность есть внутренній личный законъ человѣка, направляющій его къ добру въ его отношеніяхъ къ себѣ, другимъ и ко всему міру. Въ своемъ обнаруженіи, нравственность имѣетъ характеристическія черты, отличающія ее отъ порядка юридическаго и заключающіяся главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: нравственность есть законъ внутренній, духовный, направляющій человѣка къ добру, господствующій надъ всѣми его стремленіями и отношеніями, общественными и личными, внѣшними и внутренними; нравственность устраняетъ изъ своей области внѣшнюю принудительную власть, господствуетъ надъ людьми своею собственною силою, какъ требованіе ума, чувства; ея могущество зависитъ отъ степени развитія людей и сознанія обязанностей къ себѣ, другимъ и ко всему міру: оттого изъ нравственнаго закона можетъ возникнуть личный долгъ, но не юридическое притязаніе для другихъ. Нравственность обсуживаетъ каждый данный

случай въ его индивидуальныхъ чертахъ, и при томъ со стороны побужденія, а не результатовъ: дѣйствіе признается нравственнымъ, если предпринимается съ доброю цѣлію, хотя бы и не принесло успѣха. Нравственность не довольствуется однимъ запрещеніемъ и предписаніями воздержанія, она требуетъ дѣйствій положительныхъ: нравственныя обязанности, при ихъ исполненіи, способны къ безконечному развитію, между тѣмъ какъ обязанности юридическія всегда имѣютъ опредѣленныя границы.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что право и нравственность существенно отличаются другъ отъ друга и по кругу и по средствамъ дѣйствія: первое имѣетъ въ виду внѣшній порядокъ общежитія, вторая—внутреннюю сторону человѣка въ его личной и общественной жизни; первое устанавливаетъ общія обязательныя нормы, обсуживаетъ отношенія по ихъ общимъ признакамъ, и въ случаѣ надобности употребляетъ принужденіе, вторая дѣйствуетъ какъ личный долгъ, обсуживаетъ индивидуальности отношеній и устраняетъ всякую внѣшнюю силу.

Отличія эти вытекаютъ изъ коренныхъ и непреходящихъ свойствъ человѣка, а потому между правомъ и нравственностію всегда будетъ оставаться извѣстная граница, не допускающая ихъ сліянія; граница эта, однако, не можетъ быть постоянною и неизмѣнною, такъ какъ право и нравственность непрерывно развиваются, и отношеніе между ними

измѣняется подъ вліяніемъ различныхъ условій, въ которыхъ живутъ люди.

Что касается взаимнаго отношенія между правомъ и нравственностію, то очевидно, что обѣ эти области проистекаютъ изъ одной общей мысли о добрѣ и правдѣ, составляютъ лишь различныя стороны и проявленія человѣческой дѣятельности и стремятся различными путями къ общей цѣли— благу и совершенству человѣка. Поэтому обѣ области равно необходимы для человѣческой жизни и служатъ для взаимнаго пополненія; ни одно общество не можетъ существовать по одному вынужденію, безъ нравственныхъ побужденій своихъ членовъ, а съ другой стороны нравственныя начала смягчаютъ требованія права, иногда слишкомъ строгія и несоотвѣтственныя индивидуальности отношеній.

На этомъ основаніи образовалось коренное правило: нравственность не должна требовать нарушенія права, право не должно предписывать безнравственнаго; на этомъ же основаніи право и нравственность нерѣдко переступаютъ взаимную границу, и являются на помощь другъ къ другу, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда нравственныя отношенія оказываютъ прямое и ближайшее вліяніе на общественный порядокъ, или же когда право безсильно понять явленія съ одной внѣшней стороны ихъ. Встрѣчающіяся иногда противорѣчія между требованіями нравственности и права происходятъ не

отъ различія ихъ основаній и цѣлей, но или отъ болѣе узкой задачи права, или отъ временныхъ недостатковъ права и общности юридическихъ правилъ.

Историческія замѣчанія о развитіи нравственности.

Дѣятельная разработка вопроса о нравственности и ея отношеніи къ праву наступила только съ началомъ новыхъ вѣковъ. Въ восточномъ мірѣ религія, нравственность и право были въ полномъ смѣшеніи; народы восточные возводили весь міръ и человѣческій порядокъ къ непосредственной волѣ Бога, для нихъ велѣнія всякаго рода равно исходили непосредственно отъ Бога, слѣдовательно равно были безусловны и подлежали вѣдѣнію и суду земныхъ представителей божества. Въ греческомъ мірѣ государство тяготѣло надъ всѣми отношеніями жизни и подчиняло своей власти и своимъ цѣлямъ всего человѣка, если находило это нужнымъ для государственныхъ интересовъ.

Римское право, усвоившее лицу должное мѣсто въ сферѣ по крайней мѣрѣ гражданскихъ отношеній, впервые поставило вопросъ о различіи права и нравственности, и съ чрезвычайнымъ умѣніемъ успѣвало отличать эти области въ отдѣльныхъ явленіяхъ; но не занималось имъ теоретически и не заботилось объ отысканіи основныхъ принциповъ обѣихъ областей.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ исчезли и тѣ частныя отличія права отъ нравственности, которыя были сдѣланы римлянами; учители церкви (Лактанцій, св. Амвросій и особенно св. Августинъ), ставя главною задачею человѣка духовную жизнь, стремились ослабить значеніе права какъ порядка земнаго, временнаго и подчинить его власти религіи и церкви. Въ ихъ глазахъ, эгоистическія начала права, не налагавшія положительныхъ обязанностей въ пользу ближняго, могли имѣть мѣсто только при испорченности человѣка и не имѣли сами въ себѣ никакого достоинства. Поэтому высшая задача человѣчества—возвратиться къ утра-

ченной невинной жизни и жить безъ права, на основаніи одной любви и вѣры.—Ученіе это проникло въ законодательство и повело къ злоупотребленіямъ, къ преслѣдованію свободы совѣсти и мысли.—Среди такого положенія вещей обнаружилось стремленіе защитить внутренній міръ человѣка отъ суда и принужденія и такимъ образомъ отдѣлить право отъ нравственности; оно обозначилось ясно уже въ первыхъ ученіяхъ школы естественнаго права (въ концѣ 16 и началѣ 17 вв.), но дѣлается особенно замѣтнымъ въ рукахъ Томазія, который ограничивалъ область права отрицательнымъ предписаніемъ не дѣлать другому вреда, и соединялъ право съ понятіемъ принужденія. Философы и правовѣды конца 18 вѣка (Кантъ, А. Фейербахъ, Гоффбауеръ, Захарія), еще рѣшительнѣе отдѣляли право отъ нравственности, полагая, что право должно заботиться только объ охраненіи внѣшней свободы и дозволять все, что прямо не вредитъ ей.

Крайности этихъ ученій вызвали весьма скоро противодѣйствіе, вслѣдствіе котораго въ 19 столѣтіи утвердилось воззрѣніе, что право и нравственность суть части одного общаго цѣлаго, которыя преслѣдуютъ въ сущности одну конечную цѣль и должны помогать другъ другу.

Въ 19 же вѣкѣ уяснена была ложность и мечтательность ученій, признававшихъ право порядкомъ несогласнымъ съ прирожденной человѣческой свободой, порядкомъ, который, съ развитіемъ человѣческаго совершенства, долженъ слиться съ нравственностію, при которой люди будутъ жить только по закону разума и совѣсти.

Въ настоящее время вполнѣ доказано, что право основано на потребности человѣка въ обществѣ, которая никогда не исчезнетъ, такъ какъ человѣкъ можетъ достигать всѣхъ разумныхъ цѣлей только въ обществѣ, которое не можетъ управляться одними нравственными началами, потому что люди живущіе въ немъ нуждаются въ порядкѣ общемъ, и потому что недостатки людей заключаются въ самой ихъ природѣ, и такъ же непреходящи, какъ и по-

слѣдняя; и на самой высокой ступени цивилизаціи, для ограниченія и направленія эгоистическихъ и произвольныхъ стремленій человѣка, нужна опредѣляющая и охраняющая власть права.

Право и государство и ихъ взаимная связь.

Право и государство.

Право можетъ существовать только въ общественныхъ союзахъ, потому что только въ нихъ оно находитъ необходимую сферу для своего образованія и дѣйствія. Никакое общество не можетъ обойтись безъ обезпеченнаго юридическаго порядка, а съ другой стороны, въ каждомъ союзѣ людей считается за право только то, что признано общественнымъ авторитетомъ, прямо или посредственно, за обязательную норму для внѣшняго поведенія людей въ обществѣ.

Люди могутъ жить только въ обществахъ, и вездѣ мы застаемъ ихъ въ тѣхъ или другихъ общественныхъ союзахъ; низшія формы этихъ союзовъ суть: семейство, племя, община, союзъ племенъ и общинъ, союзы вотчинные, патримоніальные. Каждый изъ этихъ союзовъ заключаетъ въ себѣ зародыши государственной жизни, но не государство въ полномъ его смыслѣ: въ нихъ недостаетъ или твердой общественной власти и личной самостоятельности (семейство, племя), или сознанія

политической жизни (союзы племенъ и общинъ), или высшихъ общественныхъ цѣлей (союзы вотчинные и патримоніальные).

Понятіе о государствѣ.

Государство есть высшая ступень человѣческаго общежитія. Оно есть общество людей, соединенныхъ единствомъ политической жизни, занимающее опредѣленную область, состоящее подъ господствомъ (суверенитетомъ) высшей государственной власти, исполняющей всѣ высшія задачи управленія, законодательства и суда. Въ низшихъ союзахъ многія прямыя обязанности государства выполняются семействами, родами, мелкими обществами (такъ напр. наказаніе виновнаго производится частными лицами или ихъ семействами—родовая месть; налагается отвѣтственность за воровства и убійства на общины; корпораціи содержатъ войско, частныя лица отправляютъ судъ, опредѣляютъ повинности). Какъ высшая ступень общежитія, государство является только при развитой человѣческой жизни и есть такая же потребность высшей культуры, какъ низшія формы общежитія,—потребность людей вообще.

Происхожденіе государства.

О способахъ образованія государствъ имѣется весьма мало свѣдѣній: исторія застала первобытныя государства уже тогда, когда процессъ образованія ихъ окончился и бытіе обозначилось. Болѣе извѣстные способы суть: завоеваніе, смѣшеніе племенъ. призваніе какимъ-либо племенемъ чужеземной вла-

сти, колонизація, основаніе государствъ религіозными реформаторами (государства восточныя), просвѣтителями (нѣкоторыя греческія государства). Предположеніе о происхожденіи государства посредствомъ договора вполнѣ неосновательно, такъ какъ для дѣйствительности договора необходимо существованіе общества съ извѣстною осѣдлостію, образовавшимися отношеніями, цѣлями и властію, которая могла бы обезпечить исполненіе договора.

Государство, какъ организованное политическое общество, представляетъ извѣстное сходство съ организмомъ и личностію. Подобно организмамъ растительнымъ и животнымъ, оно возникаетъ, растетъ, старѣется, упадаетъ, и представляетъ такое крѣпкое, внутреннее соединеніе силъ и установленій, что разрушеніе одной изъ нихъ можетъ повредить жизни цѣлаго. Подобно личности, оно заключаетъ въ себѣ живую цѣлостность, имѣетъ характеръ, обладаетъ волею, т. е. возможностію дѣйствовать съ извѣстнымъ выборомъ. Но есть между ними и различія. Въ государствахъ жизнь основывается на бытіи отдѣльныхъ лицъ, которыя сами въ себѣ носятъ принципъ движенія, сами для себя суть главныя цѣли, и иногда находятся въ противорѣчіи съ цѣлымъ. Въ организмахъ физическихъ жизнь соединяется въ центральныхъ органахъ, и части ихъ суть только орудія цѣлаго.

Съ другой стороны, личность есть дѣятель само-

стоятельный, государство же есть соединеніе силъ и стремленій народа, основа его и конечная цѣль— въ народѣ, въ лицахъ; поэтому полное отождествленіе государства съ личностію всегда будетъ невѣрно.

Основные элементы государства: территорія.

Необходимыя условія бытія государства суть: земля, народъ и государственная власть.

Земля составляетъ матеріальное основаніе всѣхъ силъ государства, и въ этомъ значеніи производитъ постоянное вліяніе на его духовную сторону: свойства почвы, пространство, положеніе, экономическія и другія условія земли налагаютъ видимый отпечатокъ на характеръ и исторію государства. Государство владѣетъ занимаемою имъ землею какъ государственною областію (территоріею), имѣющею опредѣленныя границы, въ которыхъ власть государственная можетъ и должна дѣйствовать. 1)

Народъ.

Народъ составляетъ личный элементъ государства. Народъ въ смыслѣ государственномъ не есть ни масса людей, соединенныхъ произвольно, ни разросшаяся семья; это есть населеніе, образовавшееся путемъ естественнаго нарожденія и исторіи въ одно политическое цѣлое. Нельзя опредѣлить количество народа, необходимое для бытія государства; оно должно быть достаточно для защиты отъ нападеній внѣшнихъ и для охраненія порядка внутренняго. Отдѣльныя лица, составляющія народъ, по отно-

1) Право государства на [illegible]

шенію къ государству суть подданые и граждане; какъ подданные, они должны повиноваться государственной власти и нести общественныя повинности; какъ граждане, они суть члены политической жизни своей страны.

Народъ, въ смыслѣ государственномъ, не совпадаетъ съ понятіемъ націи (natio, nation, Naturvolk), подъ которою можно понимать совокупность людей, происходящихъ отъ одного родоначальника и соединенныхъ между собою единствомъ языка и нравовъ. Принципъ національный заключается въ совмѣстномъ жительствѣ и чисто естественномъ кровномъ единствѣ; принципъ государственный основанъ на отношеніи власти и подчиненія, представляетъ единство политической жизни, выработанное исторіею и владѣющее достаточною силою для своего развитія. Какъ одинъ изъ матеріаловъ постоянныхъ, изъ которыхъ слагается государственная жизнь, національность имѣетъ извѣстныя права, сходныя въ нѣкоторомъ отношеніи съ правами отдѣльныхъ лицъ: подобно послѣднимъ, національность имѣетъ право развивать свои особенности (т. е. языкъ, нравы) и пользоваться ими, но только въ той мѣрѣ, въ какой это не нарушаетъ жизни и цѣлей общаго бытія государства.

Государственная власть.

Третій необходимый элементъ для государства — есть власть государственная, которая повелѣваетъ и управляетъ государствомъ, и которой подчинены

всѣ обыватели государства. Основаніе этой власти заключается не въ волѣ народа, не въ той или другой государственной силѣ, и не въ конституціяхъ, а въ безусловной потребности въ ней.

Власть государственная есть высшая, не допускающая совмѣстнаго существованія другой равной власти; есть непрерывная, пока существуетъ государство и, какъ полнѣйшее олицетвореніе единства государственной жизни, есть единая. Въ примѣненіи и осуществленіи своей задачи, единая государственная власть раздѣляется на отдѣльные виды, по свойству обязанностей и по органамъ, которымъ она ввѣряется; главные изъ нихъ суть: законодательная, правительственная (исполнительная и административная) и судебная. Каждая изъ этихъ властей пользуется извѣстною самостоятельностію лишь въ кругѣ своей ближайшей дѣятельности.

О цѣли государства.

Государство живетъ не для самого себя, оно не есть и дѣятель, который можетъ заступить мѣсто человѣка и принять на себя непосредственное удовлетвореніе нуждъ его. Люди суть самостоятельные и отвѣтственные дѣятели, предназначенные трудиться и собственными силами достигать всѣхъ доступныхъ имъ благъ. Государство есть поприще и средство для достиженія людьми своихъ цѣлей. Обязанности его заключаются въ опредѣленіи и храненіи обще-

житія (т. е. права), въ управленіи дѣлами государственными и тѣми общественными, которыя, по своей важности, не могутъ быть предоставлены заботамъ самихъ обществъ и, наконецъ, въ содѣйствіи отдѣльнымъ лицамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда осуществленіе частныхъ интересовъ представляетъ общую пользу, а между тѣмъ не можетъ быть достигнуто частными усиліями. Такимъ образомъ, задача государства состоитъ въ установленіи права, въ управленіи государственнымъ союзомъ и въ содѣйствіи, по мѣрѣ надобности и возможности, общеполезнымъ предпріятіямъ отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ союзовъ. Нельзя, однако-же, опредѣлить точныя и постоянныя границы для указанныхъ государственныхъ цѣлей, потому что каждое время и каждое государство, понимая ихъ по-своему, то съуживаетъ, то разширяетъ ихъ. На первыхъ ступеняхъ народной жизни, цѣли государства, по большей части, имѣютъ только отрицательный характеръ: охраненіе порядка внутри и защита отъ нападеній внѣшнихъ. Съ развитіемъ государственной жизни и укрѣпленіемъ государственной власти, задачи государства разширяются: полный и болѣе просвѣщенный представитель народныхъ силъ и потребностей, государство является распространителемъ матеріальнаго и умственнаго прогресса, уравнителемъ неравенства классовъ и лицъ, возникающаго обыкновенно при безпорядкахъ перваго образованія госу-

дарства; замѣняетъ силу и произволъ частныхъ лицъ дѣйствіемъ могущества общественнаго и закона, равнаго для всѣхъ, ограничиваетъ деспотизмъ отеческой и супружеской власти, уничтожаетъ вредныя привиллегіи, освобождаетъ землю, трудъ, капиталъ отъ прежнихъ стѣсненій, вызываетъ общія предпріятія, устраиваетъ пути сообщенія, заводитъ школы и т. п. Въ этотъ періодъ государство дѣйствуетъ положительно, какъ высшая цивилизующая сила; но въ это же время оно выходитъ обыкновенно изъ круга чисто государственной сферы, подчиняетъ своему непосредственному попеченію интересы обществъ и частныхъ лицъ, иногда даже беретъ на себя вполнѣ несвойственную ему роль частнаго дѣятеля.

По мѣрѣ утвержденія среди отдѣльныхъ лицъ потребностей и привычки дѣйствовать самостоятельно, разширяется автономія частныхъ лицъ и частныхъ общественныхъ союзовъ. Государство же входитъ въ сферу чисто государственную и постепенно съуживаетъ кругъ непринадлежащихъ ему занятій, но однако-же не уменьшаетъ и не ослабляетъ своей дѣятельности вообще. Высокая цивилизація требуетъ отъ государства усиленныхъ и непрестанныхъ попеченій, такъ какъ государственныя отношенія усложняются, возникаютъ новыя государственныя задачи, общественныя и частныя силы приходятъ въ бо̀льшее движеніе и оборотъ, пораждающіе столкновеніе и борьбу интересовъ.

Формы государственнаго устройства.

Формы государственнаго устройства бываютъ чрезвычайно различны и зависятъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ причинъ: способа образованія государства, характера и развитія народа, отношеній общественныхъ классовъ, условій экономическихъ, напр. положенія и пространства территоріи и т. п.

Начала, дающія всему государственному устройству тотъ или другой характеръ, заключаются въ количествѣ и качествѣ лицъ, которымъ принадлежитъ высшая государственная власть, и въ отношеніяхъ различныхъ видовъ государственной власти между собою и къ цѣлому обществу. На этомъ основаніи наиболѣе типическими формами государственнаго устройства должно признать: демократію (чистую и представительную), аристократію и монархію (неограниченную и конституціонную), такъ какъ онѣ наиболѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ.

Типическія формы государственнаго устройства въ совершенно чистомъ видѣ почти не представляются. Большею частію элементы монархическіе, аристократическіе и демократическіе смѣшиваются въ одномъ и томъ же государственномъ устройствѣ. Кромѣ того, условія матеріальныя и политическія иногда въ такой степени вліяютъ на распредѣленіе силъ государственныхъ, что государства, носящія внѣшніе признаки монархій, суть, по своему внут-

реннему духу, аристократическія и, наоборотъ, республики могутъ весьма близко подходить къ монархіямъ. Наконецъ, одна и та же форма государственнаго устройства въ различные періоды жизни человѣчества являлась въ весьма различномъ видѣ (такъ напр. монархіи и республики древняго міра далеко не похожи на монархіи и республики новаго времени).

Государство и общество.

Въ началѣ XIX в. возникло ученіе, которое стремилось отдѣлить общество отъ государства и создать особую общественную сферу, занимающую среднее мѣсто между жизнію индивидуальною и государственною и имѣющую извѣстную самостоятельность. Болѣе опредѣленный видъ и обработку получило это ученіе съ 50-хъ годовъ (Моль, Аренсъ, Штейнъ). Главное отличіе между общественною сферою съ одной стороны и личностію и государствомъ съ другой находили въ томъ, что основаніе личности составляютъ собственныя ея цѣли и сосредоточеніе силъ, въ обществахъ же дѣло идетъ о большомъ числѣ лицъ, соединенныхъ общимъ интересомъ, предпринимающихъ общія дѣйствія. Отъ государства общества отличаются еще явственнѣе: государство есть народное единство, осуществленное въ юридической организаціи, всѣ учрежденія государственныя устанавливаются государственною властію, которая опредѣляетъ ихъ предметъ и кругъ дѣятельности. Общества же имѣютъ своимъ осно-

ваніемъ отдѣльныя частныя цѣли; они возникаютъ и существуютъ независимо отъ государства вслѣдствіе естественныхъ причинъ и интересовъ людей. Каждая сфера общественная имѣетъ право на свою особую организацію, если способна къ тому; государство имѣетъ право и обязанность устранять только тѣ сферы, которыя не согласны съ его единствомъ или съ равноправностію частныхъ лицъ.

Ученіе объ отдѣленіи общества отъ государства, признавая государство только юридическою формою для личной и общественной жизни, есть видоизмѣненіе болѣе ранняго ученія о различіи между государствомъ юридическимъ и полицейскимъ (Rechtsstaat и Polizeistaat) и также неосновательно какъ послѣднее.

Государство, принятое въ смыслѣ юридической организаціи, лишено собственныхъ задачъ, слѣдовательно самостоятельности, самодѣятельности и является простымъ охранителемъ и служителемъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Общественныя сферы, по естественной силѣ вещей, будутъ постоянно стремиться къ большей независимости, вслѣдствіе чего граница между государствомъ и обществомъ будетъ разрушаться, а государственная организація ослабѣвать. При ближайшемъ изслѣдованіи состава общественныхъ сферъ, оказывается, что онѣ не заключаютъ въ себѣ никакихъ новыхъ элементовъ, а представляютъ соединеніе силъ лич-

ныхъ и государственнаго порядка. Внѣ государственнаго союза общественныя сферы неспособны къ развитію и неминуемо должны разрушиться по недостатку не только права, но и тѣхъ общихъ условій жизни, которыя они находятъ въ цѣлой системѣ государственныхъ отношеній.

Такимъ образомъ, государство есть не только организованная юридическая жизнь, но и само общество, обнятое во всѣхъ своихъ образованіяхъ. Необходимо только, чтобы государство сообразовалось съ природою людей, не ослабляло ихъ энергіи напрасными стѣсненіями и вмѣшательствомъ и не стѣсняло бы поприща для развитія ихъ силъ, на сколько это согласно съ общимъ благомъ и порядкомъ.

Юридическія нормы.

Юридическая норма.

Юридическая норма есть правило для человѣческихъ отношеній, подлежащихъ опредѣленію права. Содержаніе и характеръ отношеній людей возникаютъ изъ природы человѣка, вещей и бытовыхъ условій общества, а такъ какъ эти основанія безконечно разнообразны въ своихъ проявленіяхъ, то и отношенія въ своемъ осуществленіи представляютъ безконечное различіе; каждое частное отноше-

ніе совершается въ своемъ особомъ индивидуальномъ видѣ, и двухъ равныхъ отношеній не бываетъ.

Изъ безконечнаго разнообразія отношеній право извлекаетъ лишь общія ихъ условія и формы, и соотвѣтственно имъ установляетъ общую норму. Это обобщеніе происходитъ медленно; на первыхъ ступеняхъ общественной жизни для каждаго отдѣльнаго юридическаго случая отыскивается частное правило и разрѣшеніе; лишь постепенно исключаются индивидуальныя, случайныя черты въ однородныхъ отношеніяхъ, и для всѣхъ ихъ устанавливается общее, постоянное правило. Общность нормъ составляетъ необходимое условіе развитаго юридическаго порядка; невозможно предвидѣть и исчислить всѣ частныя видоизмѣненія отношеній; опредѣленіе всѣхъ формъ частныхъ явленій, всѣхъ комбинацій личныхъ и предметныхъ повело бы къ стѣсненію юридической свободы, ограничило бы юридическое развитіе мертвыми механическими формулами. Для суда гораздо легче подвести отдѣльный случай подъ общую норму, нежели найти вполнѣ соотвѣтственное рѣшеніе среди необозримаго множества опредѣленій.

Правоотношеніе. Отношеніе, опредѣленное нормою, есть правоотношеніе. Каждая норма представляетъ предѣлы и условія для образованія множества подлежащихъ ему однородныхъ отношеній, смотря по положенію и комбинаціи лицъ и предметовъ. Правоотношеніе осуществленное, представляющее связь между опре-

дѣленными лицами, по поводу опредѣленныхъ предметовъ—есть юридическій случай (или правоотношеніе конкретное), который разсматривается и разрѣшается подлежащею властію въ его индивидуальныхъ чертахъ.

Юридическій институтъ.

Совокупность юридическихъ нормъ, заключающихъ однородное содержаніе, опредѣляющихъ однородныя отношенія есть юридическій институтъ. Каждый юридическій институтъ есть извѣстное цѣлое, проникнутое общимъ началомъ и общею цѣлію. Институты обширные могутъ раздѣляться на нѣсколько подчиненныхъ, второстепенныхъ, обнимающихъ отдѣльные предметы, вытекающіе изъ общаго и связанные съ нимъ.

Совокупность всѣхъ юридическихъ институтовъ, дѣйствующихъ въ извѣстномъ государствѣ, составляетъ право или юридическій порядокъ этого государства.

Повелительныя и опредѣлительныя нормы.

Нормы права, заключая въ себѣ велѣніе, границу, распорядокъ для отношеній, раздѣляются на повелительныя и опредѣлительныя.

Повелительныя выражаются въ формѣ прямаго повелѣнія или запрещенія; повелѣніе и запрещеніе въ существѣ своемъ сходны, отличаясь другъ отъ друга только логическою формою приказанія и запрещенія; повелѣніе что-либо исполнить есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и запрещеніе уклоняться отъ исполненія требуемаго,

а запрещеніе чего-либо есть повелѣніе не дѣлать запрещеннаго.

Нормы опредѣлительныя бываютъ двухъ видовъ: или условныя, опредѣляющія лишь условія и факты, при которыхъ лица могутъ и должны вступать въ указанныя права и обязанности, или свободныя, предоставляющія лицамъ примѣнять установленныя требованія или же дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. — Опредѣлительныя нормы также заключаютъ въ себѣ велѣніе и ограниченіе, но предоставляютъ въ тоже время подлежащимъ лицамъ право личнаго усмотрѣнія и выбора.

Различіе нормъ повелительныхъ и опредѣлительныхъ оказываетъ вліяніе на характеръ вытекающихъ изъ нихъ обязанностей. Повелительныя нормы требуютъ безусловнаго подчиненія и исполненія указанныхъ обязанностей и дѣйствій. Опредѣлительныя условныя нормы даютъ уполномочія и налагаютъ обязанности лишь въ случаѣ наступленія данныхъ условій и фактовъ, о силѣ и мѣрѣ которыхъ рѣшаютъ сами участники отношенія. Опредѣлительныя свободныя нормы имѣютъ характеръ вспомогательныхъ, онѣ возлагаютъ извѣстныя обязанности лишь въ тѣхъ случаяхъ, если участники не воспользовались данною имъ свободою и не установили своихъ отношеній по личному усмотрѣнію.

Неисполненіе и нарушеніе нормъ повелительныхъ и условно-опредѣлительныхъ влечетъ за со-

бою или юридическое ничтожество и недѣйствительность совершенныхъ дѣйствій, или принужденіе къ исполненію и взысканіе за нанесенные ущербы, или наказаніе нарушителя и возстановленіе нарушеннаго порядка; нормы опредѣлительныя свободныя не могутъ быть нарушаемы, такъ какъ отъ подлежащихъ лицъ зависитъ подчиняться имъ или дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Указываютъ еще на существованіе нормъ дозволительныхъ, и дѣйствительно нѣкоторыя нормы формулируются въ видѣ дозволеній; но понятіе о дозволеніи, само по себѣ, не согласуется съ понятіемъ о правѣ, всегда заключающемъ въ себѣ обязанности положительныя или отрицательныя; если же нѣкоторыя нормы и выражены въ формѣ дозволенія, то такое дозволеніе соединяется всегда съ повелѣніемъ или запрещеніемъ для другихъ не препятствовать извѣстнымъ лицамъ совершать извѣстныя дѣйствія, пользоваться своими правами. Дозволеніе, такимъ образомъ, получаетъ юридическій характеръ единственно въ тѣхъ случаяхъ, если сопровождается ограниченіемъ для другихъ.

Объ источникахъ права.

Выраженіе „источники права“ употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Подъ нимъ разумѣютъ силы, *Источники права.*

основы, причины, производящія право; понятіе объ источникахъ права въ этомъ смыслѣ составляетъ важный вопросъ, привлекавшій лучшихъ правовѣдовъ и имѣвшій свою исторію.

Силы производящія право.

Основываясь на томъ, что въ каждомъ обществѣ сила и дѣйствіе юридическаго порядка зависятъ отъ авторитета государственной власти, полагали единственнымъ источникомъ и творцомъ права государство, власть законодателя, который прямо или косвенно признаетъ извѣстныя нормы за обязательныя правила права; взглядъ этотъ наиболѣе господствовалъ въ практикѣ, законодательствѣ, а частію и въ наукѣ (легисты, практики, позитивисты 16—17 вв.). Желая согласить такое воззрѣніе съ дѣйствительностію, представлявшею, наряду съ закономъ, обычное право, создали фикцію, на основаніи которой дѣлили всѣ дѣйствовавшія юридическія положенія на законы писанные и неписанные, и отнесли обычное право къ послѣднимъ, давая ему юридическое значеніе только въ томъ предположеніи, что оно одобрено молчаливо законодателемъ. Это воззрѣніе отнимало у права его объективныя основанія и возводило въ принципъ творчество законодательной власти, которая могла опредѣлять общественныя отношенія по своимъ произвольнымъ взглядамъ. Плоды этого творчества обнаружились во многихъ неудачныхъ созданіяхъ торговаго, финансоваго, полицейскаго и уголовнаго законодательства 17 и пер-

вой половины 18 вв.; менѣе пострадало гражданское право, но только потому, что гражданскія отношенія менѣе входили въ политическія соображенія законодателей и были ограждены авторитетомъ римскаго права.

Во 2-й половинѣ 18 в. утвердилось ученіе индивидуалистическое, признававшее отдѣльное лицо вполнѣ свободнымъ дѣятелемъ міра, независимымъ устроителемъ и творцомъ своего общества и права; ученіе это находило источникъ права не во власти государства, не въ волѣ законодателя, а въ общественномъ договорѣ людей: всѣ юридическія нормы и учрежденія должны проистекать изъ воли и соглашенія отдѣльныхъ лицъ; законъ, какъ общая воля членовъ общества, долженъ быть такого рода, чтобы каждый видѣлъ въ немъ свою волю и повиновался ему какъ-бы самому себѣ. Такимъ образомъ, личный разумъ и воля людей получили неограниченное могущество, которое могло созидать право, независимо отъ дѣйствительныхъ и историческихъ условій.

Очевидно, ученіе это только замѣнило прежнее господство и творчество государства господствомъ и творчествомъ отдѣльныхъ лицъ. Государственные дѣятели Франціи конца 18 в., увлекаемые этимъ ученіемъ и недовольные современнымъ порядкомъ, стремились разрушить всѣ основы старой жизни и устроить общество на новыхъ началахъ. Но тяжкіе

и печальные опыты показали всю неосновательность подобныхъ взглядовъ и стремленій. Противъ неограниченнаго реформаторства и односторонняго пересозданія юридическаго порядка болѣе всѣхъ возстала, въ началѣ 19 в. (съ 1815 г.), историческая школа (Савиньи, Пухта); по ея мнѣнію право не есть произвольное созданіе ни государствъ и законодателей, ни договора отдѣльныхъ лицъ, ни одновременнаго акта извѣстнаго времени; ни одинъ вѣкъ не обладаетъ могуществомъ создать независимо свой собственный міръ и порядокъ; никакая сила не можетъ образовать право по своему произволу и цѣлямъ. Право вытекаетъ изъ внутреннѣйшаго существа народнаго духа, народныхъ воззрѣній и развивается постепенно вѣковою жизнію народовъ, подобно языку, вѣрованіямъ, нравамъ. Исторія сама вызываетъ силы народной жизни, образуетъ потребности, отношенія и формы юридическихъ нормъ, въ непрерывной связи между прошедшимъ и будущимъ народа.

Неопредѣленныя указанія исторической школы на силы народнаго духа и сознанія, какъ на источники производящіе право, были пополнены новѣйшими ученіями (органическимъ, реалистическимъ: Аренсъ, Унгеръ, Арнольдъ, Іерингъ, Лейстъ, Гельдъ, Бастіанъ), которыя объясняли, что человѣческое намѣреніе и расчетъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ извѣстное участіе въ образованіи права, но они болѣе находятъ, нежели создаютъ право, такъ какъ отно-

шенія. изъ которыхъ слагается человѣческая жизнь, имѣютъ свои законы, которыхъ воля законодателя не можетъ потрясти, не нанося вреда самому себѣ. Поэтому, источникъ права, хотя и заключается въ народномъ духѣ, но послѣдній образуется въ постоянной зависимости отъ природы и цѣли отношеній, отъ матеріальныхъ условій, характера, степени образованія и историческихъ судебъ народа. Эти же ученія показали, что право образуется не само собою, спокойнымъ и безболѣзненнымъ движеніемъ исторіи, а при непрерывныхъ усиліяхъ человѣка, общества и государственной власти. Все историческое развитіе права представляетъ зрѣлище неустанныхъ исканій, работы и борьбы за истину и справедливость; борьба усиливается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда право, подлежащее отмѣнѣ, касается важныхъ интересовъ людей и правъ пріобрѣтенныхъ. Всѣ великія начала права (единство и суверенитетъ государственной власти, гражданская свобода лицъ, свобода труда, паденіе частныхъ монополій), пріобрѣтены вѣковыми усиліями людей и государствъ.

Подъ источниками права разумѣютъ еще источники познанія права, т. е. акты, памятники, документы, сборники законодательные и историческіе, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о постановленіяхъ права. Источники права понимаютъ также въ субъективномъ смыслѣ и въ такомъ случаѣ этимъ

выраженіемъ обозначаютъ факты и условія, съ которыми соединяется пріобрѣтеніе правъ.

Наконецъ, подъ источниками права въ техническомъ смыслѣ, правовѣдѣніе разумѣетъ формы, въ которыхъ образуется и дѣйствуетъ право. Формы права составляютъ существенную его принадлежность, такъ какъ все право есть форма для юридической жизни и для своей дѣйствительности должно быть выражено въ надлежащей формѣ; отъ опредѣленности и полноты формъ права зависитъ твердость и безспорность его дѣйствія. Основное требованіе права—никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона—исполнимо лишь въ томъ случаѣ, если право имѣетъ видимый, понятный каждому образъ, если оно облечено въ установленныя, извѣстныя всѣмъ формы.

Формы права. Главныя формы права суть: обычное право и законъ; сверхъ того, есть еще вспомогательныя, второстепенныя формы: административныя распоряженія и аутономическіе уставы, правила.

Обычное право.

Обычное право. Обычное право образуется въ народѣ посредствомъ долгаго и однообразнаго соблюденія и примѣненія извѣстнаго юридическаго воззрѣнія. Обыч-

ное право, въ смыслѣ обязательныхъ правилъ и дѣйствій, выражающихъ юридическое воззрѣніе народа, нужно отличать отъ простыхъ обычаевъ, существующихъ какъ обряды, нравы или простое употребленіе того или другаго дѣйствія (Herkommen, Uebung, Sitte); послѣдніе не основываются на юридическомъ воззрѣніи, не заключаютъ обязательнаго требованія и состоятъ въ простомъ однообразномъ повтореніи извѣстныхъ дѣйствій при извѣстныхъ случаяхъ. Сила ихъ заключается только въ фактическомъ повтореніи и нравахъ. (Сюда можно отнести напр. обычаи, существующіе въ нѣкоторыхъ нашихъ мѣстностяхъ, совершать свадьбу въ формѣ такъ называемаго „убѣга“, выбирать невѣсту старше по возрасту, совершать заручины, устраивать угощенія при такъ назыв. помочахъ, клакахъ).

Происхожденіе обычнаго права.

Обычное право есть первоначальная, естественная форма права, возникающая собственною силою, и съ извѣстною необходимостію. Оно лежитъ въ народномъ духѣ, матеріальныхъ и историческихъ условіяхъ народной жизни, и образуется постепенно, незамѣтно, посредствомъ постояннаго приложенія извѣстнаго воззрѣнія или дѣйствія къ однимъ и тѣмъ же отношеніямъ. При этомъ нельзя опредѣлить, сколько времени и какъ часто долженъ примѣняться обычай; равно нельзя объяснить и того, какимъ порядкомъ образуются юридическіе обычаи,

такъ какъ практика и наука узнаютъ объ обычной нормѣ уже тогда, когда она окончила свой образовательный процессъ и явилась какъ юридическое правило; можно сказать лишь вообще, что чѣмъ продолжительнѣе было соблюденіе, чѣмъ обширнѣе общественный кругъ, въ которомъ извѣстное правило признавалось обязательнымъ, тѣмъ оно тверже и сильнѣе. При этомъ обычаи бываютъ общіе, дѣйствующіе среди всего народа, и частные, дѣйствующіе въ извѣстныхъ областяхъ, городахъ, сословіяхъ; большинство общихъ обычаевъ образовалось изъ мѣстныхъ.

На первыхъ ступеняхъ народной жизни все право является исключительно въ формѣ обычнаго права. и притомъ не писаннаго; хранителями и вѣщателями его суть старѣйшіе, свѣдущіе люди, присяжные судьи; позднѣе, когда общественныя связи становятся выше, неписанное обычное право представляется неопредѣленнымъ, шаткимъ, окрѣпшая общественная власть, а иногда частныя лица собираютъ обычаи въ письменные сборники, которые или утверждаются правительствами и объявляются обязательными, или же имѣютъ значеніе частнаго труда и пріобрѣтаютъ обязательность постепенно, путемъ соблюденія, примѣненія. (Такъ было въ Германіи съ Саксонскимъ и Швабскимъ зеркаломъ). Собираніе и утвержденіе обычнаго права общественною властію совершается иногда по желанію самого

народа, побуждаемаго къ тому разными политическими соображеніями, особенно стремленіемъ получить отъ правительства признаніе своихъ обычныхъ особенностей. (Такъ было почти со всѣми средневѣковыми европейскими городами и со многими провинціями Германіи и Франціи).

На болѣе высшихъ ступеняхъ общественной жизни оказывается вообще недостаточность обычнаго права и его сборниковъ: обнаруживается отсутствіе системы, разнородность началъ, противорѣчія и частный характеръ положеній права. Тогда наступаетъ дѣятельность законодательной власти, которая сначала только дополняетъ обычное право, потомъ, мало-по-малу, съуживаетъ сферу обычнаго права, наконецъ овладѣваетъ почти всею правопроизводительностью народа и издаетъ систематическіе положенія, уставы, своды, уложенія, обнимающіе почти всю юридическую жизнь народа. (Таковъ былъ ходъ развитія обычнаго и законодательнаго права во всѣхъ европейскихъ государствахъ, особенно Германіи, Франціи и Россіи).

Хотя юридическое развитіе всѣхъ обществъ начинается съ обычнаго права, тѣмъ не менѣе признаніе его за самостоятельную форму права и вообще научная разработка этого вопроса начались лишь вначалѣ 19 стол. До этого же времени давали обычному праву значеніе второстепенное, дополнительное и объясняли обязательность его или мол-

чаливымъ одобреніемъ и допущеніемъ (lex tacita) законодателя, или фактическимъ соблюденіемъ и примѣненіемъ.

Историческая школа (Савиньи, Пухта, съ 1815 года) доказала, что обычное право, являясь всегда раньше законовъ, есть вполнѣ самостоятельная и притомъ постоянная форма права на всѣхъ ступеняхъ обществъ, пользующихся правильнымъ и свободнымъ юридическимъ развитіемъ.

Обязательность обычнаго права.

Обязательность обычнаго права заключается не въ одобреніи и допущеніи законодателя, а въ единствѣ мысли и воли цѣлаго народа; фактическое соблюденіе обычнаго правила есть только средство познанія права, послѣдній заключительный моментъ, которымъ обнаруживается и осуществляется живущее въ народѣ юридическое воззрѣніе. Идеальный взглядъ исторической школы такъ-же невѣренъ, какъ и прежній матеріалистическій. Юридическое воззрѣніе, безъ соблюденія его, не можетъ имѣть обязательной силы; только посредствомъ постояннаго примѣненія извѣстнаго правила или дѣйствія они дѣлаются обязательною нормою, дѣйствительнымъ правомъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что въ обычномъ правѣ есть такія положенія, сила которыхъ только и можетъ быть объяснена соблюденіемъ. такъ напр. обычаи, опредѣляющіе сроки, (напр. давности) и вообще количества, также формы разныхъ сдѣлокъ.

Подъ вліяніемъ своихъ историческихъ изысканій и опасаясь законодательныхъ реформъ, которыя нерѣдко обрекали гибели вѣковыя и здравыя воззрѣнія народа, историческая школа находила въ обычномъ правѣ, сравнительно съ законами, значительныя преимущества: вѣрное выраженіе народныхъ воззрѣній, принаровленіе къ дѣйствительнымъ потребностямъ народа, неспособность подвергаться произвольнымъ нововведеніямъ и наконецъ уваженіе, съ которымъ относится къ нему народъ. На этомъ основаніи, историческая школа утверждала, что собраніе и приведеніе въ порядокъ уже образовавшихся въ народѣ положеній права составляетъ главную задачу законодательной власти, и что гораздо лучше, если это собираніе дѣлается не правительствами, а частными лицами. Дѣятельность законодателя посредствомъ изданія новыхъ законовъ, одобряется только въ тѣхъ случаяхъ, когда сообразно политическимъ цѣлямъ надобно измѣнить дѣйствующія нормы, или же когда нужно прекратить сомнѣніе о существованіи извѣстнаго правила или дать правилу точное выраженіе. Вообще, историческая школа не находила у народовъ своего времени даже способности къ кодефикаціи: полнаго и живаго пониманія законодательныхъ началъ и искусства выражать ихъ точнымъ и рельефнымъ образомъ.

Отношеніе обычнаго права къ законодательству.

Очевидно, историческая школа дала обычному праву слишкомъ высокое и не принадлежащее ему

мѣсто. Это замѣчено было и германскими правовѣдами, которые указали, что законодательная власть имѣетъ и должна имѣть болѣе широкое и положительное вліяніе на развитіе права. Тѣмъ не менѣе, въ нѣмецкой наукѣ права господствуетъ и въ настоящее время воззрѣніе, что обычное право есть форма права самостоятельная, подобно закону олицетворяющая въ себѣ юридическую свободу народа, и долженствующая существовать и на высшихъ ступеняхъ государственнаго развитія, и что дѣйствіе обычнаго права можетъ обнаруживаться въ пополненіи, толкованіи и даже отмѣнѣ законовъ. Противоположнаго воззрѣнія держатся юристы французскіе, которые смотрятъ на обычное право какъ на форму, разцвѣтающую только въ юную пору народной жизни и вовсе неудобную и даже вредную на высокихъ ступеняхъ цивилизаціи, отличающихся сложностію отношеній и оборотовъ; по ихъ мнѣнію, обычное право, при существованіи кодексовъ, не можетъ создавать обязательныхъ правилъ, отмѣнять законъ или прекращать силу закона продолжительнымъ неупотребленіемъ его, и можетъ дѣйствовать только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ опредѣлительно допускается законодателемъ.

Французскіе юристы справедливо указываютъ на преимущества законодательной формы права, но они слишкомъ обобщаютъ свой взглядъ; Англія доказываетъ, что можно достигнуть высокаго благо-

состоянія матеріальнаго, пользоваться обезпеченностію лица и имущества, совершать сдѣлки сложныя и обширныя и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть полной системы законодательства.

Предѣлы самостоятельности обычнаго права.

Вообще, можно принять, что въ государствахъ, гдѣ нѣтъ кодексовъ, или гдѣ законодательное право слишкомъ не полно, обычное право можетъ дѣйствовать самостоятельно, т. е. установлять новыя правила, пополнять, толковать и даже отмѣнять или, по крайней мѣрѣ, ослаблять дѣйствіе закона (послѣднее замѣчается хотя и рѣдко, по исключенію, даже въ государствахъ, обладающихъ довольно полною кодефикаціей). Въ странахъ же, достигшихъ кодефикаціи болѣе или менѣе полной, обычное право, говоря вообще, можетъ имѣть силу только въ границахъ, указанныхъ самимъ закономъ, и то въ сферахъ, которыя по своей спеціальности не подходятъ подъ общія нормы закона, напр. ремесленной, коммерческой, сельскаго хозяйства; или же въ тѣхъ сдѣлкахъ, которыя совершаются безъ признанія и утвержденія ихъ общественною властію, и безъ права на законную защиту.

(Всѣ новѣйшіе европейскіе кодексы допускаютъ дѣйствіе обычнаго права въ ограниченныхъ предѣлахъ, главнымъ образомъ для отношеній мѣстныхъ или спеціальныхъ, точно указанныхъ закономъ; напр. въ Австріи погребеніе должно совершаться по мѣст-

нымъ обычаямъ и нравамъ, находка объявляется по мѣстнымъ обычаямъ; во Франціи дозволяется ссылаться на обычное право въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ торговыхъ, мореплаванія, лѣснаго хозяйства, горнаго дѣла).

Равно обычное право можетъ ослаблять и ограничивать дѣйствіе законовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ государствѣ происходитъ слишкомъ крутой переворотъ, не соотвѣтствующій требованіямъ и условіямъ народной жизни, особенно въ сферахъ далекихъ отъ непосредственнаго наблюденія государственной власти.

Доказательствомъ существованія и силы обычнаго права служатъ сборники, судебные приговоры, документы, показанія свѣдущихъ людей и свидѣтелей. Въ государствѣ, въ которомъ обычное право не имѣетъ значенія общей, самостоятельной формы права, судья не обязанъ знать его подобно тому, какъ онъ долженъ знать право законодательное. Спорящія стороны должны сами указать судьѣ на существующее въ ихъ пользу обычное право и убѣдить судью въ его силѣ и обязательности; въ случаѣ недостатка такихъ указаній, судья самъ можетъ обращаться къ свѣдущимъ людямъ.

Въ особенномъ видѣ является обычное право въ области междугосударственныхъ отношеній; здѣсь оно всегда составляло важнѣйшую форму права, такъ какъ нѣтъ общей законодательной власти, ко-

торая опредѣляла бы междугосударственныя отношенія. Условія образованія обычаевъ междугосударственнаго права тѣ же самыя, что и обычаевъ вообще; но успѣшное и строгое ихъ примѣненіе гораздо слабѣе, потому что во многихъ случаяхъ зависитъ отъ состояній чисто фактическихъ.

Обычное право въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ.

Русское законодательство не признаетъ обычнаго права самостоятельною формою права, равною закону: статья 47 Зак. Основ. говоритъ, что Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ; ст. 65 Зак. Осн. предписываетъ, чтобы всѣ безъ изъятія мѣста утверждали свои опредѣленія на точныхъ словахъ закона. Судебные уставы 20 ноября 1864 года подтверждаютъ то же самое начало (Уставъ угол. судопр. ст. 12; Уст. гражд. судопр. ст. 9: „всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ“). Обычное право допускается у насъ только какъ изъятіе изъ общаго правила, въ случаяхъ указанныхъ самимъ закономъ; Уставъ гражд. судопр. дозволяетъ только мировымъ судьямъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться *общеизвѣстными* мѣстными обычаями, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ *дозволяется* именно *закономъ*, или *въ случаяхъ*, положительно

неразрѣшаемыхъ законами (ст. 130). Въ судопроизводствѣ по дѣламъ торговымъ дозволяется коммерческимъ судамъ принимать въ основаніе для своихъ рѣшеній торговые обычаи (Т. XI, ч. 2, ст. 1714); кочующимъ инородцамъ предоставлено управляться по ихъ собственнымъ степнымъ законамъ и обычаямъ, каждому племени свойственнымъ (Т. IX, ст. 1228); Положеніе о крестьянахъ (ст. 107) предоставляетъ волостнымъ судамъ, при отсутствіи сдѣлокъ и обязательствъ, заявленныхъ въ волостныхъ правленіяхъ, рѣшать тяжебныя дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту.

Изъ отношенія нашего законодательства къ обычному праву, не слѣдуетъ, однако-же, заключать, что обычное право дѣйствуетъ у насъ въ слабой степени. Напротивъ, въ Россіи есть чрезвычайно обширные разряды лицъ, которыя изживаютъ цѣлые вѣка, не зная закона, не обращаясь къ установленнымъ властямъ и судамъ, и которыя руководствуются, въ кругѣ своихъ отношеній и нуждъ, своими вѣковыми воззрѣніями и обычаями; сюда относятся наше сословіе крестьянское, отчасти мѣщанское и купеческое. Они вступаютъ въ разнообразныя отношенія, заключаютъ сдѣлки, брачные договоры, наслѣдуютъ, дѣлятъ имущество, доходы, по своимъ особымъ правиламъ, соотвѣтствующимъ ихъ быту и часто несогласнымъ съ закономъ. Такъ напр. въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянскія дочери не пользуются опредѣленными долями въ наслѣдствѣ, оставшемся отъ отца; крестьянскіе младшіе сыновья исключаютъ старшихъ изъ наслѣдованія дворомъ и домомъ отца, а родители крестьянъ требуютъ съ жениховъ своихъ дочерей опредѣленной платы (запросъ); въ купеческомъ сословіи отецъ нерѣдко завѣщаетъ старшему сыну полную власть надъ меньшими сыновьями (взрослыми) и ихъ имуществами, и завѣщаніе исполняется строго. Даже въ сферѣ уголовнаго права, крестьяне часто судятъ виновныхъ, наказываютъ ихъ тѣлесными наказаніями и штрафами, независимо отъ закона, по своимъ воззрѣніямъ и обычаямъ.

Конечно, юридическіе обычаи указанныхъ разрядовъ лицъ дѣйствуютъ только въ той степени, въ какой жизнь этихъ лицъ не соприкасается ни съ общимъ порядкомъ, ни съ жизнію лицъ другихъ классовъ, тѣмъ не менѣе они обнимаютъ весьма обширный кругъ отношеній и еще болѣе обширный кругъ лицъ.

Разнообразіе, богатство и сила нашего обычнаго права объясняются, главнымъ образомъ, замкнутостью жизни тѣхъ разрядовъ лицъ, которыя выработали его и руководствуются имъ. По мѣрѣ матеріальнаго и умственнаго развитія этихъ разрядовъ, замкнутость ихъ исчезнетъ, они войдутъ въ общій оборотъ жизни личной и имущественной,

и тогда кругъ дѣйствія обычнаго права, безъ сомнѣнія, съузится самъ собою. Лица, пользующіяся обычнымъ правомъ, сами убѣдятся въ его шаткости, недостаточности и предпочтутъ устанавливать свои отношенія и совершать сдѣлки по законамъ общимъ, болѣе твердымъ, способнымъ обнимать сложныя отношенія и доставлять вѣрную защиту въ случаѣ нарушеній. Но, съ другой стороны, для ускоренія и облегченія такого направленія, законодательство наше необходимо должно сдѣлать уступки, и принять, въ видѣ изъятій, нѣкоторыя начала обычнаго права, болѣе соотвѣтственныя условіямъ жизни и отношеніямъ извѣстныхъ разрядовъ и классовъ лицъ.

Понятіе о законѣ.

Законъ юридическій.

Законъ, въ смыслѣ обширномъ, есть каждое повелѣніе высшей государственной власти. Въ смыслѣ тѣсномъ, законъ есть правило или норма, установленная законодательною властію государства.

Понятіе о законѣ въ первомъ случаѣ господствуетъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ всѣ отрасли высшей государственной власти сосредоточиваются въ однихъ органахъ и представителяхъ ея; съ раздѣленіемъ общей государственной власти на отдѣльныя

части, учреждаются особые органы и особый порядокъ для обсужденія и изданія законовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается понятіе о законѣ въ тѣсномъ смыслѣ: лишь тѣ нормы признаются законами, которыя прошли законодательный путь и относительно которыхъ исполнены всѣ требуемыя условія.

Общее и основное содержаніе закона состоитъ въ томъ, что оно опредѣляетъ правоотношенія, и потому служитъ основаніемъ для взаимныхъ правъ и обязанностей какъ государства, такъ и его обывателей. Въ частности, законъ обнимаетъ не только отношенія права, въ строгомъ смыслѣ, но и другіе предметы, не составляющіе непосредственныхъ отношеній права, но служащіе дополненіемъ къ дѣйствію законовъ и оказывающіе вліяніе на юридическое положеніе лицъ; таковы напр. дѣленія государства на округи, нѣкоторыя условія для организаціи и дѣйствія учрежденій, многія мѣры и распорядки въ хозяйствѣ самого государства и др. подоб.

Законъ есть высшая форма права; посредствомъ него государство высказываетъ свою волю и свои требованія совершенно сознательно, въ опредѣленныхъ словахъ и выраженіяхъ, со всѣмъ необходимымъ авторитетомъ и властію. Законы являются въ обществахъ уже значительно развившихся, имѣющихъ потребность въ точныхъ опредѣленіяхъ права и обладающихъ умственною силою, которая въ состояніи обнять цѣлый рядъ однородныхъ отношеній и установить для нихъ общую норму.

Необходимыя условія закона со стороны матеріальной заключаются въ слѣдующемъ: а) законъ есть норма общая; онъ долженъ содержать только общее опредѣленіе для состоянія или отношенія извѣстнаго рода, такъ чтобы всѣ отношенія, со всѣми видоизмѣненіями, представляющія логически равныя основанія, могли быть подводимы подъ него и рѣшаемы равномѣрно. Общность закона не исключаетъ возможности и необходимости исключеній; ежели, по свойству отношеній окажется необходимость составить изъятія изъ общаго правила, и ежели эти изъятія касаются не одного частнаго случая, но всѣхъ подобныхъ случаевъ, то изъятіе имѣетъ значеніе общей нормы закона; б) законъ есть повелѣніе высшей государственной власти, которое должно быть исполнено: онъ долженъ имѣть опредѣленное содержаніе, устанавливать опредѣленныя обязанности (безусловныя или условныя, возникающія только при извѣстныхъ предположеніяхъ, какъ это бываетъ въ большей части законовъ гражданскихъ); поэтому всѣ объявленія государственной власти, предлагающія одни совѣты, желанія, воззванія, которыя могутъ быть исполнены или неисполнены, не суть законы въ настоящемъ смыслѣ: равнымъ образомъ не могутъ быть отнесены къ законамъ всѣ общія начала, теоретическія опредѣленія, помѣщаемыя нерѣдко во введеніяхъ къ кодексамъ или къ отдѣльнымъ частямъ кодексовъ; такого рода

общія положенія, не только излишни, но даже вредны, потому что вносятъ запутанность понятій и ограничиваютъ логическія сужденія судей; в) наконецъ, законъ долженъ быть согласенъ съ самимъ собою и со всею системою дѣйствующихъ законовъ; всѣ части ихъ должны быть проникнуты однимъ духомъ, приведены въ самую близкую взаимную связь,—иначе потеряется единство юридической жизни, обезпеченность правъ и возможность однообразнаго и равнаго приложенія законовъ.

По формѣ, законъ а) долженъ вѣрно и ясно выражать мысль и волю законодателя; для этого онъ долженъ избѣгать слишкомъ общихъ обозначеній, обнимать именно тѣ отношенія и предметы, которыхъ касается и для которыхъ предназначенъ, называть одни и тѣ же предметы и разряды лицъ одними и тѣми словами; b) законъ предназначается для употребленія не только въ судахъ, но и для гражданъ; поэтому долженъ быть написанъ на языкѣ понятномъ для каждаго, возможно близкомъ къ языку обыкновенной жизни; долженъ избѣгать научной формы и излишнихъ техническихъ выраженій; с) законы предназначаются для непосредственнаго практическаго приложенія и пользованія, поэтому должны быть раздѣлены правильно, расположены удобно для употребленія и, по возможности, должны быть кратки.

Условія формальныя весьма важны; нарушеніе ихъ возбуждаетъ сомнѣнія, вызываетъ шаткость, произвольность толкованій и не можетъ быть вознаграждено объясненіями о поводахъ къ закону, о намѣреніяхъ законодателя, которыя иногда помѣщаются во введеніяхъ къ закону, но не имѣютъ прямой обязательной силы.

Сила и обязательность законовъ.

Говоря вообще, законъ есть одна изъ высшихъ силъ въ государствѣ, ограниченная только невозможностію физическою или юридическою. Первая состоитъ въ противорѣчіи закона съ условіями природы и человѣческихъ отношеній, вторая—въ противорѣчіи закона съ самимъ собою или съ другимъ закономъ. Окончательное разрѣшеніе этихъ противорѣчій принадлежитъ только законодательной власти и пока она не отмѣнитъ дурнаго или вреднаго закона, онъ долженъ имѣть такую же обязательную силу, какъ и законъ мудрый и справедливый.

Авторитетъ и нерушимость законовъ есть основаніе обществъ; подчиненіе имъ есть долгъ каждаго гражданина. Изданные въ надлежашемъ порядкѣ и видѣ, законы обязательны какъ для той власти, которая создала ихъ, такъ и для всѣхъ прочихъ властей, учрежденій и для частныхъ лицъ. При этомъ никому не дается права уклоняться отъ исполненія закона на томъ основаніи, что законъ ка-

жется ему несправедливымъ, противорѣчащимъ требованіямъ его совѣсти; даже судья не можетъ судить о справедливости закона. Допущеніе подобнаго контроля надъ достоинствомъ законовъ повело бы къ господству личной силы и произвола.

Неисполненіе законовъ можетъ происходить двоякимъ образомъ: оно можетъ быть пассивное, заключаться въ простомъ отказѣ исполнить законъ, или активное, сопровождаемое открытымъ, вооруженнымъ сопротивленіемъ. Граница между тѣмъ и другимъ весьма неопредѣленная; каждое сознательное, пассивное неисполненіе закона заключаетъ въ себѣ и фактъ активнаго сопротивленія, которое легко можетъ перейти въ открытую борьбу. Поэтому оба вида отрицанія и неисполненія закона признаются равно противорѣчащими праву и подвергаютъ виновныхъ установленнымъ наказаніямъ.

Однако ни государство, ни право не исчерпываютъ всѣхъ побужденій и отношеній человѣка и общества, и потому сопротивленіе и возстаніе народа и отдѣльныхъ лицъ совершались не разъ и могутъ совершаться и впредь; но такія явленія обнаруживаютъ болѣзненное состояніе общества, происходятъ подъ вліяніемъ случайностей и страстей и въ такой степени противорѣчатъ праву, что не могутъ быть подведены подъ какія-либо правильныя нормы. Поэтому въ настоящее время право опредѣляетъ

только законныя средства защиты, умалчивая о фактическихъ проявленіяхъ силы, которыя разрѣшаются судомъ и исторіей.

Въ исторіи государственнаго права можно указать на нѣсколько случаевъ, когда отказъ въ исполненіи законодательныхъ повелѣній и активное сопротивленіе требованіямъ правительства желали поставить въ легальныя границы, установивъ для нихъ извѣстный порядокъ. Въ великой англійской хартіи сказано, что блюстители ея (25 бароновъ) „сообща со всею страною могутъ побуждать короля всѣми зависящими отъ нихъ средствами, а именно посредствомъ взятія королевскихъ укрѣпленій, земель, владѣній и другими возможными для нихъ способами, не касаясь впрочемъ особы короля, королевы и королевскихъ дѣтей,—до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены ихъ требованія“. Такимъ образомъ, эта статья предоставляла право сопротивленія всему народу въ совокупности. Сопротивленіе отдѣльныхъ лицъ противъ незаконно обращенныхъ на нихъ дѣйствій, хотя не было формулировано опредѣленно, но часто было оправдываемо англійскими судами. Признавая право сопротивленія справедливымъ, не разъ имъ пользуясь въ теченіе своей исторіи, англичане, однакоже, видѣли въ немъ средство крайнее, обусловливаемое только необходимостью обороны, самосохраненія. Блэкстонъ говоритъ: „для самосохраненія и защиты себя англійскіе подданные могутъ имѣть и употреблять оружіе, но сначала должны обратиться къ средствамъ защиты легальнымъ“. Начало англійскаго государственнаго устройства было принято въ первую революцію и во Франціи, но совершенно своеобразно: допускаемое въ Англіи только въ видѣ исключенія, право сопротивленія было признано во Франціи совершенно правильнымъ обнаруженіемъ народной воли и возведено въ гражданскую обязанность; конст. 1793 г. § 35:

„въ случаѣ нарушенія правительствомъ народныхъ правъ, возстаніе (l'insurrection) составляетъ священнѣйшую и необходимѣйшую обязанность для народа и для каждой части народа“.

Образованіе законовъ.

Такъ какъ соблюденіе установленнаго порядка при изданіи законовъ составляетъ необходимое условіе ихъ обязательности, то въ каждомъ государствѣ опредѣляется болѣе или менѣе точный порядокъ составленія и введенія въ дѣйствіе законовъ. Въ этомъ отношеніи должно отличать слѣдующіе моменты: вчинаніе (иниціатива), обсужденіе, утвержденіе (санкція) и обнародованіе законовъ.

Предложенія и проэкты законовъ.

Предложенія объ установленіи законовъ возникаютъ вслѣдствіе обнаружившихся новыхъ потребностей и отношеній или необходимости въ болѣе полномъ охраненіи уже существующихъ отношеній: указанія на это могутъ дѣлать какъ подлежащія правительственныя власти и учрежденія, такъ и частныя лица. Оффиціальное же вчинаніе новыхъ законовъ и составленіе соотвѣтственныхъ проэктовъ предоставляется лишь опредѣленнымъ для того учрежденіямъ, причемъ границы законодательной иниціативы зависятъ въ каждомъ государствѣ отъ общихъ условій его организаціи. Вчинаніе закона можетъ быть соединено вмѣстѣ съ представленіемъ самаго проэкта; иногда же одно учрежденіе возбуждаетъ лишь законодательный вопросъ, а другое составляетъ для него соотвѣтственный проэктъ.

Обсужденіе предложеній и проэктовъ.

Изготовленный проэктъ закона обсуждается въ законодательномъ учрежденіи, которое постановляетъ свое рѣшеніе, одобряя его или предлагая измѣненія и дополненія, или совершенно отвергаетъ его.

Утвержденіе проэкта законовъ.

Принятый такимъ образомъ проэктъ еще не есть законъ; въ немъ выражается только мнѣніе законодательнаго учрежденія; проэктъ получаетъ силу закона, когда онъ утвержденъ главою государства, который сосредоточиваетъ въ себѣ и олицетворяетъ юридическое сознаніе и волю всего общества.

Обнародованіе законовъ.

Утвержденный законъ вступаетъ въ дѣйствіе лишь послѣ обнародованія его; нельзя требовать исполненія законовъ, недоступныхъ и неизвѣстныхъ гражданамъ. Большею частію утвержденіе закона и обнародованіе его слѣдуютъ другъ за другомъ, но иногда глава государства, по соображеніямъ различныхъ обстоятельствъ, утвердивъ законъ, отсрочиваетъ его обнародованіе до извѣстнаго срока.

Въ новѣйшемъ государственномъ правѣ отличаютъ въ обнародованіи закона еще особый актъ промульгаціи закона (отъ promulgare въ римскомъ правѣ, которое, впрочемъ, не отличало промульгаціи отъ публикаціи), заключающійся въ томъ, что глава государства объявляетъ законодательному учрежденію, въ извѣстныхъ выраженіяхъ и обрядности, что онъ утвердилъ представленный ему проэктъ закона

и повелѣваетъ обнародовать и привести его въ дѣйствіе.

Указанная послѣдовательность въ образованіи закона допускаетъ однако исключенія; даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ установленъ строгій законодательный порядокъ, всѣ конституціи даютъ главѣ государства большее или меньшее право, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, нетерпящихъ отлагательства, ради безопасности государства и порядка и когда нѣтъ на-лицо законодательныхъ собраній, издавать по собственному рѣшенію законы временные (провизорные); однако такіе законы должны быть представляемы въ первую же законодательную сессію и получаютъ дальнѣйшую силу только по одобреніи ихъ представительными палатами.

Актъ обнародованія закона имѣетъ цѣлію не только сдѣлать законъ общеизвѣстнымъ, но и опредѣлить срокъ, съ котораго должно начаться его дѣйствіе. Способы обнародованія закона весьма разнообразны и всегда опредѣляются въ самомъ законодательствѣ; они могутъ состоять: или въ устномъ сообщеніи и прочтеніи на площадяхъ, въ церквахъ и т. п., или въ печатаніи законовъ и сообщеніи печатныхъ экземпляровъ ко всѣмъ государственнымъ учрежденіямъ и властямъ. Самое вѣрное средство объявленія законовъ заключается въ содержаніи особой законодательной газеты, въ которой бы печатались всѣ утвержденные законы и распоряженія прави-

тельства; (въ первый разъ употребили его во Франціи во время революціи (учрежденіе Bulletin des lois), которая создала такъ много новыхъ законовъ, и съ тѣхъ поръ оно сдѣлалось общимъ для всѣхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Англіи, ограничивающейся только объявленіемъ королевской санкціи закона въ парламентѣ: „совершающееся публично въ парламентѣ можетъ быть извѣстно каждому". Блэкстонъ).

Обнародованный законъ начинаетъ свое дѣйствіе или со времени, назначеннаго въ самомъ законѣ, или по общему правилу; въ послѣднемъ случаѣ обязательность начинается или со дня публикаціи закона, или же съ другаго опредѣленнаго момента, который въ различныхъ государствахъ опредѣляется различно.

Порядокъ и способъ обнародованія законовъ.

Наиболѣе удобный способъ заключается въ опредѣленіи общаго и постояннаго срока, по истеченіи котораго, послѣ обнародованія, начинается повсемѣстное дѣйствіе закона (Франція, Бельгія, Пруссія, Австрія и др.).

Примѣчаніе I. Въ Россіи „законы общіе, содержащіе въ себѣ новое правило, или поясненіе, дополненіе, либо отмѣну прежнихъ законовъ, обнародуются во всеобщее извѣстіе Прав. Сенатомъ (Осн. Зак. 57), который для этого предаетъ ихъ печатанію, сообщаетъ Св. Синоду и посылаетъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ при указахъ, по установленной для этого формѣ" (Осн. Зак. 57, пр. 1). Для

исполненія этой обязанности, возлагаемой на Сенатъ, всѣ законы, хотя бы они содержались въ именныхъ повелѣніяхъ, данныхъ особенно какому-либо лицу или мѣсту, должны быть отъ тѣхъ мѣстъ и лицъ вносимы въ спискахъ въ Прав. Сенатъ (Осн. Зак. 56).

Обязательная сила нашихъ законовъ начинается не прежде, какъ со дня ихъ объявленія. Въ присутственныхъ мѣстахъ каждый законъ получаетъ свою силу и долженъ быть прилагаемъ къ дѣламъ не прежде, какъ со дня полученія его въ томъ мѣстѣ, къ исполненію коего оный подлежитъ (Осн. Зак. 59).

Примѣчаніе II. Въ Западно-европейскихъ государствахъ возникалъ вопросъ объ обязательности законовъ и правительственныхъ распоряженій, сообщаемыхъ посредствомъ телеграфовъ. Правительства такъ часто должны дѣйствовать съ быстротою, что нельзя отрицать ихъ права дѣлать распоряженія посредствомъ телеграммъ, хотя телеграфическія сообщенія представляютъ нѣкоторыя неудобства: трудность убѣдиться въ компетентности лицъ, посылающихъ распоряженія, и вообще возможность ошибокъ. Что же касается законовъ, то должно избѣгать публикаціи ихъ посредствомъ телеграфовъ, потому что чрезвычайная быстрота, въ большинствѣ случаевъ, здѣсь не требуется, и еще болѣе потому, что при подобной публикаціи и немедленномъ примѣненіи законовъ уничтожаются льготные сроки, которые даются для ознакомленія съ новымъ закономъ.

Обнародованный законъ равно обязателенъ для всѣхъ, никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона. Хотя въ дѣйствительности требованіе это невыполнимо во всей своей строгости, и большинство населенія въ каждомъ государствѣ незнакомо съ содержаніемъ относящихся къ нимъ зако-

новъ, тѣмъ не менѣе каждое законодательство строго держится указаннаго принципа, основывая свое требованіе на томъ, что равное и полное дѣйствіе законовъ есть основная общественная задача; государство не можетъ оставить на волю случая,—знанія или незнанія закона,—силу и дѣйствіе законовъ. Поэтому каждое благоустроенное общество возлагаетъ на всѣхъ общую обязанность, какъ бы повинность, знать относящіеся къ нимъ законы; отвѣтственность за послѣдствія неисполненія этого долга оно возлагаетъ на гражданъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ дозволяется суду принимать во вниманіе незнаніе закона, но должно быть доказано, что знаніе закона никоимъ образомъ не могло быть пріобрѣтено.

Дѣйствіе законовъ въ предѣлахъ времени.

Власть законодателя можетъ господствовать только надъ отношеніями настоящаго и будущаго, а не надъ совершившимися невозвратными фактами, поэтому новый законъ дѣйствуетъ лишь на время будущее и не распространяется на время прошедшее, или, иначе, законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ, т. е. всѣ факты и дѣйствія совершившіеся и законченные при господствѣ стараго закона, должны быть разрѣшаемы по закону старому. Вполнѣ законченнымъ въ юридическомъ смыслѣ фактомъ признается тотъ, который имѣетъ въ себѣ всѣ условія для вывода заключающихся въ немъ

юридическихъ послѣдствій. На этомъ основаніи, новый законъ не долженъ нарушать правъ пріобрѣтенныхъ.

Пріобрѣтенными правами называются тѣ, которыя уже осуществлены, усвоены на условіяхъ установленныхъ прежнимъ закономъ; одна правоспособность, или одна возможность на извѣстную юридическую дѣятельность, или одна надежда на пріобрѣтеніе извѣстныхъ правъ, не составляютъ законченныхъ фактовъ, и по отношенію къ нимъ новый законъ долженъ быть примѣняемъ.

Пріобрѣтенныя права имѣютъ наиболѣе широкую сферу въ правѣ частномъ, потому что эта область предоставлена частной дѣятельности; самыя права устанавливаются здѣсь въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ. Основываясь на данномъ законномъ порядкѣ, люди дѣлаютъ усилія и затраты для осуществленія всѣхъ дозволенныхъ цѣлей и имѣютъ право пользоваться нерушимо достигнутыми ими результатами. Напротивъ, въ правѣ публичномъ, основанномъ главнымъ образомъ на понятіи объ интересѣ и благѣ цѣлаго государства, пріобрѣтенныя права, въ смыслѣ гражданскомъ, встрѣчаются рѣдко и потому здѣсь законъ не дѣйствуетъ обратно только по исключенію. Самыя права публичнаго порядка имѣютъ свое основаніе большею частію только въ законѣ (права сословныя, крѣпостное, права политическія, служебныя, имущественныя привилегіи корпорацій и т. п.), поэтому пріобрѣтенныя при дѣйствіи ста-

раго закона, прекращаются съ отмѣною создавшаго ихъ закона.

Такимъ образомъ, публичныя права, предоставленныя законодателемъ отдѣльнымъ лицамъ, или категоріямъ лицъ, учрежденіямъ могутъ быть взяты обратно государствомъ, какъ только интересы государства потребуютъ того. Впрочемъ интересы отдѣльныхъ лицъ и государства такъ тѣсно связаны между собою, что государство, даже и въ своей сферѣ, старается по возможности щадить ихъ и примирять съ требованіями общаго блага. Въ правѣ уголовномъ признается за правило, что новый законъ, опредѣляющій наказаніе болѣе снисходительное, нежели законъ старый, примѣняется къ преступленіямъ совершеннымъ до изданія новаго закона. Въ судопроизводствѣ главная цѣль состоитъ въ наилучшихъ средствахъ открыть истину; государство само оцѣниваетъ достоинство этихъ средствъ, и потому новые процессовые законы должны имѣть примѣненіе къ дѣйствіямъ, совершеннымъ при законахъ старыхъ.

Дѣйствіе новаго закона только на будущее время есть необходимое условіе обезпеченности отношеній, твердаго общественнаго порядка и уваженія закона къ самому себѣ. Каждый законъ есть сила и власть правомѣрная для своего времени, и все, что̀ совершено на его основаніи, должно быть уважено и защищено закономъ новымъ; иначе само

законодательство подрываетъ довѣріе къ своему порядку и своей власти. Начало это принадлежитъ къ наиболѣе давнимъ и утвердившимся, признавалось древними законодательствами, признается и нынѣ кодексами всѣхъ образованныхъ народовъ.

Дѣйствіе закона въ границахъ мѣста.

Относительно дѣйствія законовъ въ границахъ мѣста признается за правило, что каждое государство имѣетъ исключительное право законодательной власти въ своей странѣ и признаетъ въ своей области только свое право, а потому дѣйствіе законовъ совпадаетъ съ географическими границами государства (lex non valet extra territorium).

Такое территоріальное начало дѣйствія законовъ подвергается однако нѣкоторымъ ограниченіямъ: во-первыхъ, почти всѣ государства заключаютъ въ себѣ разнородный племенный составъ населенія, присоединяя къ себѣ посредствомъ завоеваній, смѣшеній, добровольныхъ соглашеній различныя части территорій, пользовавшихся прежде самостоятельною политическою жизнію; въ такихъ частяхъ обыкновенно удерживается въ силѣ старое національное право. Вслѣдствіе этого во всѣхъ значительныхъ государствахъ, наряду съ общими законами, дѣйствующими на всемъ пространствѣ территоріи, существуютъ законы мѣстные, дѣйствующіе въ предѣлахъ той мѣстности, для которой они допущены верховною властію государства. Общее

отношеніе между законами общими и мѣстными заключается въ томъ, что законы мѣстные, въ границахъ своей мѣстности, исключаютъ дѣйствіе законовъ общихъ; во-вторыхъ, ни одно культурное государство не можетъ заключаться въ узкіе предѣлы своей національной и территоріальной жизни и для достиженія высшихъ цѣлей не только само входитъ въ международное общеніе, но и подданные его вступаютъ въ разнообразныя отношенія, личныя и имущественныя, съ подданными другихъ государствъ; съ успѣхами цивилизаціи отношенія эти дѣлаются болѣе частыми и сложными.

Вслѣдствіе этого въ одной и той-же юридической сдѣлкѣ принимаютъ участіе граждане различныхъ государствъ, а самая сдѣлка въ своемъ развитіи переходитъ границы одного и даже нѣсколькихъ государствъ, откуда является необходимость признанія и примѣненія законовъ чужеземныхъ. Общее правило въ такихъ случаяхъ таково, что отношенія и сдѣлки, признаваемыя законными въ одной странѣ, признаются законными и въ другой, если не нарушаютъ запрещеній и основныхъ началъ законодательства послѣдней (напр. отрицаніе рабства, многоженства).

Дѣйствіе закона по отношенію къ лицамъ.

По отношенію къ лицамъ законъ имѣетъ власть равномѣрную; давая всѣмъ обывателямъ своего государства равную защиту онъ имѣетъ право требо-

вать равнаго подчиненія себѣ всѣхъ, живущихъ въ предѣлахъ страны, не дѣлая различія между коренным жителемъ и иностранцемъ; въ этомъ случаѣ законамъ подчиняются одинаково какъ частныя лица, такъ и государственныя учрежденія и власти, не исключая и той, которая участвовала въ созданіи закона.

Исключеніе изъ этого правила допускается по обычаямъ международнаго права, по началу внѣземельности, только для сувереновъ государствъ и ихъ посольствъ, и то главнымъ образомъ въ публичномъ правѣ, особенно же въ уголовномъ и полицейскомъ.

Въ области гражданскаго права равнымъ образомъ допускается нѣкоторое ограниченіе общаго государственнаго закона при встрѣчѣ его съ разномѣстными и чужеземными законами, когда въ сдѣлкѣ участвуютъ подданные различныхъ государствъ или когда начало, совершеніе и разрѣшеніе одной и той-же сдѣлки происходитъ въ различныхъ мѣстностяхъ, подъ господствомъ различныхъ законовъ. (Условія и размѣръ такихъ ограниченій излагаются подробнѣе въ ученіи о коллизіяхъ и конкуренціи).

Законы каждаго государства, будучи равно обязательны для всѣхъ обывателей, могутъ однако по своему содержанію относиться неравномѣрно къ

различнымъ лицамъ и классамъ, отчасти вслѣдствіе историческихъ условій (личныя и сословныя привилегіи), а отчасти вслѣдствіе особенной природы отношеній (торговыя сдѣлки, положеніе рабочихъ классовъ, дисциплина сухопутнаго и морскаго войска и др.).

Толкованіе закона.

Толкованіе, изъясненіе закона (interpretatio, Auslegung) состоитъ въ изслѣдованіи истиннаго смысла закона; оно есть необходимое условіе примѣненія закона; необходимость эта обусловливается несовершенствомъ законодательныхъ работъ, несовершенствомъ языка, общностію положеній права и свойствомъ самаго примѣненія, которое предварительно должно установить истинный смыслъ закона, а потомъ примѣнить его къ данному случаю.

Толкованіе легальное.

Толкованіе раздѣляли прежде на легальное или аутентическое и доктринальное. Но первое, исходящее отъ законодателя, не имѣетъ характера дѣйствительнаго толкованія, сущность котораго заключается въ точности и убѣдительности логическаго вывода. Законодатель, ограничиваясь даже однимъ поясненіемъ стараго закона, создаетъ новую обязательную норму; иногда же легальное толкованіе можетъ отклониться отъ мысли изъясняемаго закона и открыть путь для обратнаго дѣйствія закона новаго.

Толкованіе доктринальное.

Поэтому главный видъ толкованія есть доктринальное; оно имѣетъ задачею разъяснить все содержаніе и смыслъ закона, раскрыть волю законодательства на сколько она выразилась въ законѣ. Толкованіе доктринальное, какъ свободный логическій процессъ, равно относится ко всѣмъ законамъ, какъ темнымъ такъ и яснымъ, и принадлежитъ каждому, кто имѣетъ дѣло съ закономъ и желаетъ примѣнить его къ отношеніямъ своей или чужой жизни. Сила каждаго толкованія зависитъ отъ степени въ какой оно согласно съ истиннымъ содержаніемъ и разумомъ объясняемаго закона.

Толкованіе доктринальное бываетъ грамматическое и логическое; оба эти вида толкованія суть необходимыя и тѣсно связанныя части одной и той-же дѣятельности, употребляющей лишь различныя средства: толкованіе логическое прежде всего имѣетъ въ виду толкованіе грамматическое, толкованіе грамматическое всегда должно окончиться логическимъ выводомъ.

Толкованіе грамматическое и логическое.

Толкованіе грамматическое объясняетъ смыслъ закона на основаніи смысла его словъ, руководствуясь правилами грамматики и филологіи, и такъ какъ слова закона составляютъ выраженіе мысли закона, то прежде всего должно обратиться къ этой сторонѣ, т. е. толкованію грамматическому. Толкованіе логическое изслѣдуетъ смыслъ закона

на основаніи всѣхъ прочихъ данныхъ и обстоятельствъ, которыя могутъ объяснить мысль закона и волю законодательной власти, и именно: на юридическое основаніе закона (ratio juris), на цѣль закона (ratio legis), на поводы, соображенія и обстоятельства, которыя сопровождали изданіе закона (occasio legis); если однако поводы и соображенія, высказанныя при обсужденіи проэкта закона, не получили выраженія въ утвержденномъ законѣ, то должно считать ихъ отвергнутыми и они не могутъ вліять на выводъ толкованія. Каждый законъ, заключая въ себѣ логическое цѣлое, находится въ связи съ другими законами и со всѣмъ законодательствомъ страны, поэтому для уясненія смысла отдѣльнаго закона необходимо опредѣлить какъ внутреннюю связь различныхъ частей закона, такъ и связь его съ другими ближайшими законами, со всею системою законодательства и обратить вниманіе на мѣсто, которое законъ занимаетъ въ этой системѣ, такъ какъ отъ занимаемаго закономъ мѣста весьма много зависитъ смыслъ закона. Толкованіе такого рода будетъ систематическое.

Толкованіе историческое.

Наконецъ, каждый законъ есть явленіе историческое; онъ возникаетъ изъ извѣстныхъ потребностей и находится въ опредѣленномъ отношеніи къ тѣмъ законамъ старымъ, которые онъ отмѣнилъ, измѣнилъ или дополнилъ. Для полноты пониманія закона весьма

важно, а иногда и необходимо уяснить историческое развитіе закона, видоизмѣненіе юридическихъ понятій, наименованій, терминологіи; при этомъ языкъ законовъ должно объяснять по правиламъ и употребленію того времени, когда законъ былъ составленъ. Въ историческомъ толкованіи въ особенности важно опредѣлить отношеніе новаго закона къ старымъ, которые отмѣнены или измѣнены первымъ, потому что точный и полный смыслъ новаго закона можетъ быть понятъ только изъ содержанія отмѣненнаго имъ закона.

Толкованіе систематическое, распространительное и ограничительное.

Толкованіе доктринальное должно не только изъяснять смыслъ закона, но и развить смыслъ этотъ во всѣхъ направленіяхъ и отношеніяхъ; оно должно опредѣлить объемъ, направленіе закона, значеніе его самого, т. е. составляетъ-ли онъ общее правило или исключеніе, и вообще развить все заключающееся въ немъ содержаніе. Если при логическомъ толкованіи будетъ найдено, что мысль закона ясна, полна и соотвѣтствуетъ формѣ, то законъ долженъ быть примѣненъ въ найденномъ смыслѣ; ежели же окажется несоотвѣтствіе между мыслію и формою закона, т. е. что слова были употреблены законодателемъ неточно и невѣрно, то, не ограничиваясь буквальнымъ смысломъ закона, должно отдать предпочтеніе толкованію логическому, такъ какъ слова закона суть только средство для выраженія воли

законодателя. Въ такихъ случаяхъ получаетъ мѣсто толкованіе измѣняющее (interpretatio abrogans, ändernde Auslegung), состоящее въ отклоненіи отъ буквальнаго смысла закона (но не отъ самой мысли закона), или толкованіе распространяющее (interpretatio extensiva, ausdehnende Auslegung) и ограничивающее (interpretatio restrictiva, Ausl. einschränkende), которыя, не отступая отъ смысла закона, разширяютъ или ограничиваютъ его.

Должно однакоже замѣтить, что всѣ указанные виды толкованія не должны выходить изъ данныхъ, заключающихся въ толкуемомъ законѣ, или въ тѣсно съ нимъ связанныхъ; внесеніе данныхъ посторонихъ. и въ особенности субъективныхъ соображеній, равнялось бы отмѣнѣ закона или установленію новаго закона.

Отношеніе законодательства къ толкованію.

Несмотря на необходимость толкованія при примѣненіи законовъ, большинство законодателей смотрѣло на него неодобрительно и нерѣдко запрещало его (во Франціи въ 1790 г., по земскому уложенію Пруссіи, въ кодексѣ Іосифа въ Австріи), или предоставляло право толкованія лишь особымъ правительственнымъ коммиссіямъ, требуя отъ прочихъ властей и учрежденій исполненія законовъ по буквальному ихъ смыслу. Такое отношеніе законодательной власти происходило отъ ошибочнаго пониманія самаго толкованія, въ которомъ видѣли

средство обхода и извращенія закона. Въ настоящее время подобный взглядъ совершенно оставленъ; законодательство. наука и практика признаютъ толкованіе необходимымъ условіемъ примѣненія законовъ во всѣхъ сферахъ его дѣйствія, а для судовъ толкованіе составляетъ не только право, но и обязанность, такъ какъ судъ долженъ рѣшать каждое предложенное ему дѣло и не можетъ отказаться отъ разрѣшенія его, подъ предлогомъ неясности, неполноты, недостатка или противорѣчія въ законахъ.

Наше законодательство также относилось къ толкованію отрицательно. Основные законы (ст. 65) требуютъ, чтобы „всѣ мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ утверждали свои опредѣленія на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій". Судебные уставы вводятъ въ этомъ случаѣ исключеніе: на судебныя установленія возложена обязанность рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія (Уст. Гражд. ст. 9) основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещено останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ. За нарушеніе сего правила виновные подвергаются

отвѣтственности какъ за отказъ въ правосудіи (Уст. Гражд. Суд. ст. 10).

Но для того, чтобы различіе въ толкованіи и примѣненіи законовъ въ различныхъ судахъ не нарушало равенства и единообразія въ правосудіи, во всѣхъ Европейскихъ государствахъ учреждены особые высшіе кассаціонные и ревизіонные суды, которые наблюдаютъ за сохраненіемъ точной силы законовъ во всѣхъ судахъ, по жалобѣ сторонъ или протесту прокуроровъ „отмѣняютъ рѣшенія, основанныя на неправильномъ толкованіи или нарушеніи закона".

Примѣненіе по аналогіи.

Особенный видъ толкованія или высшая степень его заключается въ примѣненіи закона по аналогіи. Аналогическое толкованіе отличается отъ простаго тѣмъ, что послѣднее состоитъ въ изслѣдованіи и развитіи смысла дѣйствительно заключающагося въ законѣ, въ уясненіи того, чего законодатель желалъ, и о чемъ онъ думалъ; аналогія же имѣетъ дѣло съ случаями, которыхъ законодатель не предвидѣлъ; задача ея состоитъ въ разрѣшеніи этихъ случаевъ такъ, какъ разрѣшилъ бы ихъ самъ законодатель, ежели-бы они представились ему.

Аналогическое примѣненіе служитъ, такимъ образомъ, восполненіемъ пробѣловъ и недостатковъ законовъ; процессъ этотъ долженъ однако совер-

шаться на основаніи содержанія самаго законодательства, а не субъективныхъ произвольныхъ соображеній; если являются случаи, о которыхъ законодатель не упомянулъ, то должно искать другой родъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ и наиболѣе сходныхъ съ первыми, наблюдая при этомъ какъ сходныя, такъ и отличительныя черты.

Аналогія закона и права.

Аналогія бываетъ двухъ родовъ: аналогія закона и аналогія права; первая разрѣшаетъ случаи непредвидѣнные законодателемъ, руководствуясь закономъ, наиболѣе подходящимъ, по своему юридическому основанію, къ такимъ случаямъ; вторая разрѣшаетъ случаи на основаніи цѣлой системы и общаго духа законодательствъ; къ аналогіи права должно приступать только тогда, когда окажется недостаточною аналогія закона.

Необходимость примѣненія законовъ по аналогіи возникаетъ потому, что законодательства никогда не въ состояніи предвидѣть всѣ случаи, всѣ комбинаціи отношеній и всегда страдаютъ пропусками и другими недостатками. Возможность же и юридическое основаніе примѣненія законовъ по аналогіи заключаются въ томъ, „что положительное право есть не мертвая масса механически соединенныхъ правилъ, но организмъ живой, обладающій силою собственнаго развитія и восполненія изъ самого себя. Аналогію называютъ поэтому „органическимъ пополненіемъ положительнаго права“.

Аналогическое примѣненіе законовъ развилось особенно съ тѣхъ поръ, когда новые кодексы приняли за основное правило, что судьи должны разрѣшать всѣ представляющіеся имъ случаи и не могутъ отказывать въ правосудіи, ссылаясь на недостатокъ или неполноту законодательства. Наиболѣе широкая и истинная сфера для аналогіи представляется въ правѣ гражданскомъ, такъ какъ въ этой области идетъ споръ о частныхъ правахъ и сами тяжущіеся желаютъ подвергнуть свой споръ судебному разбирательству.

Въ уголовномъ правѣ, основанномъ на коренномъ началѣ „нѣтъ наказанія безъ закона“, аналогическое примѣненіе законовъ значительно уже: оно допускается не для пополненія недостатка закона, а лишь въ случаяхъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ (Уст. Угол. Судопр. ст. 12) и то лишь тогда, если судимыя дѣянія воспрещены подъ страхомъ наказанія и когда вопросъ идетъ только о выборѣ рода и степени наказанія. (Ст. 151 Улож. о наказ. требуетъ назначенія сходнаго наказанія только въ томъ случаѣ, если дѣяніе преступно).

Въ законахъ исключительныхъ и чрезвычайныхъ, составляющихъ изъятіе изъ общаго порядка или опредѣляющихъ исключительные случаи, примѣненіе по аналогіи вовсе не допускается.

Отмѣна законовъ.

Отмѣна законовъ прежнихъ и установленіе новыхъ лежитъ въ самой природѣ вещей: законы создаются людьми, произведеніе же человѣка не способно къ вѣчному существованію. Понятіе о постоянствѣ и неподвижности законовъ можно принять лишь въ томъ смыслѣ, что они обязательны и дѣйствуютъ до тѣхъ поръ, пока не отмѣнены законами новыми. Отмѣна законовъ принадлежитъ только законодательной власти и должна совершаться тѣмъ же порядкомъ, какъ и составленіе и изданіе новыхъ законовъ. Отмѣну и измѣненія законовъ должно совершать съ необходимою осторожностію: на основаніи законовъ, дѣйствующихъ въ извѣстное время, образуются отношенія, завязываются связи на будущее время, и потому для общества чрезвычайно важно, чтобы юридическій бытъ представлялъ достаточную твердость и не подвергался постояннымъ и легкомысленнымъ перемѣнамъ.

Въ гражданскомъ правѣ это правило большею частію соблюдается; гражданскіе кодексы подвергаются обыкновенно медленнымъ и незначительнымъ измѣненіямъ. Право публичное, основанное на интересахъ общегосударственныхъ, способно къ болѣе быстрому развитію, а потому измѣненія и реформы совершаются въ немъ скорѣе; но и здѣсь слишкомъ частыя и рѣшительныя отмѣны дѣйствуютъ, большею частію, вредно на правильное развитіе государственной жизни.

Самая общая и важная форма отмѣны законовъ совершается посредствомъ изданія законовъ новыхъ. Отмѣна можетъ состоять или въ простомъ уничтоженіи стараго закона (abrogatio), или же въ замѣнѣ стараго новымъ (obrogatio), или въ измѣненіи закона (derogatio). Дополненіе закона (subrogatio) не составляетъ отмѣны его; отмѣна можетъ быть также полная, когда старый законъ отмѣняется во всемъ своемъ объемѣ, или частная, когда отмѣняются только нѣкоторыя отдѣльныя его опредѣленія (само собою разумѣется, если законъ состоитъ изъ нѣсколькихъ опредѣленій).

Законъ временный (переходный), отмѣняется съ истеченіемъ срока, на который онъ данъ, если такая отмѣна выражена въ самомъ законѣ, въ противномъ случаѣ онъ продолжаетъ дѣйствовать и послѣ срока, доколѣ не послѣдуетъ формальнаго объявленія о прекращеніи его дѣйствія.

Для устраненія сомнѣній, отмѣняется-ли законъ старый новымъ и если отмѣняется, то въ какомъ объемѣ, должно, по возможности, указывать въ издаваемыхъ законахъ, какіе изъ предъидущихъ законовъ измѣняются, дополняются или отмѣняются законами новыми.

Независимо отъ того законъ отмѣняется съ уничтоженіемъ предмета или отношеній, къ которымъ онъ непосредственно и вполнѣ относился. Отмѣна закона, составляющаго необходимое условіе

для дѣйствія другихъ законовъ, также отмѣняетъ силу послѣднихъ. Прекращеніе же обстоятельствъ и поводовъ, вызвавшихъ изданіе закона, а равно непримѣненіе закона, какъ бы продолжительно оно не было, не отмѣняютъ дѣйствія и силы закона.

Новѣйшія законодательства не предоставляютъ обычному праву отмѣнять законъ, но фактически оно можетъ ослаблять и ограничивать его дѣйствіе, и то въ сферѣ законовъ распорядительныхъ, а не повелительныхъ.

Относительно границъ дѣйствія отмѣны законовъ должно замѣтить слѣдующее: отмѣна общаго закона влечетъ за собою и отмѣну вытекающихъ изъ него послѣдствій, но не прекращаетъ дѣйствія законовъ спеціальныхъ или частныхъ, составляющихъ исключеніе изъ общаго закона, развѣ только въ самомъ отмѣняющемъ законѣ будетъ указано о прекращеніи ихъ силы. Равнымъ образомъ, и новый спеціальный законъ не уничтожаетъ прежняго общаго закона и относится только къ опредѣленнымъ для него случаямъ.

Отмѣна существующаго закона, отмѣнившаго въ свое время какой-либо прежній законъ, не возстановляетъ отмѣненнаго имъ закона, кромѣ случаевъ, когда это опредѣлительно высказано въ послѣднемъ отмѣняющемъ законѣ.

---

§ Раздѣленіе законовъ на виды.

Законы основные. По своей важности и силѣ, законы раздѣляются на основные или учредительные (конституціонные) (Verfassungsgesetze, Grundgesetze, les lois constitutionnelles, lois politiques, chartes) и обыкновенные или просто законы (les lois, Gesetze). Первые заключаютъ общія основныя начала государственнаго устройства, куда входятъ опредѣленія о формѣ правленія, о лицѣ и правахъ представителей государственной власти, о главныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, о правахъ, обязанностяхъ и взаимномъ отношеніи разныхъ видовъ государственной власти, о гражданско-политическихъ правахъ гражданъ, а также объ установленіяхъ и мѣрахъ, назначаемыхъ для приведенія въ дѣйствіе и защиты основныхъ законовъ. Кромѣ того, къ основнымъ законамъ можетъ относиться и все прочее, отнесенное къ нимъ законодателемъ. Основные законы устанавливаютъ только общія, главныя черты государственнаго и юридическаго порядка; по самому существу они бываютъ кратки и нуждаются въ развитіи.

Законы простые. Законы обыкновенные, или просто законы, самостоятельны въ предѣлахъ указанныхъ законами ос-

новными; въ данномъ имъ кругѣ, они создаютъ право, частію развивая общія основныя положенія, частію опредѣляя отношенія, которыхъ основные законы не коснулись; но ни въ какомъ случаѣ они не должны противорѣчить послѣднимъ, и притомъ не только буквальному смыслу, но духу, и послѣдствіямъ логически вытекающимъ изъ законовъ основныхъ.

Различіе между законами основными и простыми заключается въ самой природѣ вещей и существуетъ во всѣхъ государствахъ, даже и въ тѣхъ, которыя не имѣютъ для основныхъ законовъ особыхъ хартій и законодательныхъ актовъ. Но это различіе имѣетъ юридическое и практическое значеніе только въ тѣхъ государствахъ, которыя опредѣляютъ особыя, болѣе тяжелыя условія для измѣненія старыхъ или установленія новыхъ основныхъ нормъ. Правильное, закономѣрное отношеніе между законами основными и простыми можетъ быть нарушено со стороны матеріальной и формальной.

Въ первомъ случаѣ, во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ признается за правило, что изданный законъ, правильный по формѣ, подлежитъ точному исполненію какъ со стороны гражданъ, такъ и всѣхъ властей и учрежденій, хотя бы по содержанію своему онъ противорѣчилъ законамъ основнымъ; обсужденіе закономѣрности содержанія законовъ принадлежитъ лишь представительнымъ пала-

тамъ или опредѣленнымъ государственнымъ учрежденіямъ. (Напр. Сенатъ въ б. французской имперіи*).

Законы, неправильные по формѣ, не имѣютъ силы закона; однако рѣшеніе вопроса о недѣйствительности законовъ, нарушающихъ установленную форму изданія законовъ, принадлежитъ не каждому, по его личному усмотрѣнію, а лишь опредѣленнымъ государственнымъ учрежденіямъ и должно происходить въ установленномъ порядкѣ.

Раздѣленіе законовъ по пространству дѣйствія.

По пространству дѣйствія, законы раздѣляются на общіе (leges universales) и мѣстные (leges particulares). Первые дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ территоріи государства, для котораго они изданы, за исключеніемъ мѣстностей, пользующихся мѣстнымъ правомъ. Вторые дѣйствуютъ только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, частяхъ государства.

*) Въ С.-Американскихъ Штатахъ судъ признается высшимъ охранителемъ конституціи и законности; онъ имѣетъ право и обязанность изслѣдовать данное ему повелѣніе со стороны формы и содержанія, и примѣненіе незаконнаго повелѣнія считается въ Соединенныхъ С.-Американскихъ Штатахъ преступленіемъ противъ должности. (Конст. 1787 г. Art. III, S. II, Art. VI. 1--2). Но судъ не имѣетъ однакоже права дѣлать общихъ объявленій о недѣйствительности противуконституціонныхъ законовъ и распоряженій; онъ только не примѣняетъ ихъ къ даннымъ случаямъ. Американское воззрѣніе не получило признанія въ Европѣ, которая признаетъ высшимъ принципомъ единство государственнаго организма и власти.

Мѣстные законы образуются почти всегда исторически и возникаютъ вслѣдствіе различій въ мѣстныхъ и бытовыхъ условіяхъ государства. Отношеніе между общими и мѣстными законами заключается въ томъ, что мѣстные законы исключаютъ дѣйствіе общихъ законовъ и, въ случаѣ недостаточности своей, пополняются послѣдними. У насъ весьма многія губерніи и области пользуются своими мѣстными правами и законами; связь ихъ съ общими законами Имперіи опредѣляется въ сводахъ мѣстныхъ узаконеній (Зак. Осн. ст. 48) и тѣмъ общимъ началомъ, что новый общій законъ не отмѣняетъ законовъ изданныхъ особенно для какой-либо губерніи, если въ самомъ законѣ не будетъ постановлено такой отмѣны (Зак. Осн. ст. 79).

Раздѣленіе законовъ по содержанію.

По содержанію своему законы раздѣляются также на общіе (leges communes) и особенные или спеціальные (leges speciales).

Законы общіе назначаются для обыкновеннаго и постояннаго состоянія и заключаютъ въ себѣ общее правило для всѣхъ подлежащихъ имъ отношеній. Законы особенные (спеціальные) обнимаютъ разряды лицъ и отношеній, отличающихся особенными свойствами, несоотвѣтствующими общимъ нормамъ, и требующими поэтому отдѣльныхъ нормъ.

Законы спеціальные вызываются разнообразіемъ

цѣлей общественной жизни и имѣютъ въ виду не интересы лицъ, не исключеніе изъ общаго порядка, а особенную природу извѣстныхъ отношеній, которую они желаютъ опредѣлить болѣе близко и соотвѣтственно, для успѣховъ общей жизни: таковы отношенія торговыя, мореходства, рабочаго, военнаго класса; каждый вступающій въ эти отношенія пользуется правами и защитою особенныхъ законовъ.

Независимо отъ указанныхъ раздѣленій законовъ, существующихъ почти во всѣхъ законодательствахъ, должно отличать еще слѣдующіе, болѣе частные виды законовъ:

Привилегіи. Привилегіи (jus singulare, beneficia, privilegium); онѣ устанавливаютъ извѣстныя преимущества въ пользу какого-либо лица или разряда лицъ, освобождая ихъ отъ общихъ налоговъ, обязанностей, предоставляя имъ особое вознагражденіе или почести. Раздача привилегій, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ быть необходима и составлять справедливое вознагражденіе за общественныя заслуги или общеполезныя предпріятія. Но привилегіи, создаваемыя въ пользу однихъ, всегда составляютъ ущербъ прочимъ гражданамъ, обременяя ихъ бо̀льшими налогами, стѣсняя ихъ дѣятельность, ставя ихъ въ общественное положеніе относительно низшее. Поэтому раздача привилегій можетъ быть производима только съ крайнею осторожностію и въ случаяхъ

дѣйствительной необходимости, особенно въ настоящее время, когда такъ сильно развито сознаніе равенства передъ закономъ. Въ случаѣ сомнѣнія при примѣненіи привилегіи, она должна быть объясняема въ ограничительномъ смыслѣ.

По нашему законодательству, привилегія изъемлетъ дѣйствіе общихъ законовъ на тѣ предметы, на которые въ привилегіяхъ содержатся точныя постановленія (Осн. Зак. ст. 71); и новый общій законъ не отмѣняетъ личной привилегіи, если въ самомъ законѣ не будетъ постановлено о таковой отмѣнѣ (Осн. Зак. ст. 79).

Законы исключительные.

Законы исключительные, называемые иногда чрезвычайными, (leges singulares, Ausnahmsgesetze, lois exceptionnelles) назначаются для такого положенія дѣлъ, при которомъ общіе законы оказываются несоотвѣтственными или недостаточными. Извѣстныя части государства могутъ уклониться отъ спокойнаго подчиненія законамъ, могутъ образоваться опасныя партіи; извѣстная часть населенія можетъ отличаться особенными свойствами, требующими усиленнаго вниманія, иногда напр. наклонностію къ тому или другому преступленію и т. п. Безъ сомнѣнія, удержаніе общихъ законовъ, если только оно возможно, всегда предпочтительнѣе установленія исключительныхъ законовъ; оно поддерживаетъ единство государственной жизни, равенство положенія, преду-

преждаетъ запутанность въ отношеніяхъ и неизбѣжныя неудовольствія и распри. Но иногда нельзя обойтись безъ нихъ: единство государственной жизни, предупрежденіе незаконныхъ посягательствъ одной части населенія на другую, сохраненіе порядка, въ которомъ заинтересовано все общество, и др. подобныя причины служатъ достаточнымъ къ нимъ поводомъ; но, конечно, желательно, чтобы прибѣгали къ исключительнымъ законамъ и удерживали ихъ только въ границахъ совершенной необходимости; въ случаяхъ сомнѣній при ихъ примѣненіи, они должны быть изъясняемы въ ограничительномъ смыслѣ. Исключительные законы не всегда требуютъ для своего исполненія чрезвычайныхъ властей; иногда весь исключительный законъ состоитъ въ установленіи особенной власти, съ чрезвычайными полномочіями.

Законы сепаратные.

Законы частные, сепаратные (индивидуальные, excusationes, anomales Recht, dispensation), опредѣляютъ частные, дѣйствительные случаи и имѣютъ силу, т. е. устраняютъ дѣйствіе закона общаго только для этихъ случаевъ.

Законы сепаратные не создаютъ постояннаго исключительнаго порядка (подобно законамъ спеціальнымъ) или какого-либо преимущества (подобно привилегіи); они заключаютъ только однократное разрѣшеніе въ данномъ случаѣ не слѣдовать общему закону, на томъ основаніи, что особенныя (непред-

видѣнныя) свойства этого случая, дѣлаютъ примѣненіе къ нему общаго закона слишкомъ строгимъ, или неразумнымъ, или, наконецъ, вреднымъ. Строго говоря, сепаратные законы не суть законы въ точномъ смыслѣ (т. е. нормы устанавливающія общее правило); въ извѣстной степени, они могутъ нарушать равенство передъ закономъ и, еще легче, подать поводъ къ злоупотребленіямъ; поэтому законодательства должны избѣгать ихъ; но жизнь представляетъ такое множество уклоненій, что не всегда бываетъ возможно предъугадать и обозрѣть ихъ, и потому сепаратные законы иногда допускаются. Но какъ исключеніе, они не входятъ въ общую систему законодательства, не имѣютъ обязательности постоянной и, въ случаѣ сомнѣній, существованіе ихъ должны доказать тѣ, для кого они установлены; это свойство принадлежитъ одинаково и привилегіямъ.

Понятіе о законѣ и виды законовъ по русскому законодательству.

Всѣ изложенныя выше общія понятія о законѣ, а равно указанные виды законовъ существуютъ, въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ чертахъ, и въ русскомъ законодательствѣ.

Источникъ нашихъ законовъ и основаніе ихъ обязательной силы есть Самодержавная власть Монарха (Осн. Зак. 47); „никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія Самодержавной власти“ (Осн. Зак. ст. 51). Даже поясненія, дополненія дѣйствующихъ законовъ „подносятся надлежащими мѣстами на Высочайшее благоусмотрѣніе“ (Осн. Зак. ст. 49, 55). Но „мѣры, принимаемыя къ исполненію закона или учрежденія существующаго и не отмѣняющія никакихъ законовъ предъидущихъ, но служащія къ единому разрѣшенію недоумѣній или затрудненій въ образѣ исполненія, также общія подтвержденія существующихъ постановленій, не составляютъ сами по себѣ новаго закона“ (Осн. Зак. ст. 51, пр.). Приведенныя узаконенія показываютъ, что наше законодательство не устанавливаетъ юридическаго различія между законами основными и простыми; и тѣ и другіе имѣютъ одинъ источникъ и одну силу.

Форма нашихъ законовъ очень разнообразна и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ содержанія, и частію отъ способа ихъ изданія; „законы издаются въ видѣ уложеній, уставовъ, учрежденій, грамотъ, положеній, наказовъ (инструкцій), манифестовъ, указовъ, мнѣній Государственнаго Совѣта и докладовъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія. Сверхъ того, Высочайшія повелѣнія въ порядкѣ управленія изъявляются рескриптами и приказами“ (Осн. Зак. ст. 53, пр.).

Формы, зависящія отъ содержанія суть: уложеніе, учрежденія, уставы, положеніе, грамота и наказъ. *Формы законовъ.*

Уложеніе есть систематическое соединеніе законовъ въ исправленномъ и переработанномъ видѣ, обнимающее извѣстную часть законодательства, или даже все законодательство. Уложеніе отличается отъ Свода тѣмъ, что при составленіи его дѣлается переработка и исправленіе матеріала; между тѣмъ Сводъ представляетъ только соединеніе дѣйствующихъ законовъ, безъ существенныхъ дополненій и исправленій ихъ. (Уложеніе царя Алексѣя Михайловича).

Учрежденіями называются совокупность законовъ, опредѣляющихъ образованіе мѣстъ и властей, ихъ составъ, предметы вѣдомства, степень власти и порядокъ производства въ нихъ дѣлъ. (Учрежденія министерствъ, учрежденія о губерніяхъ).

Уставомъ называется совокупность законовъ, установляющихъ порядокъ управленія какою-либо особенною частію государственной дѣятельности. (Уставъ Таможенный, Горный и т. п.). Въ законодательной практикѣ различіе между учрежденіемъ и уставомъ довольно часто нарушается: нерѣдко въ уставы включается то, что составляетъ учрежденіе, и наоборотъ. Иногда же уставъ составляетъ одно цѣлое, заключая въ себѣ и учрежденіе и уставъ въ собственномъ смыслѣ. (Таковъ уставъ университетовъ).

Положеніе есть совокупность узаконеній, опредѣляющихъ во всей полнотѣ права и обязанности сословій, обществъ, разрядовъ лицъ. (Напр. Полож. о крестьянахъ 19 фев. 1861 г., о земскихъ учрежденіяхъ, положеніе городовое).

Грамота есть актъ, опредѣляющій и удостовѣряющій извѣстныя права и обязанности сословій и отдѣльныхъ лицъ; она дается въ случаяхъ и отношеніяхъ особенно важныхъ и весьма часто устанавливаетъ привилегіи въ пользу сословій или отдѣльныхъ лицъ.

Наказъ (инструкція) есть совокупность правилъ, подробно опредѣляющихъ положеніе, цѣль и способы дѣйствія правительственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ (общій наказъ министерствамъ; общая инструкція генералъ-губернаторамъ; общій наказъ губернаторамъ [1]).

По способу изданія законовъ различаются: манифесты, указы или Высочайшія повелѣнія, доклады и мнѣнія Государственнаго Совѣта, рескрипты и Высочайшіе приказы. *Манифестъ* заключаетъ торжественное объявленіе Монарха о его правахъ, тре-

---

[1]) Руковод. Сперанскаго, § 138, опредѣляетъ *наказъ* иначе: „когда уставъ, не объемля всѣхъ случаевъ даннаго управленія, ограничивается отдѣльно одною какою-либо частію дѣлъ, тогда онъ носитъ имя Наказа, такъ что Уставъ есть болѣе или менѣе полное собраніе Наказовъ, а Наказъ есть отдѣльная часть Устава“.

бованіяхъ, намѣреніяхъ, равнымъ образомъ о какомъ-либо важномъ событіи (о мирѣ) или важной мѣрѣ (по поводу освобожденія крестьянъ Положеніемъ 19 февр. 1861 г.). *Указъ* есть или общее повелѣніе о какомъ-либо предметѣ, или же повелѣніе относящееся къ какому-либо правительственному мѣсту или лицу, и идущее прямо отъ Верховной власти. *Докладъ и мнѣніе* Государственнаго Совѣта есть законъ, разсмотрѣнный предварительно въ Государственномъ Совѣтѣ. *Рескриптъ* есть изъявленіе Высочайшей воли, обращенное непосредственно къ извѣстному лицу или мѣсту, содержаніе его весьма разнообразно: разъясненіе направленія и цѣли управленія или государственныхъ мѣръ, установленіе новыхъ правилъ, изъявленіе Высочайшей благодарности. *Высочайшій приказъ* есть опредѣленіе Высочайшей воли, касающееся измѣненій въ служебномъ положеніи лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ.

Примѣчаніе. Съ формою нашихъ законовъ соединены нѣкоторыя ограниченія, весьма важныя по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ и состоящія въ слѣдующемъ: „новый законъ постановляется не иначе какъ за собственнымъ Высочайшимъ подписаніемъ“ (Осн. Зак. ст. 54). „Дополненія и изъясненія закона, коими установляется только образъ его исполненія, или же опредѣляется истинный его разумъ, могутъ быть излагаемы по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ въ видѣ указовъ, объявляемыхъ мѣстами и лицами, отъ Верховной власти къ сему уполномоченными“ (Осн. Зак. ст. 55). Лица, которыя могутъ быть уполномо-

чены къ тому, вычислены въ пр. къ ст. 55, но тамъ прибавлено, что для этой цѣли могутъ быть употребляемы и всѣ другія лица, „кои особо будутъ на то уполномочены Императорскимъ Величествомъ“; „впрочемъ, изустныя повелѣнія Государя могутъ быть объявляемы только тѣми лицами, которыя дѣйствительно находятся при особѣ Его Величества; въ противномъ случаѣ всякій, хотя имѣющій право объявлять такія повелѣнія, обязанъ означить какимъ образомъ и въ какой бумагѣ воля Его Величества была сообщена ему самому“. Объявляемый указъ не можетъ имѣть силы въ дѣлахъ о лишеніи жизни, чести или имущества; объ установленіи и уничтоженіи налоговъ, о сложеніи недоимокъ и казенныхъ взысканій, объ отпускѣ денежныхъ суммъ свыше тѣхъ, кои особыми постановленіями ограничены; о возведеніи въ дворянство внѣ порядка, для производства въ чины установленнаго; о лишеніи дворянства; объ опредѣленіи въ высшія должности и увольненіи отъ нихъ; „никакой законъ, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданный, не можетъ быть отмѣненъ указомъ объявленнымъ (Осн. Зак. ст. 66); законъ общій и всенародно объявленный отмѣняется не иначе какъ таковымъ же общимъ закономъ“ (Осн. Зак. ст. 73). За исключеніемъ указанныхъ ограниченій, всѣ формы нашихъ законовъ равно обязательны; „надлежащимъ образомъ обнародованные“, они должны быть „свято и ненарушимо исполняемы всѣми и каждымъ, какъ подданными, такъ и иностранцами, въ Россіи пребывающими, поколику то до нихъ принадлежать можетъ, безъ различія званій, чина и пола“ (Осн. Зак. ст. 63). Но еслибы „по дѣламъ общимъ государственнымъ или гражданскимъ существовалъ законъ, сопряженный съ неудобствами въ исполненіи, то Сенату дозволяется сдѣлать представленіе о томъ Императорскому Величеству; сіе разумѣется впрочемъ только о прежнихъ постановленіяхъ, и не можетъ касаться вновь издаваемыхъ или подтверждаемыхъ отъ Верховной власти“ (Осн. Зак. ст. 74). „При полученіи въ губерніи новаго закона, главный начальникъ губерніи, въ собраніи составленномъ изъ чле-

новъ палатъ и губернскаго правленія, можетъ обсудить его и если по мѣстнымъ обстоятельствамъ онъ окажется въ чемъ-либо неудобнымъ, то дозволяется единогласное представленіе о томъ"; но въ случаѣ подтвержденія отъ Верховной власти, имѣетъ быть чинимо непремѣнное и безмолвное исполненіе (Осн. Зак. ст. 75; Учр. о губер. ст. 336). Подобнымъ же правомъ пользуются губернаторы, а въ болѣе ограниченномъ видѣ и губернскія правленія (Учр. о губер. ст. 370, 744).

Для того, чтобы вновь обнародуемые законы и Высочайшія повелѣнія были согласны со всею системою дѣйствующихъ законовъ и съ интересами Монарха и государства, въ нашемъ законодательствѣ опредѣляется: „еслибы въ указѣ, отъ Сената послѣдовавшемъ, губернское присутственное мѣсто усмотрѣло что-либо противное законамъ или интересу Императорскаго Величества, то оно обязано, не исполняя указа, представить о томъ Сенату; если же Сенатъ, находя представленное ему заключеніе или сомнѣніе неосновательнымъ, останется при своемъ опредѣленіи, и оное подтвердитъ, то учинить уже безмолвное и непремѣнное исполненіе (Осн. Зак. ст. 76; Учр. о губер. 743); если-бы предписаніемъ министра, содержащимъ въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія, отмѣнялся законъ или учрежденіе, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданные, тогда начальство ему подчиненное, обязано, не чиня исполненія, представить о семъ министру. Если же и за симъ представленіемъ предписаніе будетъ подтверждено въ той же силѣ, то начальство обязано случай сей представить Сенату на окончательное разрѣшеніе" (Осн. Зак. ст. 77; Общ. Нак. Министрамъ ст. 233).

Сборники дѣйствующихъ законовъ.

Законодательные сборники бываютъ хронологическіе или систематическіе. Первые содержатъ въ себѣ собраніе законовъ въ порядкѣ времени изданія ихъ; вторые содержатъ совокупность дѣйствующихъ

въ извѣстное время въ государствѣ узаконеній, расположенныхъ по извѣстной системѣ. Сборники систематическіе издаются или въ видѣ сводовъ (инкорпорація) или въ видѣ уложеній, кодексовъ. Своды заключаютъ въ себѣ дѣйствующія въ государствѣ узаконенія, расположенныя въ системѣ, но соединенныя въ одно цѣлое безъ существенной переработки и исправленія; они представляютъ, такимъ образомъ, лишь внѣшнее объединеніе дѣйствующихъ въ государствѣ законовъ, образовавшихся въ различныя времена при различныхъ условіяхъ и потому недостаточно согласованныхъ другъ съ другомъ. Уложенія или кодексы обнимаютъ дѣйствующее законодательство въ цѣломъ объемѣ или въ отдѣльныхъ частяхъ его, переработанное, исправленное, соединенное въ систему, по единству началъ и направленія.

Сборники русскаго законодательства суть: а) Полное Собраніе законовъ, заключающее въ себѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, собраніе всѣхъ узаконеній, вышедшихъ со времени Уложенія царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) до настоящаго времени. Оно составлено по повелѣнію Императора Николая I, при II Отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, подъ главнымъ руководствомъ М. М. Сперанскаго, и раздѣляется: на 1-е Собраніе, обнимающее узаконенія съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича (включительно) до вступленія на пре-

столъ Императора Николая I, состоитъ изъ 45 томовъ (издано въ 1830 г.); 2-е Собраніе начинается съ 12 декабря 1825 г. и содержитъ законоположенія царствованій Императоровъ Николая I и Александра II, состоитъ изъ 55 томовъ (до 28 февраля 1881 г.). Собраніе послѣдующее начинается со вступленія на престолъ Императора Александра III (1 марта 1881 г.).

Полное Собраніе законовъ имѣетъ важное значеніе не только для исторіи, но и для уясненія и примѣненія дѣйствующаго законодательства. Въ Сводѣ русскихъ законовъ подъ каждою статьею сдѣлана ссылка на законоположенія, помѣщенныя въ Полномъ Собраніи, изъ которыхъ она заимствована; вслѣдствіе этого весьма удобно обращаться, въ нужныхъ случаяхъ, къ наиболѣе достовѣрному и полному источнику смысла, цѣли и объема каждаго дѣйствующаго закона.

Къ обоимъ Полнымъ Собраніямъ законовъ составлены, для удобства пользованія, указатели хронологическіе и алфавитные (по предметамъ).

Сводъ законовъ.

б) По Высочайшему указу 31 января 1826 г., на основаніи составленнаго Полнаго Собранія законовъ и историческихъ сводовъ по каждой отдѣльной части законодательства, при II-мъ же Отдѣленіи собственной Е. И. В. Канцеляріи, подъ главнымъ руко-

водствомъ М. М. Сперанскаго [1]) изготовленъ былъ Сводъ законовъ Россійской Имперіи. 31-го января 1833 г. Высочайшимъ манифестомъ объявлено объ окончаніи Свода и введеніи его въ дѣйствіе съ 1 января 1835 года. Какъ изъяснено было въ самомъ манифестѣ, изданный Сводъ „ничего не измѣнялъ въ силѣ и дѣйствіи существовавшихъ законовъ, а приводилъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ". Весь Сводъ законовъ Россійской Имперіи дѣлится на 15 частей; нѣкоторыя части изложены въ нѣсколькихъ томахъ; всѣхъ томовъ 16 [2]). Въ основаніе системы нашего Свода законовъ положено понятіе о союзѣ; редакторы отличали въ государствѣ два союза, государственный и гражданскій, отсюда произошло первое раздѣленіе законовъ на законы государственные и гражданскіе.

---

[1]) Сперанскій былъ не только руководящею, но и рабочею силою: онъ собственноручно писалъ для каждаго чиновника, участвовавшаго въ составленіи Свода, обозрѣніе ввѣренной ему части, гдѣ подробно, въ видѣ элементарнаго курса, излагалъ все содержаніе предмета (см. Объяснительную Записку содержанія и расположенія Св. Зак. гражданскихъ, Архивъ Калачова 1859 г. К. II).

[2]) Нѣкоторые спеціальные отдѣлы законодательства не вошли въ общій Сводъ и остались разбросанными въ различныхъ уставахъ, положеніяхъ: таковы узаконенія по народному просвѣщенію, по управленію церковному, почтовому, контрольному, кредитному, по благотворительнымъ учрежденіямъ IV Отдѣленія и др.

Законы государственные и гражданскіе, съ одной стороны опредѣляютъ существо союза государственнаго, права, отъ него происходящія, и права гражданъ; съ другой — охраняютъ ихъ дѣйствіе мѣрами общаго государственнаго и гражданскаго порядка. На этомъ основаніи законы государственные и гражданскіе раздѣлены были на опредѣлительные и охранительные [1]).

Однако выработанная на этихъ теоретическихъ началахъ система, при ближайшемъ распредѣленіи

---

[1]) На указанныхъ началахъ редакторы Свода предположили слѣдующую систему, которая должна была удовлетворять двумъ цѣлямъ: „удобству употребленія законовъ при производствѣ дѣлъ и способу къ систематическому ихъ изученію, такъ чтобы законныя книги были основаніемъ и въ отправленіи дѣлъ и въ учебномъ образованіи“ (Обозр. истор. свѣд. о Св. Зак. стр. 126. Руководство къ познанію зак. гр. Сперанскаго, 1845, стр. 39): А) *Законы государственные опредѣлительные* заключаютъ въ себѣ: 1) законы основные; 2) учрежденія государственныя, губернскія, городскія, уѣздныя, волостныя, и о порядкѣ гражданской службы (содержаніе кн. 1-й); 3) уставы о повинностяхъ (рекрутской и земской, кн. 2-я); уставы казеннаго управленія (о податяхъ, пошлинахъ, питейномъ сборѣ и акцизѣ), уставъ таможенный, уставы монетный, горный, о соли, лѣсной, оброчныхъ статей, арендныхъ и старостинскихъ имѣній; сюда же предполагалось внести и уставы счетоводства и контроля, кн. 3-я); 4) законы о состояніяхъ (кн. 4-я). *Законы государственные охранительные* заключаютъ въ себѣ: 1) Уставы благочинія: а) полиція хозяйственная (охраненіе народнаго продовольствія, общественное призрѣніе, охра-

законовъ по частямъ Свода, оказалась неудовлетворительною, и сами редакторы должны были сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ указаннаго общаго плана раздѣленія законовъ, а именно: 1) нѣкоторыя части учрежденій отдѣлить отъ общаго ихъ состава (въ кн. 1-й) и размѣстить вмѣстѣ съ уставами казеннаго управленія (кн. 3-я); 2) законы благочинія и законы уголовные, охраняющіе не только союзъ государственный, но и гражданскій, помѣстить въ концѣ, послѣ законовъ гражданскихъ; 3) охранительные гражданскіе законы распредѣлить между

неніе народнаго здравія); b) предупрежденіе и пресѣченіе преступленій, уставы о паспортахъ и бѣглыхъ, о содержащихся подъ стражею и о ссыльныхъ (кн. 7-я); 2) законы уголовные (о преступленіяхъ и наказаніяхъ и уголовное судопроизводство, кн. 8-я). Б) *Законы гражданскіе опредѣлительные* содержатъ: 1) законы о союзахъ семейственныхъ; 2) общіе законы объ имуществахъ и законы межевые (кн. 5-я); 3) особенные законы объ имуществахъ, называемые по главной цѣли ихъ законами государственнаго благоустройства, хозяйства (уставы кредитныхъ установленій, уставы о торговлѣ, промышленности фабричной, заводской, ремесленной, уставы путей сообщенія, строительный, пожарный, о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, о колоніяхъ иностранцевъ (кн. 6-я); сюда же предполагалось отнести и уставы учебныхъ и ученыхъ заведеній. *Законы гражданскіе охранительные* заключаютъ въ себѣ: 1) законы о порядкѣ производства дѣлъ безспорныхъ; 2) законы судопроизводства общаго гражданскаго и особенныхъ—межеваго и торговаго, 3) законы о мѣрахъ гражданскихъ взысканій (кн. 5-я).

соотвѣтствующими законами гражданскими опредѣлительными.

Согласно допущеннымъ отступленіямъ, весь составъ Свода законовъ былъ распредѣленъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Часть I. а) Основные законы, б) учрежденія государственныя (Т. I), в) учрежденія губернскія и уѣздныя (Т. II), г) уставы о службѣ гражданской (Т. III).

Часть II. Уставы о повинностяхъ (Т. IV).

Часть III. Уставы казеннаго управленія: а) уставы о податяхъ, б) о питейномъ сборѣ и акцизѣ (Т. V), в) уставъ таможенный (Т. VI), г) уставы монетный, горный и о соли (Т. VII), д) уставы лѣсной, оброчныхъ арендныхъ статей (Т. VIII).

Часть IV. Законы о состояніяхъ (Т. IX).

Часть V. Законы гражданскіе и межевые (Т. X).

Часть VI. Уставы государственнаго благоустройства: а) учрежденія и уставы кредитные, торговой, фабричной, заводской и ремесленной промышленности (Т. XI), б) уставы путей сообщенія, строительный, пожарный, благоустройства въ городахъ и селеніяхъ (Т. XII).

Часть VII. Уставы благочинія: а) уставы народнаго продовольствія, общественнаго призрѣнія и врачебные по гражданской части (Т. XIII), б) уставы о паспортахъ и бѣглыхъ, предупрежденія и пресѣченія преступленій, о содержащихся подъ стражею и ссыльныхъ (Т. XIV).

Часть VIII. Законы уголовные (Т. XV).

Принятая для Свода законовъ система неудовлетворительна, какъ по началамъ, такъ и по исполненію.

Понятія о союзѣ, опредѣленіи и охраненіи не объясняютъ и не характеризируютъ вполнѣ юридическихъ явленій, во-вторыхъ система Свода не соотвѣтствуетъ внутреннему порядку нашего законодательства. Въ исполненіи система Свода представляется еще слабѣе; редакторы распредѣлили большую часть законодательнаго матеріала на основаніи различія предметовъ и отношеній, а не указанныхъ ими началъ союзовъ, опредѣленія и охраненія; при этомъ они приняли различія неправильно и произвольно: многія части несродныя соединены въ одинъ отдѣлъ, другія же получили мѣсто, несогласное съ ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Такъ, законы благоустройства отнесены къ частному праву (на основаніи извѣстныхъ въ то время системъ права, см. Encykl. Фалька), хотя они отличаются въ нашемъ законодательствѣ характеромъ преимущественно публичнымъ; законы о состояніяхъ заняли исключительное мѣсто въ законахъ государственныхъ, между тѣмъ какъ многіе отдѣлы ихъ носятъ характеръ частный. Законы межевые и судопроизводство соединены съ законами гражданскими, и многіе другіе.

Сборники мѣстныхъ и спеціальныхъ законовъ.

в) Независимо отъ Общаго Свода законовъ Россійской Имперіи существуютъ еще своды и сборники законовъ мѣстныхъ и для спеціальныхъ вѣдомствъ. Наиболѣе обширный и обработанный сводъ представляютъ Военныя Постановленія по предмету военносухопутныхъ силъ Имперіи. Онъ былъ изданъ въ первый разъ въ 1839 г. и введенъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1840 г.; раздѣляется на 5 частей, распредѣленныхъ въ 15 книгахъ; въ 1859 г. послѣдовало новое изданіе его съ происшедшими дополненіями и измѣненіями. Въ 1869 г. приступлено къ третьему изданію, причемъ измѣнена нѣсколько самая система. Сводъ раздѣленъ на 6 частей: I) военное управленіе, II) войска регулярныя, III) войска иррегулярныя, IV) военныя учрежденія и заведенія, V) военное хозяйство и VI) уставъ военно-уголовный, дисциплинарный и судебный. Изданіе еще не окончено. Для военно-морскаго вѣдомства изданы: а) Собраніе законовъ и постановленій до морскаго управленія относящихся, издано съ 1844 г. кн. IX, б) хронологическій указатель морскихъ постановленій съ 1700—1875 г., в) военно-морской судебный уставъ 1867 г., г) военно-морской дисциплинарный уставъ 1880 г., д) военно-морской уставъ о наказаніяхъ 1870 года.

На западной окраинѣ Россіи дѣйствуетъ Сводъ мѣстныхъ узаконеній для губерній Остзейскихъ; онъ

состоитъ изъ трехъ частей: 1-я учрежденіе властей и мѣстъ губернскаго управленія, 2-я—о состояніяхъ; обѣ части изданы въ 1845 г. на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; 3-я часть—законы гражданскіе, издана въ 1864 г., также на обоихъ языкахъ.

Въ губерніяхъ Польскаго края дѣйствуетъ Собраніе гражданскихъ законовъ бывшаго Царства Польскаго, Спб. 1870 г. Это оффиціальный переводъ дѣйствовавшихъ тамъ съ 1808 г. французскихъ кодексовъ гражданскаго и торговаго, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями въ частностяхъ.

Въ Финляндіи дѣйствуетъ Шведское уложеніе 1734 г., изданное на русскомъ языкѣ и Высочайше утвержденное для Великаго княжества Финляндскаго въ 1824 г., съ прибавленіемъ къ нему 1827 г. Позднѣйшія мѣстныя узаконенія помѣщаются въ ежегодномъ сборникѣ постановленій Великаго княжества Финляндскаго и съ 1860 г. печатаются отдѣльно на русскомъ и шведскомъ языкахъ.

При первомъ же изданіи Свода законовъ Россійской Имперіи въ 1833 г. было постановлено, чтобы всѣ узаконенія, которыя будутъ выходить впредь (послѣ 1 января 1832 г.), а равно всѣ измѣненія, которыя могутъ послѣдовать въ изданномъ Сводѣ, издавались ежегодно въ особыхъ продолженіяхъ, расположенныхъ по системѣ Свода; такія продолженія выходятъ иногда

каждый годъ, иногда въ сроки болѣе продолжительные.

Независимо отъ продолженій, Сводъ законовъ, утвержденный въ 1833 г., нѣсколько разъ, обыкновенно чрезъ каждое десятилѣтіе, издавался вновь въ цѣломъ составѣ или по частямъ, причемъ въ новыя изданія вносились всѣ послѣдовавшія измѣненія, добавленія, а иногда присоединялись и нѣкоторыя части, опущенныя въ первомъ изданіи (таковы уставы кредитные, иностранныхъ исповѣданій и др.); такимъ образомъ имѣются изданія 1842, 1857, 1876 и 1886 гг.; каждое новое изданіе замѣняло предшествовавшія; но изданія 1876 и 1886 гг. неполныя, а потому изданіе 1857 г. по нѣкоторымъ отдѣламъ остается въ силѣ. Въ 1888 году послѣдовало новое изданіе, съ измѣненіями и добавленіями первой части X тома (законы гражданскіе). Въ 40-хъ годахъ т. XV (законы уголовные) подвергся полному пересмотру и переработкѣ, и въ 1845 г. составлено было Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, замѣнившее прежній Сводъ законовъ уголовныхъ. Для обнародованія текущихъ узаконеній, повелѣній и общихъ распоряженій, издается съ 1862 г. при Правительствующемъ Сенатѣ Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.

Дополнительныя формы права.

Къ дополнительнымъ формамъ права должно причислить: а) правительственныя распоряженія (décret, ordonance, règlement, Verordnung) и б) автономическіе статуты, уставы, правила (Autonomie, Selbstgesetzgebung, statutarisches Recht).

Правительственныя распоряженія.

Правительственныя распоряженія суть акты правительственныхъ властей и учрежденій, заключающіе въ себѣ или руководство къ примѣненію и исполненію законовъ, или мѣры для осуществленія указанныхъ закономъ цѣлей безопасности, благоустройства и государственнаго и народнаго хозяйства или, наконецъ, разъясненіе и развитіе законовъ въ ихъ частностяхъ и подробностяхъ.

Отдѣленіе правительственныхъ распоряженій отъ законовъ находится въ тѣсной связи съ стремленіемъ, обнаружившимся въ концѣ 18 в., отдѣлить власть правительственную отъ законодательной и обусловить силу законовъ утвержденіемъ ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Именно въ это время законъ былъ объявленъ выраженіемъ народной воли и всеобъемлющею властію государства, которая все опредѣляетъ, направляетъ и за всѣмъ блюдетъ; всѣ власти (не исключая и главы исполнительной власти) суть только слуги и исполнители закона, могущіе

требовать повиновенія лишь предписаніямъ закона. Распоряженія же правительства были лишены самостоятельнаго содержанія и значенія; ихъ цѣль ограничивалась только исполненіемъ и примѣненіемъ законовъ къ подлежащимъ случаямъ. Но такой взглядъ оказался ошибочнымъ. Съ одной стороны, онъ возлагалъ на законодательство неисполнимую и несвойственную ему задачу все исчерпать и опредѣлить, съ другой—онъ упустилъ изъ виду, что правительственная власть есть не только служебный органъ, но и самостоятельная сила государства, которая имѣетъ право и обязанность, въ предѣлахъ закона, все соединять въ одно цѣлое, управлять всѣми государственными интересами и дѣлами, сообщать всему жизнь, движеніе, а иногда принимать и такія мѣры, которыя мало доступны внутреннему законодательству (международныя сношенія). Въ настоящее время, при развитіи и усложненіи задачъ государственныхъ, распоряженія, какъ непосредственные акты правительства, получили важное значеніе и оказываютъ существенное вліяніе на порядокъ и успѣхи всей жизни государствъ.

Какъ только уяснилось самостоятельное значеніе правительственныхъ распоряженій, обнаружилась потребность опредѣлить границы между законами и распоряженіями, не только по формѣ, но и по содержанію, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи законы и распоряженія представляютъ

много сходнаго и весьма близко соприкасаются другъ съ другомъ; весьма часто послѣднія опредѣляютъ даже отношенія подлежащія законодательству. Такъ, иногда въ самомъ законѣ предоставляется административнымъ властямъ дополнять общія положенія закона частными правилами (порядокъ раскладки податей, взыманія акциза и т. п.), опредѣлять подробности внутренняго распорядка и пр. Усилія найти положительныя отличія въ содержаніи законовъ и распоряженій были, однакоже, малоуспѣшны, поэтому современныя европейскія законодательства, ограничиваясь общимъ требованіемъ, чтобы правительственныя распоряженія были издаваемы въ предѣлахъ законовъ, предпочитаютъ опредѣлять отличія отрицательными чертами. Главнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія: распоряженія не должны ни отмѣнять, ни ослаблять, ни прекращать дѣйствія законовъ; не должны измѣнять уже опредѣленныхъ отношеній; не должны ограничивать или разширять права гражданъ, устанавливать налоги, повинности, наказанія, развѣ за незначительные полицейскіе проступки. Сверхъ того требуется, чтобы распоряженія издавались въ опредѣленномъ закономъ порядкѣ и публиковались во всеобщее свѣдѣніе.

Право издавать общеобязательныя распоряженія въ обширномъ смыслѣ (не только исполненія, но въ порядкѣ управленія государствомъ и разъясненія и развитія законовъ) предоставляется лишь высшимъ общегосударственнымъ властямъ и

учрежденіямъ: главѣ государства, министрамъ, сенату, государственному совѣту. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ нѣтъ строгаго отдѣленія учрежденій законодательныхъ отъ правительственныхъ, и гдѣ глава государства есть основаніе и источникъ законовъ, тамъ обыкновенно не бываетъ юридическаго отличія между законами и распоряженіями, исходящими отъ главы государства. Административныя среднія учрежденія (губернаторы, префекты) пользуются правомъ распоряженій въ порядкѣ исполненія и примѣненія законовъ, и притомъ въ предѣлахъ подчиненной имъ мѣстности; низшія административныя власти дѣйствуютъ лишь въ порядкѣ исполненія.

Въ случаѣ, если распоряженія нарушаютъ законъ или противорѣчатъ послѣднему, порядокъ возстановленія правильнаго между ними отношенія опредѣляется въ каждомъ государствѣ особо, смотря по характеру и образу его управленія. Признается вообще за правило, что всѣ общія распоряженія, обращенныя къ низшимъ административнымъ инстанціямъ, правильныя по формѣ, подлежатъ исполненію, но для устраненія злоупотребленій и произвольныхъ предписаній, требуется, чтобы каждый низшій агентъ и исполнитель, получивъ незаконное распоряженіе, сдѣлалъ о томъ своевременное представленіе своей высшей власти; лишь въ томъ случаѣ, если его представленіе не было уважено и ему

предписано исполнить данное ему распоряженіе, онъ обязанъ подчиниться ему и не подлежитъ за то отвѣтственности. При этомъ степень легкости преслѣдованія незаконныхъ дѣйствій агентовъ публичной власти въ различныхъ государствахъ бываетъ различна.

Незаконныя правительственныя распоряженія, обращенныя къ частнымъ лицамъ, отмѣняются по жалобамъ къ высшимъ правительственнымъ властямъ. Если же частное лицо не исполнитъ распоряженія, правильнаго по формѣ, и возникнетъ вопросъ о виновности его за неповиновеніе правительственнымъ требованіямъ, и если распоряженіе окажется незаконнымъ по содержанію, то судъ освобождаетъ ослушника отъ отвѣтственности (если при этомъ не произошло активнаго сопротивленія). Судъ однако не можетъ, по собственному почину, вмѣшиваться въ изслѣдованіе силы и законности правительственныхъ распоряженій, а тѣмъ болѣе дѣлать какія-либо общія постановленія и объявленія о незаконности и отмѣнѣ ихъ.

Наше законодательство до сихъ поръ удерживаетъ основной взглядъ, что правительственнымъ распоряженіямъ принадлежитъ лишь право исполненія, разрѣшенія недоумѣній и затрудненій въ образѣ исполненія законовъ и подтвержденіе существующихъ постановленій (Осн. Зак. пр. ст. 51). Сенату ввѣренъ высшій надзоръ за всѣми учрежденіями Имперіи въ порядкѣ управленія и исполненія (ст. 2 Учр. Сен.) и разрѣшеніе силою законовъ всѣхъ недоразу-

мѣній и затрудненій, возникающихъ при примѣненіи законовъ (ст. 26 Учр. Сен.), и лишь въ этихъ предѣлахъ онъ можетъ издавать обязательныя распоряженія по всѣмъ частямъ управленій (кромѣ спеціальныхъ, военаго, морскаго и духовныхъ дѣлъ). Сами министры, по основной мысли учрежденій, суть только исполнители законовъ, обязанные доставлять законамъ скорое и точное исполненіе и разрѣшать силою законовъ различныя недоразумѣнія и затрудненія при примѣненіи законовъ (ст. 190, 194 Учр. М-въ). Но законодательная и административная практика новѣйшаго времени расширила указанные предѣлы власти министровъ; самъ законъ весьма часто предоставляетъ министрамъ право издавать общія обязательныя распоряженія по предметамъ ихъ управленія, опредѣлять подробности общихъ положеній изданнаго закона (особенно много такихъ изъятій по Министерству Финансовъ, Путей Сообщенія, Народнаго Просвѣщенія). Въ недавнее же время (1876 г.) предоставлено губернаторамъ, въ видѣ временной мѣры, право изданія въ предѣлахъ закона обязательныхъ правилъ относительно безопасности и порядка ввѣренныхъ имъ губерній.

Автономическія правила, статуты.

Автономическое или статутовое право составляютъ нормы, устанавливаемыя разными союзами, обществами, учрежденіями и вообще юридическими лицами по предметамъ, предоставленнымъ ихъ самоуправленію.

Автономическія нормы имѣютъ всегда значеніе подчиненное: основаніе ихъ силы заключается въ допущеніи и признаніи ихъ государствомъ; онѣ могутъ простираться только на предметы предоставленные закономъ ихъ вѣдѣнію и должны быть вполнѣ согласны съ законами государства, которое всегда

можетъ ограничить или даже отмѣнить данную автономію и созданное ею право. Автономическія правила, изданныя надлежащими властями, правильныя по формѣ и содержанію, имѣютъ силу и дѣйствіе въ предѣлахъ автономической власти и обязательны не только для всѣхъ членовъ автономнаго общества, но и для постороннихъ лицъ, которыя могутъ пребывать въ кругѣ автономныхъ союзовъ и учрежденій.

Автономическія правила отличаются отъ правительственныхъ распоряженій и мѣстныхъ законовъ.

Первыя издаются правительственными властями и учрежденіями, которыя обязаны издавать ихъ для приведенія въ дѣйствіе законовъ. Содержаніе правительственныхъ распоряженій относится непосредственно къ подлежащимъ законамъ и имѣетъ цѣлію общіе интересы государства и закона.

Автономическія правила издаются общественными союзами или такими правительственными учрежденіями, которыя вѣдаютъ предметы общественнаго характера (таковы учрежденія религіозныя, научныя, общественнаго призрѣнія, напр. университеты, коллегіи, церковь, монастыри и подоб.) и которымъ для успѣшнѣйшаго достиженія ихъ цѣлей, государство предоставляетъ извѣстную степень самоуправленія.

Изданіе автономныхъ правилъ предоставляется свободному усмотрѣнію и почину автономныхъ учреж-

деній; содержаніе ихъ составляютъ предметы мѣстныхъ нуждъ, пользъ, мѣстнаго благоустройства и хозяйства. Иногда на автономныя общества возлагаютъ и общегосударственныя обязанности (напр. исполненіе обязанностей общей полиціи), но въ такомъ случаѣ предоставленное имъ право составляетъ и обязанность, и они должны дѣйствовать въ исполненіе требованій закона.

Отъ мѣстныхъ законовъ автономныя правила отличаются тѣмъ, что первые, въ предѣлахъ своей мѣстности, имѣютъ полную силу закона, исключая дѣйствіе общихъ законовъ; изданіе общихъ законовъ, несогласныхъ съ мѣстными законами. не отмѣняетъ мѣстныхъ законовъ, если объ этомъ не будетъ указано опредѣленно въ изданномъ законѣ.

Напротивъ, автономныя правила имѣютъ всегда подчиненное значеніе, они не ограничиваютъ и не исключаютъ дѣйствія законовъ; изданіе закона, несогласнаго съ автономнымъ правиломъ, отмѣняетъ силу послѣдняго, хотя бы объ этомъ и не было упомянуто въ изданномъ законѣ.

Автономная форма права развивается, по преимуществу, въ государствахъ, допускающихъ и поддерживающихъ самоуправленіе подчиненныхъ общественныхъ союзовъ и учрежденій. Развитіе автономнаго права имѣетъ свои свѣтлыя стороны: одни мѣстные органы въ состояніи знать истинныя потребности своего округа и мѣры дѣйствительно

приложимыя и плодотворныя, и потому они могутъ съ особымъ успѣхомъ устанавливать наиболѣе цѣлесообразныя правила и мѣры о предметахъ мѣстнаго порядка, благоустройства и хозяйства; сверхъ того, автономное право служитъ къ развитію мѣстной самодѣятельности, побуждаетъ гражданъ быть внимательными къ своимъ нуждамъ, интересамъ, пріучаетъ ихъ къ пониманію условій дѣйствительной жизни и отвѣтственности; но, съ другой стороны, автономныя общества имѣютъ наклонность предпочитать интересы мѣстные общегосударственнымъ и стремиться къ расширенію своей компетенціи и силы, въ ущербъ общегосударственной жизни и единству законовъ. Усиленіе автономіи въ государствахъ съ слабою организаціею и центральною властію ведетъ нерѣдко къ ослабленію и даже разложенію государства. Поэтому автономное право должно состоять подъ постояннымъ контролемъ государственной власти. Этотъ контроль можетъ обнаруживаться въ различныхъ мѣрахъ и способахъ, смотря по степени предоставленной автономіи; онъ можетъ заключаться или въ непосредственномъ утвержденіи правительствомъ автономныхъ правилъ, или въ правѣ правительственнаго просмотра и кассаціи автономныхъ правилъ, нарушающихъ предѣлы и требованія закона. Въ случаѣ спора частныхъ лицъ о силѣ автономныхъ правилъ, судъ имѣетъ право и обязанность изслѣдовать согласіе автоном-

ныхъ правилъ какъ съ автономными уставами, опредѣляющими содержаніе и предѣлы самоуправленія, такъ и съ общими законами, и въ случаѣ найдетъ ихъ незаконными, не примѣняетъ ихъ къ спорному дѣлу.

Судебная практика.

Судебныя рѣшенія.

Судебныя рѣшенія не составляютъ ни особенной, ни дополнительной формы права; они заключаютъ въ себѣ только примѣненіе дѣйствующаго въ государствѣ права къ разрѣшенію споровъ между сторонами и возстановленію нарушеннаго права.

У всѣхъ народовъ, вышедшихъ изъ патріархальныхъ условій жизни, судебная власть постепенно отдѣляется отъ законодательной и это отдѣленіе заключается въ различіи задачъ законодательства и суда. Законодатель руководитъ и опредѣляетъ общіе интересы и отношенія въ государствѣ; онъ дѣйствуетъ не по вызову сторонъ, а рѣшаетъ по собственному усмотрѣнію, наступило-ли время и потребность для установленія новыхъ законовъ или отмѣны старыхъ. Судъ осуществляетъ и примѣняетъ общія нормы права къ отдѣльнымъ случаямъ и обязанъ руководиться исключительно дѣйствующимъ въ государствѣ правомъ. Судья не имѣетъ иниціа-

тивы; онъ дѣйствуетъ только по вызову сторонъ и въ своемъ рѣшеніи не можетъ выйти изъ предѣловъ предложеннаго ему процесса; равно не можетъ ни измѣнить, ни отмѣнить данное имъ рѣшеніе.

Требованія закона обязательны только для будущихъ отношеній и споровъ; приговоры суда обязательны лишь для разрѣшеннаго случая, не связываютъ, при разбирательствѣ подобныхъ же случаевъ, ни другихъ судовъ, ни того самаго суда, который постановилъ первый приговоръ: сознавъ свою ошибку, онъ можетъ рѣшить иначе однородный же случай.

Въ юридической жизни новѣйшаго времени господствуетъ начало, что судъ не долженъ отказывать въ правосудіи, хотя бы въ кодексѣ и не оказалось закона, вполнѣ яснаго и соотвѣтствующаго предложенному вопросу, (конечно съ соблюденіемъ извѣстныхъ ограниченій относительно законовъ карательныхъ и исключительныхъ). Такое требованіе новѣйшаго законодательства основано на томъ, что, съ одной стороны, самый обширный кодексъ не можетъ предусмотрѣть всѣхъ случаевъ и отношеній, а съ другой—государство не можетъ оставлять спорныя или нарушенныя права безъ разрѣшенія и охраненія, равно не можетъ дозволять, чтобы по частнымъ случаямъ обращались къ законодательному разъясненію и дополненію, потому что такой порядокъ послужитъ къ обратному дѣйствію

законовъ и сопряженъ съ чрезвычайными проволочками. Въ виду этого новѣйшія законодательства требуютъ, чтобы суды, въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчій въ законахъ, основывали свои рѣшенія на общемъ разумѣ и духѣ законовъ. Однако состоявшіяся на этомъ основаніи судебныя рѣшенія не заключаютъ въ себѣ творческой свободной дѣятельности законодателя; судьи, въ подобныхъ случаяхъ, не имѣютъ права вводить свои субъективныя воззрѣнія или теоретическія положенія, они обязаны лишь развивать начала положительнаго законодательства, руководствуясь точнымъ разумомъ наиболѣе соотвѣтственныхъ и ближайшихъ законовъ, (таковы требованія въ кодексахъ французскомъ, италіянскомъ, австрійскомъ, въ нашихъ Судебныхъ Уставахъ, ст. 9 Гражд. Судопр., ст. 12 Угол. Судопр. Ст. 711 Гражд. Судопр. требуетъ, чтобы резолюція суда заключала указанія на законы, которыми онъ руководствовался). Каждое сколько-либо развитое законодательство всегда представляетъ достаточно матеріала для подобной дополнительной дѣятельности судовъ; взятое во всей совокупности, оно заключаетъ въ себѣ полную логическую систему понятій и началъ, въ которыхъ, посредствомъ толкованія и аналогіи, всегда можно найти болѣе или менѣе соотвѣтственное разрѣшеніе даннаго случая.

Не имѣя значенія особенной формы права, судебныя рѣшенія составляютъ однако важное и

необходимое пособіе: для практики они создаютъ прецеденты, которые уясняютъ истинный смыслъ законовъ и правильное примѣненіе ихъ; для законодателя они содержатъ жизненный матеріалъ, изъ котораго онъ наиболѣе вѣрно можетъ судить о потребностяхъ общества, о направленіи въ какомъ развиваются юридическія отношенія и о необходимости отмѣны старыхъ законовъ или установленія новыхъ. Впрочемъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ обычное право дѣйствуетъ какъ самостоятельная форма права, судебные приговоры могутъ пріобрѣсти общую обязательность путемъ обычнаго права. Судебное обычное право (Gerichtsgebrauch, Praxis, usus fori) можетъ быть двухъ родовъ: матеріальное, заключающееся въ самомъ приговорѣ, представляющее или новую норму права или же толкованіе существующаго закона, выходящее изъ границъ самаго закона; или же формальное, образующееся въ порядкѣ производства дѣлъ; оно развивается и утверждается съ особенною легкостію и быстротою. Новѣйшія законодательства, не признающія самостоятельности обычнаго права вообще, чтобы устранить образованіе формальныхъ судебныхъ обычаевъ, предоставляютъ самимъ судамъ составлять правила, касающіяся подробностей дѣлопроизводства и руководствоваться ими.

Наши Судебные Уставы 1864 г., предоставляютъ каждому судебному мѣсту составлять для

себя особые наказы, опредѣляющіе „подробности дѣлопроизводства и правила для охраненія, согласно съ законами, внутренняго порядка“. Учр. судебн. установл. ст. 166—173).

О правѣ юристовъ или о наукѣ права, какъ особой формѣ права.

Права юристовъ.

Къ самостоятельнымъ формамъ права, обычаю и закону, нѣкоторые причисляютъ и право юристовъ или право науки (Juristenrecht, das Recht der Wissenschaft, auctoritas prudentium, jurisprudence des auteurs). Воззрѣніе это встрѣчалось нерѣдко и прежде, но было развито и утверждено на особенныхъ основаніяхъ историческою школою, которая видѣла въ сословіи юристовъ „представителей воззрѣній и общей воли народа, предназначенныхъ приводить къ сознанію и развивать лежащее въ народѣ право“, и этимъ путемъ пополнять пропуски законовъ и обычаевъ, принаравливать нормы права къ истиннымъ потребностямъ, указывать новыя начала требуемыя жизнію, и служить оплотомъ противъ произвольныхъ и противныхъ духу народа законовъ.

При этомъ историческая школа утверждала, что юридическія опредѣленія, выведенныя наукою изъ существующихъ законовъ, обычаевъ и природы

вещей, могутъ быть такъ-же обязательны, какъ законы и обычаи; но эта обязательность должна зависѣть отъ внутренней силы и научныхъ опредѣленій, а не отъ признанія ихъ учеными юристами или долговременнаго примѣненія въ практикѣ. Въ подтвержденіе своего взгляда историческая школа ссылалась на нѣкоторыя явленія изъ исторіи римскаго и германскаго права. Извѣстно, что въ Римѣ существовали такъ называемые jurisconsulti, jurisperiti, prudentes, которые имѣли большое вліяніе на развитіе и примѣненіе права, подавая юридическіе совѣты, мнѣнія, толкуя смыслъ законовъ, пополняя и принаравливая ихъ къ потребностямъ жизни. Ихъ совѣты (responsa) и толкованія считались особымъ источникомъ познанія права (auctoritas prudentium), обязательность котораго была сначала чисто внутренняя, зависѣвшая отъ значенія правовѣдовъ въ общемъ мнѣніи, отъ истинности ихъ взглядовъ, добросовѣстности судей. Императоръ Августъ измѣнилъ это свободное положеніе римскихъ юристовъ, уполномочивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ давать консультаціи отъ его имени, и тѣмъ самымъ поставилъ ихъ на высшее и притомъ исключительное положеніе. Послѣдующіе императоры (Адріанъ, Феодосій и Валентинъ) пошли еще далѣе: признали обязательными для судей единогласныя мнѣнія привилегированныхъ юристовъ, распространили эту обязательность даже на ихъ сочи-

ненія и опредѣлили способъ пользованія ими и соглашенія въ случаѣ встрѣтившихся противорѣчій. Преторы, бывшіе учеными и практическими юристами, также участвовали своими эдиктами въ развитіи права и, не будучи законодателями въ строгомъ смыслѣ, образовали обширное и игравшее столь важную роль преторское право. Извѣстно также, что въ Германіи въ 16 и 17 вв. римское право получило значеніе дѣйствующаго и общаго права, благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности ученыхъ юристовъ и судей.

Воззрѣніе исторической школы, предоставлявшее юристамъ мѣсто, близкое къ законодателямъ или, по крайней мѣрѣ, римскихъ prudentes, встрѣтило большое сочувствіе въ Германіи и долго было господствующимъ въ нѣмецкой юридической литературѣ; въ настоящее время большая часть извѣстныхъ германскихъ юристовъ оставила его. Въ положительное право воззрѣніе это вовсе не проникло; новѣйшіе кодексы (французскій, австрійскій, русскій, саксонскій) совершенно умалчиваютъ о значеніи науки права какъ самостоятельной формѣ права; прусское же земское уложеніе даже опредѣлительно запрещаетъ судьямъ обращаться, при разрѣшеніи дѣлъ, къ мнѣніямъ ученыхъ правовѣдовъ.

Самые факты, приведенные историческою школою въ подтвержденіе ея воззрѣній, истолкованы ею невѣрно. Мнѣнія и ученія римскихъ prudentes

получили обязательность уже въ періодъ позднѣйшаго развитія римскаго права, вслѣдствіе признанія ея законодательною властію. Въ Германіи римское право получило обязательность преимущественно посредствомъ судебной практики, и притомъ путемъ обычнаго права; но и это совершилось только потому, что въ 16 и 17 вв. (когда особенно усилилось римское право) въ Германіи почти не существовало имперской законодательной власти, а территоріальные владѣльцы еще не успѣли возвыситься на степень полныхъ сувереновъ-законодателей. Наука и практика, дѣйствуя путемъ обычая, явились, по необходимости, вспомогательными силами и ввели римское право.

Отрицаніе права юристовъ какъ самостоятельной формы права, господствующее въ современной наукѣ права и законодательствахъ, совершенно основательно. Наука права имѣетъ свою особую задачу и особую природу, отличающія ее существенно отъ системы дѣйствующаго права. Начала и опредѣленія науки права суть не нормы права (Rechtssätze), но ученія (Lehrsätze), достоинство которыхъ опредѣляется ихъ внутреннею силою и согласіемъ съ истиною. Наука права можетъ имѣть вліяніе только посредственное, дѣйствуя на взгляды народа, судей, законодателей, путемъ убѣжденія, научныхъ разъясненій, а не внѣшнею принудительною силою.

О кодификаціи.

Вопросъ о кодификаціи законовъ еще въ началѣ 19 в. принадлежалъ къ числу очень спорныхъ. Разногласіе происходило въ значительной степени оттого, что спорившія стороны весьма различно понимали основаніе и предѣлы кодификаціи.

Подъ кодификаціею можно разумѣть или составленіе кодексовъ на основаніяхъ совершенно новыхъ, разрушающихъ право прошедшее, пересоздающихъ юридическій бытъ народа; или же пересмотръ и приведеніе въ порядокъ существующаго права, съ уничтоженіемъ положеній устарѣвшихъ, противорѣчій, и съ измѣненіями и улучшеніями, сообразно новымъ потребностямъ и отношеніямъ. Понятіе о кодификаціи, какъ о радикальной реформѣ права, господствовавшее въ концѣ 18 в., обнаружилось въ проектѣ кодекса Кокцея, за тѣмъ отчасти въ повелѣніи Фридриха В. (14 апр. 1780 г.), предписывавшемъ составленіе новаго для Пруссіи уложенія, но болѣе всего во Франціи; представители философіи и редакторы тогдашнихъ законодательныхъ проектовъ одинаково желали оторваться отъ прошедшаго и создать, на началахъ разума, новые кодексы.

Редакторы Code Napoléon иначе взглянули на задачу кодификаціи: „напрасно представляютъ“, го-

ворятъ они (въ Discours préliminaire, составленной главнымъ образомъ С. Порталисомъ), „будто-бы человѣческій родъ постоянно и въ каждую минуту оканчиваетъ и начинаетъ, безъ связи одного поколѣнія съ другимъ. Созданіе законодательства совершенно новаго, оторваннаго отъ опыта прошедшаго, преданій (traditions), здраваго смысла, правилъ и началъ, составляющихъ духъ вѣковъ, есть дѣло превышающее силы человѣка; законы не суть простые акты могущества; законодательная дѣятельность есть не столько власть, сколько служеніе; она не должна упускать изъ виду, что законы существуютъ для людей, а не люди для законовъ, что законы должны быть принаровлены къ характеру, обычаямъ, положенію народа... Должно быть умѣреннымъ въ законодательныхъ нововведеніяхъ; исторія съ трудомъ представляетъ нѣсколько хорошихъ законовъ (конечно общихъ) въ теченіе многихъ вѣковъ“. Кодексъ, по мнѣнію редакторовъ Code Napoléon, долженъ быть только результатомъ развитія общества и права; начала, развитыя жизнію, онъ долженъ изслѣдовать, очистить, принаровить къ потребностямъ общества, привести въ надлежащую систему и порядокъ, и своимъ утвержденіемъ сообщить имъ надлежащую твердость и энергію.

Руководимые изложеннымъ взглядомъ, французскіе кодефикаторы исполнили свою задачу съ замѣчательнымъ успѣхомъ; составленные ими ко-

дексы, особенно гражданскаго права, отличаются примиреніемъ началъ старыхъ съ новыми, соотвѣтствіемъ дѣйствительнымъ народнымъ потребностямъ, простотою и точностію изложенія и послужили образцомъ для кодефикаціи въ другихъ европейскихъ государствахъ. Между тѣмъ, послѣ 1815 года, многіе германскіе публицисты начали распространять мысль о необходимости созданія для цѣлой Германіи общаго уложенія, или по крайней мѣрѣ для каждаго германскаго государства отдѣльнаго кодекса, которые замѣнили бы прежніе разнородные источники права. Крайность требованій, стремленіе обнаруженное нѣкоторыми германскими правительствами уступить имъ, вызвали опасенія и реакцію со стороны исторической школы, которая утверждала, что у нынѣшнихъ народовъ нѣтъ ни полнаго и живаго познанія коренныхъ началъ права, ни способности къ точному и опредѣленному выраженію, ни самаго времени для составленія кодексовъ. Кодексы, по ея воззрѣнію, могутъ отрывать дѣйствующее право отъ живой связи съ прежними временами, ограничивать правильное и свободное развитіе права, пропускать и обрекать погибели начала права существующія въ народѣ, но неизвѣстныя кодефикаторамъ, наконецъ, могутъ даже нарушать народное сознаніе о правѣ и лишить приложеніе его необходимой твердости и постоянства.

Дѣйствительность не подтвердила этихъ опасеній; побуждаемая истинными потребностями жизни,

большая часть европейскихъ государствъ приступила къ кодефикаціи (особенно уголовнаго права), сдѣлавшейся какъ-бы потребностію 19-го столѣтія. Въ большей части случаевъ, новые кодексы составили несомнѣнный успѣхъ сравнительно съ прежнимъ положеніемъ дѣлъ; даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ кодексы вышли неудачные, общества не обнаружили желанія возвратиться къ прежнему порядку и употребляютъ усилія для обработки новыхъ, лучшихъ кодексовъ.

Столь положительныя доказательства поколебали даже и горячихъ противниковъ кодефикаціи. Самъ Савиньи смягчилъ свой первоначальный взглядъ и въ 40-хъ годахъ высказалъ, что „вліяніе законодательства особенно спасительно и даже необходимо, когда совершается измѣненіе въ нравахъ, взглядахъ, потребностяхъ, или когда ходъ времени требуетъ новыхъ установленій; и что въ исторіи каждаго народа возникаютъ ступени и положенія, въ которыхъ правопроизводительность сосредоточивается почти исключительно въ рукахъ законодательной власти“. Съ того времени споръ утихъ; нынѣ всѣ понимаютъ кодефикацію во второмъ, указанномъ смыслѣ.

Достоинства и выгоды кодефикаціи состоятъ въ слѣдующемъ: она соединяетъ дѣйствующее право въ одно цѣлое, облегчаетъ обозрѣніе и пользованіе имъ, даетъ ему твердость и постоянство, представ-

ляетъ удобный случай къ улучшенію права, уничтоженію противорѣчій, неточностей, пробѣловъ, устанавливаетъ внутреннее согласіе права съ самимъ собою и съ государственнымъ и общественнымъ состояніемъ и, наконецъ, служитъ однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ объединенію государства, состоящаго изъ различныхъ племенъ и провинцій, облегчая сношенія, сглаживая матеріальныя и духовныя различія, внося въ отношенія чувство согласія и единства. Но, конечно, подобное объединеніе возможно и полезно только тогда, если племена и провинціи, составляющія государство, сходны по образованію, нравственнымъ, историческимъ и экономическимъ условіямъ жизни. Указанныя достоинства тѣмъ болѣе значительны, что они дѣйствуютъ въ теченіе продолжительнаго времени; народная жизнь и право измѣняются медленно, и потребность въ измѣненіяхъ и исправленіяхъ удовлетворительно составленнаго кодекса можетъ обнаружиться только постепенно.

Вслѣдствіе этого въ настоящее время правовѣдѣніе и практика равно признаютъ, что составленіе соотвѣтственныхъ кодексовъ, если обнаружилась въ нихъ потребность, составляетъ безспорный успѣхъ для страны и производитъ самое благодѣтельное вліяніе на науку и особенно на юридическую практику; только по отношенію къ кодефикаціи частнаго права нѣтъ такого единодушія; нѣкоторые

полагаютъ, что для частнаго права достаточно установить общіе руководящіе принципы, предоставивъ остальное практикѣ и наукѣ.

Есть впрочемъ и недостатки кодефикаціи: кодексы, самые консервативные, всегда вносятъ нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствующее право, и этимъ самымъ нарушаютъ установившіяся представленія, рождаютъ сомнѣнія и замѣшательства въ спокойномъ ходѣ юридической жизни, дѣлаютъ безполезными многія работы по прежнему праву и требуютъ времени и силъ для новой практической и научной обработки кодекса, затрудняютъ возможность дѣлать впослѣдствіи значительныя измѣненія, потому что послѣднія всегда требуютъ соотвѣтственнаго измѣненія цѣлой системы кодекса. Наконецъ, въ каждомъ кодексѣ неизбѣжны своего рода ошибки, недостатки матеріальные и формальные.

Въ виду этого, къ кодефикаціи должно приступать съ чрезвычайною обдуманностію и подготовкою разработаннаго матеріала по законодательному и обычному праву.

Кодефикація оправдывается только тогда, когда существующее право слишкомъ запутано, не соотвѣтствуетъ усложнившимся потребностямъ и отношеніямъ жизни, когда основанія и важнѣйшіе вопросы кодефикаціи уяснились и не составляютъ предмета сомнѣній и возбужденныхъ споровъ, когда способ-

ствуетъ въ государствѣ извѣстное спокойствіе, дающее возможность зрѣлаго и безпристрастнаго обсужденія.

Кодефикаторы должны имѣть полное и глубокое знакомство съ прошедшимъ и дѣйствующимъ правомъ страны, понимать потребности народа и средства удовлетворенія ихъ, быть свободными отъ субъективныхъ увлеченій, предубѣжденій и подчиненія какимъ-либо исключительнымъ научнымъ теоріямъ.

Кодефикація въ Россіи.

Сводъ дѣйствующихъ нашихъ законовъ, по своему объему, гораздо обширнѣе другихъ европейскихъ кодексовъ (французскаго, прусскаго и австрійскаго); онъ состоитъ изъ 15-ти томовъ, чрезвычайно объемистыхъ; кромѣ того у насъ есть особыя вѣдомства, имѣющія свои отдѣльные и весьма пространные своды, напр. своды военныхъ постановленій (изъ XII т.), сборники военно-морскихъ законовъ, своды нѣкоторыхъ мѣстныхъ узаконеній и мн. др.

Не смотря однакоже на такую обширность и сложность нашихъ сводовъ, весьма многое не вошло въ нихъ и существуетъ или въ отдѣльныхъ уста-

вахъ, положеніяхъ, или разбросано въ разныхъ правительственныхъ и частныхъ изданіяхъ [1]).

Составленіе нашего Свода Законовъ, послѣ неудачныхъ попытокъ 10-ти коммиссій, учреждавшихся съ 1700 года, получило новое и рѣшительное движеніе, когда поступило въ 1826 г. (по ук. 31 янв.) въ непосредственное завѣдываніе Сперанскаго.

Сперанскій вѣрно и ясно опредѣлилъ возложенную на него задачу и средства ея выполненія; безуспѣшныя попытки прежнихъ коммиссій, кото-

---

[1]) Такъ, нѣтъ законовъ относящихся къ церквамъ православной, католической, лютеранской и др., находящихся и терпимыхъ въ государствѣ; законовъ объ установленіяхъ принадлежащихъ разнымъ духовнымъ вѣдомствамъ (о духовныхъ училищахъ, академіяхъ); нѣтъ законовъ объ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и вообще о народномъ просвѣщеніи; законовъ о многихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, благотворительныхъ, экономическихъ и др. обществахъ упоминаемыхъ въ Сводѣ; нѣтъ законовъ о почтовомъ управленіи въ губерніяхъ и уѣздахъ, о нѣкоторыхъ кредитныхъ установленіяхъ; нѣтъ законовъ о собственной Канцеляріи Его Величества; вошли въ Сводъ далеко не всѣ законоположенія о Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, Императорскаго Двора и мн. друг. По словамъ Бабичева, (автора ст. о редакц. исправленіи Св. Зак. въ Чтен. Об. Истор. и Древн. Росс. при Моск. унив. 1865, кн. IV) „нѣтъ до 300 уставовъ разныхъ учрежденій“. Независимо отъ того, нѣтъ большей части мѣстныхъ узаконеній, напр. законовъ Бессарабскихъ, Закавказскаго края и др.

рыя предпочитали скорѣе творить, составлять проекты новыхъ законовъ, нежели собирать и изслѣдовать законы прежніе, и потому на первыхъ же шагахъ лишали себя основанія и обрекали неудачѣ, достаточно утвердили его въ мысли, что прежде составленія Свода необходимо собрать, свѣрить, привести въ достовѣрность разсѣянныя части законодательства (Обозр. историч. свѣд. о Св. Зак. стр. 59). Вмѣстѣ съ тѣмъ Сперанскій сознавалъ, что для составленія Свода недостаточно одно богатство положительнаго матеріала и практическое знаніе законодательства: „здѣсь нужно познаніе началъ, изъ коихъ каждый родъ законовъ происходитъ, связь ихъ между собою, предѣлы ихъ и взаимное отношеніе; здѣсь нужна теорія съ опытностію соединенная“ (Обозр. историч. свѣд. о Св. Зак. стр. 54).

Огромная и трудная работа, порученная Сперанскому и его помощникамъ, была окончена въ теченіи 7-ми лѣтъ; манифестомъ 31 янв. 1833 г. было объявлено, что оконченный Сводъ Законовъ долженъ получить законную силу и дѣйствіе съ 1 янв. 1835 года.

Въ основаніе редакціонныхъ работъ было положено повелѣніе, чтобы составленъ былъ „сводъ законовъ существующихъ, съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, безъ всякихъ измѣненій въ существѣ ихъ“. Сообразно съ этимъ, были приняты въ руководство для занятій слѣдующія правила: 1) счи-

тать недѣйствующими только тѣ законы, которые отмѣнены силою другихъ позднѣйшихъ постановленій; 2) извлекая изъ указовъ и постановленій статьи закона, „излагать ихъ тѣми самыми словами, какія стоятъ въ текстѣ, безъ малѣйшаго ихъ измѣненія“, „въ законѣ не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность, драгоцѣнны“; 3) изъ двухъ несходныхъ между собою законовъ надлежитъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая, лучше-ли онъ, или хуже прежняго; 4) статьи, составленныя изъ соображенія многихъ указовъ, излагать по тому смыслу, какой онѣ представляютъ въ совокупности; 5) если-бы встрѣтилось въ одномъ постановленіи несходство одной статьи съ другою, то каждое постановленіе оставлять безъ перемѣны и исправленія, такъ какъ исправленіе принадлежитъ лишь власти законодательной; 6) подъ каждою статьею означать съ точностію тѣ указы и постановленія, изъ которыхъ она составлена; 7) по составленіи сводовъ каждую часть ихъ подвергать ревизіи тѣхъ учрежденій, къ которымъ она ближе принадлежитъ.

Основанія, принятыя для составленія Свода, въ значительной степени обусловили достоинства и недостатки его. Первыя заключались въ томъ, что сводъ не былъ „произведеніемъ умозрѣнія“, заключалъ въ себѣ начала выработанныя и даже повѣренныя жизнію, не закрывалъ и не уничтожалъ

источниковъ прошедшаго времени. Вторыя заключались въ томъ, что наши узаконенія, образовавшіяся въ различныя времена и на различныхъ основаніяхъ, сведенныя въ одно безъ внутренней переработки, страдали слабостію системы, отсутствіемъ взаимной связи, разнородностію началъ, излишнею обширностію однихъ частей законодательства и бѣдностію другихъ. Вслѣдствіе тѣхъ же основаній, редакторы не могли избѣжать противорѣчій и пропусковъ.

Оказались въ Сводѣ и такіе недостатки, которые въ большей или меньшей степени зависѣли отъ самихъ редакторовъ. Прежде всего система, принятая для Свода, не соотвѣтствовала внутреннему порядку нашего законодательства; построенная теоретически (начало союза, опредѣленія и охраненія) на основаніяхъ внѣшней логической связи, она соединила разнородныя законоположенія въ одинъ отдѣлъ и раздѣлила однородныя части по разнымъ сводамъ (напримѣръ благоустройство, законы межевые, о состояніяхъ).

Во-вторыхъ, въ Сводѣ оказалось множество повтореній, многословія, различная редакціи статей одного и того же содержанія, разбросанность статей относящихся къ одному предмету, множество статей лишенныхъ законодательнаго характера, состоявшихъ въ совѣтахъ, желаніяхъ, отвлеченныхъ научныхъ опредѣленіяхъ.

Самъ Сперанскій видѣлъ погрѣшности приготовленнаго имъ Свода; онъ говоритъ: „при подробномъ разсмотрѣніи статей Свода, легко можно замѣтить множество случаевъ законами нашими необъятыхъ и неопредѣленныхъ, и замѣчанія сіи еще усиливаются сравненіемъ статей Свода со статьями, имъ соотвѣтствующими въ иностранныхъ уложеніяхъ“ [1]).

Исправленіе недостатковъ Свода Сперанскій считалъ задачею послѣдующихъ работъ по уложенію. Сводъ былъ для него только необходимымъ основаніемъ для систематическихъ исправленій и улучшеній; „и уложеніе будетъ тѣмъ лучше“, говорилъ онъ“, чѣмъ своды, на которыхъ оно основано, будутъ совершеннѣе“. Между тѣмъ позднѣйшія изданія сводовъ (1842 и 1857 гг.) были только простыми

---

[1]) Такъ напр., „у насъ, какъ и вездѣ, есть глава о духовныхъ завѣщаніяхъ; но у насъ она заключается въ 90 статьяхъ, а во французскомъ кодексѣ она составляетъ 161, въ австрійскомъ 175, въ прусскомъ 616, и всѣ сіи статьи не суть мелкія какія-либо подробности, но правила важныя, необходимыя. Другой примѣръ: глава объ опекѣ и попечительствѣ у насъ составляетъ 35 ст., а во французскомъ кодексѣ 126, въ австрійскомъ 97, въ прусскомъ 1007. Подобные сему примѣры можно указать, если не въ каждой главѣ, то почти въ каждомъ раздѣлѣ. Слѣдовательно, сколько объемъ нашего Свода обширенъ и полонъ, столько составныя его части недостаточны и скудны“. (Архивъ Калачова 1859 г. Кн. 2; Объяснит. Зап. стр. 6).

продолженіями ихъ, съ уничтоженіемъ законовъ отмѣненныхъ и со внесеніемъ вновь установленныхъ, и потому указанные недостатки перваго Свода не только не ослабѣли, но чрезвычайно возрасли.

1) Крайне увеличился объемъ Свода: вмѣсто прежнихъ 36,000 статей. въ изданіи Свода 1842 г. число статей возрасло до 69,996, а въ изданіи 1857 г. болѣе 80,000. При такомъ обиліи статей, многіе отдѣлы по прежнему остались однакоже слабыми.

2) Усилились повторенія, излишества; статьи одного и того же содержанія повторяются по 2, по 3 а иногда и больше разъ въ различныхъ сводахъ и книгахъ, и при этомъ излагаются различными словами, въ разныхъ объемахъ и видахъ [1]).

3) Увеличилось число статей, не опредѣлявшихъ никакихъ обязанностей, заключавшихъ отвлеченныя опредѣленія, совѣты, наставленія, которыя гораздо скорѣе могли найти для себя мѣсто въ руководствахъ или ученыхъ книгахъ. Нѣкоторые

---

[1]) Особенно много повтореній въ статьяхъ, опредѣляющихъ устройство и составъ присутствій и канцелярій, права, обязанности и отношенія служащихъ, порядокъ вступленія, движенія и разрѣшенія бумагъ и дѣлъ; ревизію мѣстъ и вѣдомствъ, отчетность и отвѣтственность служащихъ. Сходныя по своему существу, онѣ легко могли быть сведены въ одномъ мѣстѣ, и затѣмъ уже не повторяться при каждомъ случаѣ.

отдѣлы постановленій о промышленности фабричной и заводской, устава лѣснаго, горнаго ближе подходятъ къ техническимъ и сельско-хозяйственнымъ руководствамъ, нежели къ законодательнымъ нормамъ [1]).

4) Усилилось смѣшеніе законовъ и распоряженій и развитіе послѣднихъ.

Еще при составленіи перваго изданія Свода Законовъ Сперанскій желалъ установить границу между тѣми и другими, но не успѣлъ исполнить это. (Об. ист. св. о Св. Зак. стр. 176). Между тѣмъ послѣ 1-го изданія Свода, дѣятельность государственной власти перешла въ значительной степени

---

[1]) Въ нихъ излагаются, въ видѣ законовъ, правила объ опредѣленіи качествъ фабричнаго издѣлія, о свойствахъ и сушкѣ кирпича, о свойствахъ глины, о способахъ и времени ея обжиганія (Уст. о пр. фабр. и завод. напр. ст. 196—203; или въ томъ-же Уставѣ прилож. къ ст. 51, съ обязательными правилами, со ссылкою на указы); въ нихъ излагаются правила о раздѣленіи и опредѣленіи деревьевъ (Уст. лѣс. 548—552), о способахъ умноженія лѣса и свойствѣ лѣсныхъ сѣмянъ (553—575), а въ приложеніи (къ ст. 574) цѣлый трактатъ о родахъ и качествахъ деревьевъ (дуба, орѣха и т. д.). Уставъ горный заключаетъ въ себѣ болѣе половины чисто техническихъ опредѣленій; въ немъ говорится о способахъ разработки рудниковъ, испытанія металловъ, о свойствахъ желѣза ствольнаго, полосоваго, даже объ изломахъ и расковкѣ мѣди, о томъ какъ гнуть желѣзо, въ какую погоду начинать работу, какъ обрѣзывать листы желѣза (1053—1353 и мн. др.).

въ область администраціи, вышло множество положеній, уставовъ, отдѣльныхъ законовъ, носившихъ характеръ преимущественно распорядительный, отличавшихся стремленіемъ предугадать и опредѣлить всѣ частныя явленія и отношенія и которые цѣликомъ вошли въ послѣдующія изданія Свода.

Важный, наконецъ, недостатокъ новыхъ изданій Свода заключался въ томъ, что въ нихъ вносили уставы, положенія недостаточно соединенные и примиренные со всею системою Свода: обращали вниманіе на связь ихъ только съ ближайшими къ нимъ законами, и нерѣдко упускали изъ виду всю совокупность узаконеній. Оттого первоначальная система Свода нарушилась, образовались противорѣчія, несходства въ статьяхъ по одному и тому же предмету, и возникли затрудненія въ примѣненіи законовъ.

Само правительство замѣтило этотъ недостатокъ, и указами 1862 г. (янв. 25 и мая 11) было опредѣлено, чтобы всякій законодательный вопросъ или проэктъ новаго закона, предварительно представленія его на утвержденіе, былъ передаваемъ изъ подлежащаго министерства II-му отдѣленію собственной Его Величества Канцеляріи, (нынѣ упраздненному), которое представленный вопросъ или проэктъ должно сообразить какъ въ отношеніи соотвѣтствія его съ общимъ духомъ нашего законодательства, такъ и по формѣ, т. е. въ отношеніи къ редакціи.

Но мѣра эта оказалась вполнѣ неудовлетворительною и въ 1866 г. была отмѣнена (1866 г. Собр. узак. и распор. № 69).

Между тѣмъ, начиная съ 1857 г., въ нашемъ законодательствѣ совершены важнѣйшія и обширныя преобразованія, которыя поколебали начала, связь и распредѣленіе частей Свода; образовались важныя противорѣчія, пропуски. Вслѣдствіе этого является совершенная необходимость въ общемъ пересмотрѣ всей системы нашихъ законоположеній, который долженъ опредѣлить, что существуетъ и что отмѣнено, долженъ свѣрить и привести въ связь всѣ части законодательства, уничтожить противорѣчія, пополнить пропуски и опущенія.

Въ удовлетвореніе этой потребности въ настоящее Царствованіе Императора Александра III повелѣно изготовить проэкты гражданскаго и уголовнаго уложенія.

О лицахъ или субъектахъ права.

Право выражаетъ всегда отношеніе между лицами или субъектами права; права и обязанности могутъ возникать только между ними.

Лицомъ въ смыслѣ юридическомъ называется правоспособный субъектъ. Правоспособность состо-

итъ въ обладаніи извѣстнымъ кругомъ правъ и обязанностей. Отъ правоспособности необходимо отличать способность къ юридическимъ дѣйствіямъ, которая состоитъ въ правѣ лица устанавливать свои правоотношенія собственною волею и дѣятельностію. Послѣднее понятіе ограниченнѣе перваго, потому что не всѣ правоспособные субъекты имѣютъ способность дѣйствовать собственнымъ лицомъ (напр. малолѣтніе, слабоумные, сумасшедшіе и т. п.).

Естественный и основной юридическій субъектъ есть человѣкъ, лицо физическое.

а) *Лицо физическое:* Каждый человѣкъ способенъ имѣть разумъ и волю, и потому каждый человѣкъ имѣетъ возможность быть правоспособнымъ, быть субъектомъ права и обязанностей; отсюда и возникаетъ понятіе о юридическомъ равенствѣ, состоящемъ въ равенствѣ предъ закономъ, которое должно отличать отъ равенства матеріальнаго, состоящаго въ равенствѣ силъ, средствъ и положенія.

Необходимое условіе правоспособности физическаго лица есть его существованіе, которое начинается съ момента рожденія. При этомъ право охраняетъ не только существо родившееся, но и самый зародышъ, еще не имѣющій самостоятельной жизни; оно охраняетъ его безопасность, развитіе и возможныя будущія имущественныя права разнаго рода предупредительными полицейскими, уголовными нормами, и особыми опредѣленіями наслѣдственнаго

права. Прекращеніе правоспособности наступаетъ съ смертію человѣка или съ момента лишенія правъ по суду; въ случаѣ сомнѣнія, дѣйствительно-ли послѣдовала смерть лица, и невозможности доказать ее положительнымъ образомъ, возникаетъ вопросъ о безвѣстно-отсутствующихъ, разрѣшаемый различно особыми опредѣленіями положительныхъ законодательствъ.

Правоспособность, усвояемая за каждымъ человѣкомъ, имѣетъ однакоже различный объемъ. Равные въ основныхъ чертахъ своей природы, люди представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайное различіе своихъ тѣлесныхъ, духовныхъ силъ и общественнаго положенія. Право, какъ живой и дѣйствительный порядокъ человѣческой жизни, не можетъ упустить изъ виду это разнообразіе природы и общественныхъ условій, а потому для различнаго рода лицъ и ихъ положеній опредѣляетъ различные роды и ступени правоспособности, которые бываютъ шире и ограниченнѣе. Есть правоспособность лицъ какъ членовъ общины, сословія, церкви, государства, есть правоспособность въ отношеніи къ вмѣняемости и подсудности, правоспособность по имуществу, по занятію разными отраслями производства и т. п.

Причины, опредѣляющія ступени правоспособности, бываютъ естественныя, возникающія изъ природы вещей и культурныя—соединенныя съ общественными и историческими условіями. Первыя принадлежатъ къ болѣе постояннымъ условіямъ природы

вещей, почти не измѣняющимся, а потому и основанныя на нихъ ступени правоспособности представляютъ явленіе общее и весьма сходное во всѣхъ законодательствахъ; онѣ преобладаютъ въ частномъ правѣ, къ нимъ можно отнести различіе возраста, пола, родства, свойства, тѣлесныхъ и душевныхъ состояній (слѣпота, глухота, безуміе, сумасшествіе и т. п.).

Вторыя, въ извѣстной степени, создаются обществомъ и исторіею, измѣняются легче и быстрѣе, а потому и возникающія подъ ихъ вліяніемъ ступени правоспособности подвержены частымъ и важнымъ измѣненіямъ. Онѣ чрезвычайно разнообразны, по различію обществъ, преобладаютъ въ сферѣ права публичнаго, къ нимъ можно отнести: различіе образованія, имущества, религіи, званій, сословныхъ отношеній и т. п.

Иногда права присваиваются не только человѣку, живому физическому лицу, но и объектамъ; такъ напр. нѣкоторымъ имуществамъ усвояются извѣстныя привилегіи, повинности; такого рода усвоеніе есть собственно фикція законодательства; въ существѣ дѣла права принадлежатъ здѣсь также лицамъ, но они такъ тѣсно связаны съ предметомъ, что не могутъ быть отдѣлены отъ него, и принадлежатъ тому, кому принадлежитъ самый предметъ.

b) *Лицо юридическое:* Въ области права наряду съ человѣкомъ встрѣчаются и другіе субъек-

ты, которые не суть люди; эти субъекты, въ противоположность лицу физическому, называются лицами юридическими, вымышленными, идеальными.

Юридическому лицу недостаетъ личнаго бытія; оно создается искуственно, хотя и необходимо, самимъ правомъ. Основаніе и причина лица юридическаго заключаются въ условіяхъ общежитія. Одиночная дѣятельность человѣка недостаточна для полнаго развитія его силъ и высшихъ успѣховъ цивилизаціи. Существуютъ цѣли связанныя съ интересами многихъ лицъ и даже многихъ поколѣній и требующія общихъ дѣйствій и имуществъ, требующія образованія союзовъ и учрежденій съ обширными средствами и продолжительнымъ бытіемъ. Такого рода союзы и учрежденія нуждаются въ признаніи за ними способности дѣйствовать какъ одно цѣлое, въ облеченіи ихъ извѣстными правами, что̀ достигается установленіемъ юридическихъ лицъ, подъ которыми разумѣютъ искуственно созданный субъектъ, обладающій извѣстнаго рода правами. Юридическія лица хотя и отличны отъ бытія отдѣльныхъ лицъ, служатъ однакоже къ ихъ пользѣ; они пополняютъ слабость и непродолжительность человѣческой жизни.

Юридическія лица бываютъ весьма разнообразны, какъ разнообразны цѣли, для которыхъ они учреждаются. Разнообразіе это можетъ быть при-

ведено къ двумъ главнымъ видамъ. Къ первому можно отнести юридическія лица, основанныя на началахъ публичныхъ и преслѣдующихъ цѣли преимущественно публичныя: такія юридическія лица состоятъ или изъ соединенія многихъ лицъ въ одно идеальное цѣлое, и называются союзами, корпораціями, каковы само государство, сословныя, религіозныя общества и т. п., или же изъ имущества, заведенія, предназначеннаго для какой-либо общеполезной цѣли и облеченнаго значеніемъ юридическаго лица; такія имущества и заведенія называются учрежденіями, установленіями; къ нимъ относятся благотворительныя общества, университеты, и т. п. Нѣкоторыя юридическія лица, основанныя на началахъ публичныхъ, смотря по своему характеру и по точкѣ зрѣнія, съ которой на нихъ смотрятъ, называются также лицами политическими, напр. само государство.

Юридическія лица публичнаго порядка остаются одни и тѣ же, несмотря на перемѣну всѣхъ своихъ членовъ. Отдѣльныя лица ихъ составляющія, не суть полные представители ихъ правъ и обязанностей; воля ихъ не есть полная воля союза или учрежденія; даже единогласный приговоръ членовъ не можетъ прекратить бытія такихъ юридическихъ лицъ. Отдѣльныя лица, составляющія союзъ, представляющія учрежденіе, суть лица временныя, преходящія, въ извѣстныхъ случаяхъ даже какъ-бы постороннія. Истиннымъ

субъектомъ такого рода юридическихъ лицъ есть или идеальное единство, соединяющее многихъ для опредѣленной цѣли, или то назначеніе, которое соединяется съ извѣстнымъ учрежденіемъ и даетъ ему извѣстное направленіе. То и другое служитъ центромъ, одушевляющею силою юридическихъ лицъ, и имъ принадлежатъ всѣ права; въ случаѣ прекращенія бытія такихъ юридическихъ лицъ, имущество ихъ разсматривается какъ безхозяйное и поступаетъ въ собственность государства.

Второй видъ юридическихъ лицъ составляютъ различные союзы физическихъ лицъ и установленія, имѣющія какую-либо частную цѣль, или хотя и общественную, но основанныя на началахъ частнаго права. Къ нимъ можно отнести разныя промышленныя общества, компаніи на акціяхъ, частные банки, общества взаимнаго вспоможенія, застрахованія, частныя общества научныя, искуствъ и т. п. Отдѣльныя лица, составляющія эти общества суть полные представители интересовъ и правъ составляемаго ими юридическаго лица; ихъ общая воля есть воля юридическаго лица, общій приговоръ ихъ можетъ прекратить бытіе его. Каждое изъ отдѣльныхъ лицъ такого союза есть въ извѣстной степени собственникъ, вѣритель и должникъ по имуществу своего общества; въ случаѣ прекращенія его бытія, имущество его раздѣляется между его членами. Существованіе такихъ юридическихъ лицъ

иногда бываетъ такъ тѣсно связано съ личностями его членовъ, что перемѣна или выбытіе даже нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ имѣть рѣшительное вліяніе на самое бытіе юридическаго лица. Предположеніе, будто бы юридическимъ лицомъ можно считать вообще всякое соединеніе многихъ лицъ, для достиженія общей цѣли общими средствами, не вполнѣ вѣрно: простое бытіе такихъ союзовъ еще не даетъ имъ значенія юридическихъ лицъ; для этого необходимо признаніе за ними правоспособности: въ случаѣ потребности такого союза въ юридической защитѣ, дѣятельность и права его будутъ разсматриваться и обсуждаться какъ дѣятельность и права отдѣльныхъ лицъ. Самое дозволеніе на существованіе какого-либо общества еще не даетъ ему значенія юридическаго лица; дозволеніе такое можетъ имѣть только полицейское значеніе, указывать, что цѣль и средства общества дозволены, но не опредѣляетъ его правоспособности какъ юридическаго лица.

Признаніе юридическихъ лицъ принадлежитъ государству, которому принадлежитъ также право надзора за дѣятельностію юридическихъ лицъ, а равно и право прекращенія ихъ бытія, если цѣль ихъ окажется несвоевременною или вредною для общества. Признаніе самого государства принадлежитъ междугосударственному союзу.

Въ кругъ правоспособности юридическихъ лицъ

не могутъ войти права, основанныя на личномъ бытіи физическихъ лицъ, какъ напр. права семейственныя, право наслѣдованія по закону, основанное на родствѣ; равнымъ образомъ юридическія лица, какъ обладающія только искуственною волею, не могутъ совершать преступленій, а потому и подвергаться наказаніямъ; преступленія юридическихъ лицъ суть дѣйствія отдѣльныхъ членовъ ихъ.

Правоспособность юридическихъ лицъ частнаго порядка почти исключительно заключается въ правахъ имущественныхъ, которыя, по своему объему, могутъ быть шире или уже имущественныхъ правъ лицъ физическихъ. Но для юридическихъ лицъ публичнаго порядка имущество служитъ только средствомъ, главное же составляютъ цѣли общественныя, научныя, религіозныя, политическія. Для юридическихъ лицъ послѣдняго рода одна имущественная правоспособность недостаточна; имъ необходимо признаніе бытія и господства вообще въ той сферѣ, къ которой они направляютъ свои силы и дѣйствія; права такихъ лицъ заключаются главнымъ образомъ въ правахъ на извѣстную власть, дѣятельность, въ сообщеніи ихъ дѣйствіямъ и актамъ извѣстной юридической силы и послѣдствій (напр. опредѣленіямъ, приговорамъ, выборамъ обществъ, документамъ выданнымъ разными учрежденіями и т. п.).

Юридическія лица, какъ идеальные субъекты, не способны къ непосредственной, личной дѣятель-

ности; этотъ недостатокъ восполняется установленіемъ особыхъ органовъ, представителей, дѣйствія которыхъ признаются дѣйствіями лицъ юридическихъ.

Бытіе юридическихъ лицъ прекращается съ уничтоженіемъ ихъ основанія, достиженіемъ ихъ цѣли, съ истеченіемъ срока, если признаніе дано было на время, съ выбытіемъ всѣхъ членовъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ по опредѣленію всѣхъ членовъ ихъ составляющихъ и, наконецъ, по опредѣленію государственной власти.

Ученіе о предметахъ или объектахъ права.

Предметъ или объектъ права составляетъ все то, что служитъ къ удовлетворенію потребностей жизни и можетъ быть подчинено господству и власти человѣка. Въ этомъ смыслѣ предметъ права составляютъ вещи (res) и дѣйствія однихъ лицъ въ пользу другихъ.

Вещь въ юридическомъ смыслѣ есть всякій предметъ природы, допускающій непосредственное господство надъ собою лица; вещи не могутъ имѣть ни правъ, ни обязанностей, способны только служить и принадлежать человѣку, и въ этомъ отношеніи противуполагаются лицу (persona), надѣленному самосознаніемъ, способностію избирать для себя цѣли,

соотвѣтственныя средства и господствовать надъ предметами безличной несвободной природы.)

Вещи, какъ предметы права, всегда заключаютъ въ себѣ извѣстную годность (полезность) и цѣнность, опредѣляемую соотвѣтственно полезности ихъ или по мѣстнымъ условіямъ.

Предметы несвободнаго міра, недоступные исключительному овладѣнію человѣкомъ (атмосфера, свѣтила небесныя и подоб.) и служащія для всѣхъ, не могутъ быть предметомъ права. Есть также вещи, хотя и годныя для службы и подчиненныя человѣку, которыя исключаются однако изъ сферы частнаго овладѣнія и оборота; таковы предметы общественнаго порядка, предназначенные самой природою для общаго пользованія, таковы дороги, судоходныя рѣки, площади и подоб.

По основному началу права, т. е. со стороны господства человѣка, всѣ вещи годныя къ подчиненію и службѣ человѣку, равны для права. Но по своему внѣшнему виду и годности вещи чрезвычайно разнообразны и отличаются одна отъ другой; къ различіямъ естественнымъ присоединяются различія производимыя рукою человѣка и общественными условіями; всѣ эти различія оказываютъ бо́льшее или меньшее вліяніе на формы и способы господства человѣка надъ вещами. Право, принимая во вниманіе эти отличія, раздѣляетъ вещи по категоріямъ и устанавливаетъ для каждой соотвѣт-

ственный кругъ юридическаго дѣйствія; отсюда и происходитъ различіе между правами на вещи движимыя и недвижимыя, цѣльныя и дѣлимыя, простыя и сложныя, главныя и побочныя.

а) Раздѣленіе вещей на движимыя и недвижимыя (res mobiles et immobiles) основано на положеніи ихъ въ природѣ: къ первымъ принадлежатъ земля и всѣ тѣ предметы, которые не могутъ быть отдѣлены отъ земли и перенесены, безъ поврежденія ихъ существа и назначенія; къ движимымъ принадлежатъ всѣ прочія вещи, не имѣющія указанныхъ условій. Юридическое дѣленіе вещей на движимыя и недвижимыя хотя вытекаетъ изъ самой природы, можетъ однако иногда не совпадать съ физическою подвижностію вещей; законодатель въ особыхъ случаяхъ и цѣляхъ можетъ подчинить и движимыя вещи юридическимъ условіямъ недвижимости. Различіе вещей движимыхъ и недвижимыхъ оказываетъ существенное вліяніе на способы укрѣпленія, оборота правъ, защиты противъ нарушенія, на порядокъ наслѣдованія.

Вещи цѣльныя и дѣлимыя (res individuae et dividuae).

Каждая вещь, какъ предметъ физическій, можетъ быть дѣлима до безконечности; но съ точки зрѣнія годности и назначенія должно отличать вещи дѣлимыя, которыя при раздробленіи не теряютъ ни своего существа, ни своей годности и цѣнности, и

вещи недѣлимыя, цѣльныя, которыя не могутъ быть раздѣлены безъ поврежденія ихъ существа и назначенія; такая недѣлимость вещей образуется или природою (животныя, картины) или дѣятельностію человѣка и по требованію закона (фабрики, заводы, недѣлимые поземельные участки и подоб.). Юридическое значеніе недѣлимости заключается въ томъ, что недѣлимая вещь подлежитъ одному господству, пріобрѣтается и отчуждается какъ одно цѣлое; въ случаѣ открытія по такому предмету наслѣдства между нѣсколькими лицами допускается дѣленіе не реальное, а мыслимое; вещь признается за однимъ, а прочіе сонаслѣдники получаютъ доли по оцѣнкѣ.

Вещи недѣлимыя, цѣльныя раздѣляются на простыя и сложныя (res singulares et universitates rerum). Вещи цѣльныя простыя создаются самою природою или рукою человѣка, представляютъ одну цѣльность, части которой неразрывно связаны другъ съ другомъ (corpus, quod uno spiritu continetur, напр. лошадь, статуя). Вещи цѣльныя сложныя происходятъ отъ механическаго соединенія нѣсколькихъ отдѣльныхъ вещей въ одно, причемъ отдѣльныя части теряютъ свое значеніе и образуется одна цѣлая новая вещь (напр. мебель, судно). Особый видъ сложныхъ вещей составляютъ такъ называемые коллективные предметы (universitates rerum distantium), образуемые изъ отдѣльныхъ вещей, соединенныхъ между собою однимъ общимъ назначеніемъ (напр.

библіотека, музей и т. п.); такія вещи представляютъ цѣлостность не въ реальномъ, а въ идеальномъ смыслѣ. Сложныя вещи, какъ реальныя такъ и идеальныя, служатъ основаніемъ для многихъ особенностей въ правоотношеніяхъ, которыя зависятъ главнымъ образомъ отъ того, могутъ ли быть раздѣлены эти вещи безъ поврежденія ихъ сущности и уменьшенія ихъ цѣнности. Вещи цѣльныя, какъ простыя такъ и сложныя, допускаютъ дѣленіе только идеальное, по воображаемымъ долямъ.

Вещи главныя и побочныя (res principales et res accessoriae). Главная вещь есть та, которая имѣетъ свое назначеніе сама по себѣ и составляетъ непосредственный предметъ юридическаго отношенія; побочная служитъ другимъ вещамъ какъ дополненіе и зависитъ отъ нихъ. Юридическое значеніе этого дѣленія заключается въ томъ, что побочная вещь слѣдуетъ за судьбою главной, такъ что если главное имущество недвижимое, то и принадлежность его считается недвижимостію, хотя бы, по своей природѣ, она была движимою (зеркала вдѣланныя въ стѣны, фабричныя машины). Къ побочнымъ вещамъ должно отнести и принадлежности вещи, безъ которыхъ главная вещь не можетъ выполнять своего назначенія, хотя бы онѣ не составляли частей, связанныхъ неразрывно съ главною вещію (напр. весла къ лодкѣ, колеса къ экипажу). Принадлежности разсматриваются правомъ какъ части главной вещи.

Польза приносимая вещью называется въ правѣ плодомъ (fructus). Юридическое понятіе о плодѣ не вполнѣ совпадаетъ съ плодомъ естественнымъ; первое причисляетъ къ плодамъ не только то, что происходитъ вслѣдствіе естественныхъ силъ природы (приплодъ, травы), но и создаваемое при участіи труда человѣка (хлѣбъ, овощи), или приносимое вещью посредствомъ какого-либо особаго правоотношенія (наемная плата за предметъ, проценты съ капитала). Естественные плоды, доколѣ не отдѣлились отъ производящей ихъ вещи, составляютъ часть ея.

Затраты и средства, употребляемыя на поддержаніе и сохраненіе вещи или для ея дѣйствія и приспособленія (перевозка, оснастка, отопка), называются расходомъ (impensae). Право признаетъ расходы только необходимые и полезные, но не тѣ, которые сдѣланы изъ прихоти, для удовольствія или роскоши (voluptariae).

Господство человѣка надъ вещію, само по себѣ, есть власть фактическая, дѣйствительная до тѣхъ поръ, пока человѣкъ удерживаетъ вещь въ своемъ обладаніи. Право обращаетъ господство фактическое въ юридическое, обезпечивая его отъ случайностей простаго завладѣнія и признавая вещь принадлежащею лицу и въ томъ случаѣ, если она не состоитъ въ его физической власти. Такимъ образомъ господство людей надъ вещами является правомѣр-

нымъ и обезпеченнымъ лишь вслѣдствіе признанія и защиты его правомъ. Такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ заключаетъ въ себѣ различныя стороны и силы, то право можетъ предоставлять человѣку господство надъ всѣми сторонами и силами предмета, или только надъ отдѣльными проявленіями его. Наиболѣе полная власть человѣка надъ предметомъ, во всей его цѣлостности, господство надъ всѣми существенными проявленіями его, составляетъ право собственности, существенное свойство которой заключается въ полной юридической принадлежности предмета лицу; въ силу этой принадлежности собственникъ владѣетъ, распоряжается и пользуется предметомъ и вообще осуществляетъ всѣ права собственности или непосредственно, или предоставляетъ отдѣльныя ея части другимъ.

Право собственности надъ предметами имѣетъ свое основаніе въ личности человѣка, который пріобрѣтаетъ и вырабатываетъ предметы внѣшняго міра въ различныхъ видахъ и размѣрахъ, смотря по развитію и силѣ своей индивидуальности.

Но человѣкъ не есть существо одинокое и неограниченное во внѣшнемъ мірѣ; онъ подчиненъ условіямъ общества, въ которомъ находитъ не только охрану, но и средства для своего развитія; поэтому въ собственности заключаются двѣ стороны, личная и общественная. Вслѣдствіе этого, хотя право собственности основано на личности, но власть соб-

ственника надъ принадлежащими ему вещами не есть неограниченная; каждое общество вправѣ устанавливать извѣстныя границы для собственности, на сколько таковыя не подавляютъ и не разрушаютъ прирожденной самостоятельности и разумности лица.

Отъ права собственности должно отличать право на чужія вещи, которое имѣетъ своимъ предметомъ вещь не во всей ея полнотѣ, а только извѣстную сторону ея, или какой-либо видъ пользованія ею. Въ этомъ случаѣ вещь остается собственностію одного лица, за другимъ же лицомъ признается только частное, ограниченное господство надъ тою или другою стороною вещи. Такія права извѣстны подъ названіемъ правъ на чужія вещи (die Rechte an fremden Sachen, jura in re aliena); они не только не исключаютъ собственности, но подтверждаютъ ея бытіе. Права на чужія вещи вносятъ въ экономическій бытъ раздѣленіе пользованія предметомъ, и тѣмъ самымъ умножаютъ полезныя силы вещей, подобно тому какъ раздѣленіе труда умножаетъ производительныя силы человѣка.

Второй видъ объектовъ права составляютъ дѣйствія и услуги однихъ лицъ въ пользу или по распоряженію другихъ. Образованіе этихъ объектовъ вызывается тѣмъ, что человѣку, для исполненія цѣлей своей жизни, недостаточно однѣхъ вещей несвободной природы; ему необходимы услуги и дѣй-

ствія другихъ лицъ, причемъ взамѣнъ полученныхъ услугъ онъ предоставляетъ другимъ свои силы. Такимъ образомъ возмездность или по крайней мѣрѣ взаимность почти всегда характеризируетъ этого рода условія и сдѣлки, хотя бы онѣ были и односторонніе.

Дѣйствія и услуги однихъ лицъ въ пользу другихъ устанавливаются или по договорамъ, или на основаніи закона и могутъ заключаться въ исполненіи извѣстныхъ личныхъ услугъ, или въ выполненіи обязательствъ вещами, или въ предоставленіи другимъ своихъ правъ на вещи, или въ исполненіи извѣстныхъ нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ обязанностей, опредѣляемыхъ нравственною и общественною природою отношенія (напр. бракъ, обязанности подданныхъ, гражданъ).

Господство человѣка надъ дѣйствіями и услугами другаго лица не есть однако господство надъ самимъ лицомъ; обязавшееся лицо остается свободнымъ, можетъ даже не исполнить условленныхъ дѣйствій и услугъ, если вознаградитъ контрагента за причиненные ему, вслѣдствіе отказа, вредъ и убытки; господство надъ дѣйствіями и услугами другихъ всегда относится къ опредѣленнымъ, обязавшимся лицамъ и бываетъ временнымъ, преходящимъ; исполненное дѣйствіе прекращаетъ обязательство.

Существованіе и развитіе дѣйствій и услугъ, какъ объектовъ права, возникающихъ изъ обяза-

тельствъ, составляетъ необходимое условіе успѣховъ общежитія; они восполняютъ недостатокъ личной жизни и единичныхъ силъ человѣка. Чѣмъ выше общественная жизнь, чѣмъ разнообразнѣе потребности людей, чѣмъ шире личная свобода, недопускающая полнаго господства надъ лицами и ихъ силами, тѣмъ обязательственныя права дѣлаются многочисленнѣе, сложнѣе, и получаютъ важнѣйшее значеніе въ общественной и юридической жизни.

Вещи, дѣйствія и услуги людей, какъ объекты права, существуютъ и необходимы во всѣхъ областяхъ права, какъ частномъ, такъ публичномъ и междугосударственномъ, но въ каждой изъ нихъ являются съ особеннымъ характеромъ. Такъ въ частномъ правѣ дѣйствія и услуги другихъ имѣютъ по преимуществу имущественный характеръ, способный вполнѣ къ оцѣнкѣ и замѣнѣ; въ этой области оба объекта права образуютъ общее понятіе объ имуществѣ, которое обнимаетъ и чужія дѣйствія или услуги; различіе между ними состоитъ только въ томъ, что вещи находятся въ непосредственномъ господствѣ лица, а дѣйствія и услуги представляютъ имущество въ его образованіи въ будущемъ. Въ публичномъ и междугосударственномъ правѣ вещи имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только имущественный, вещный характеръ, но и государственный, политическій, не подлежащій оцѣнкѣ, напр. государственная территорія, регаліи. Съ другой сто-

роны дѣйствія и услуги въ этихъ частяхъ права не всегда заключаютъ въ себѣ имущественный характеръ и возникаютъ не только по договору, свободному соглашенію, но и по непосредственному требованію власти, напр. исполненіе повинностей, служебныхъ обязанностей.

Возникновеніе и прекращеніе правъ и обязанностей.

На основаніи и въ предѣлахъ дѣйствующаго въ обществѣ права (объективнаго) образуются права (полномочія, власть—право въ субъективномъ смыслѣ), или право лица дѣйствовать и осуществлять свои цѣли и интересы въ предоставленномъ ему кругѣ отношеній [1]). Обладающій правомъ можетъ дѣйствовать самъ или требовать отъ другихъ извѣстныхъ дѣйствій; онъ можетъ отказаться отъ него или

---

[1]) Школа естественнаго права, а за нею и нѣкоторые изъ послѣдующихъ философовъ и моралистовъ (Шталь, Рёдеръ, Шиллингъ, Жуфруа, Жане и мн. др.) полагали, что независимо отъ правъ основаныхъ на законодательствѣ существуютъ *права прирожденныя* (droits de l'homme et du citoyen, Urrechte, angeborene Rechte), вытекающія непосредственно изъ человѣческой природы, принадлежащія людямъ съ минуты ихъ жизни, не требующія для своего бытія никакихъ дѣйствій, или особаго признанія; таковы права, связанныя съ тѣлесною и духовною природою человѣка, неприкосновенность тѣла, духовныхъ силъ, право на честь, трудъ, свободу передвиженія, выборъ занятій и т. п.

передать другому или даже обратить его къ неразумному и безнравственному употребленію, кромѣ случаевъ, въ которыхъ установлены ограниченія на основаніи особыхъ причинъ юридическихъ, нравственныхъ. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ облеченный правомъ не только можетъ, но и долженъ пользоваться и выполнять свое право во всемъ его объемѣ, хотя бы это наносило вредъ другимъ лицамъ.

Права прирожденныя, по мнѣнію своихъ защитниковъ, неотдѣлимы отъ существа и назначенія человѣка, а потому не могутъ быть потеряны вслѣдствіе непользованія ими, не могутъ быть отчуждаемы, передаваемы другимъ; даже самое наказаніе не можетъ уничтожить ихъ, на сколько они необходимы для человѣческой жизни. Болѣе крайніе сторонники прирожденныхъ правъ Рёдеръ) видятъ въ нихъ не только возможную правоспособность, но право дѣйствительное принадлежащее человѣку относительно всѣхъ людей, съ которыми онъ можетъ вступать въ отношеніе, а равно и относительно цѣлаго общества, къ которому онъ принадлежитъ. „Кто можетъ утверждать“, говоритъ Рёдеръ, „чтобы оставить безпомощнаго безъ помощи, дать умереть съ голода, не пріютить осиротѣвшаго новорожденнаго, не было грубымъ неправомъ со стороны цѣлаго общества; кто можетъ утверждать, чтобы въ подобныхъ случаяхъ существовало только возможное, а не дѣйствительное право на помощь, хотя бы и не было точно опредѣлено, кто и какимъ образомъ долженъ оказать помощь“?

Ученіе о прирожденныхъ правахъ не выдерживаетъ юридической критики; истинное право принадлежитъ только положительно опредѣленному порядку, и совмѣстное существованіе права прирожденнаго и пріобрѣтеннаго внесло бы въ дѣйствительную жизнь ничѣмъ непримиримый разладъ.

Право въ субъективномъ смыслѣ всегда выражаетъ отношеніе между лицами и связано съ соотвѣтственною обязанностію. Юридическая обязанность есть такое отношеніе, въ которомъ одно лицо можетъ, а иногда и должно требовать чего либо, а другое обязано исполнить требованіе; такимъ образомъ право для одного составляетъ обязанность для другаго. Несущій или принявшій обязанность не можетъ, по произволу, отказаться отъ ея исполненія; онъ долженъ выполнить именно то, что составляетъ предметъ обязанности, кромѣ случаевъ, въ которыхъ въ замѣнъ условленнаго дозволяется представить что-либо другое, равное по цѣнности. Юридическая обязанность, подобно субъективному праву, не можетъ относиться къ юридически или физически невозможному.

Права и обязанности, какъ и всѣ человѣческія отношенія, имѣютъ свое естественное теченіе: воз-

---

Еще неосновательнѣе считать прирожденныя права дѣйствительными, матеріально принадлежащими каждому. Конечно безпомощность и возможность голодной смерти человѣка составляетъ великое общественное бѣдствіе, но однако можно разсчитывать на вѣрную помощь только тогда, когда она установлена правомъ; въ противномъ случаѣ оказаніе помощи будетъ лишь нравственнымъ долгомъ.

Такъ-называемыя прирожденныя права не суть какія-либо особыя дѣйствительныя права, но простыя свойства и обнаруженія человѣческой личности, которыя уже заключаются въ понятіи правоспособности.

никаютъ, измѣняются и прекращаются. Возникновеніе или происхожденіе права всегда составляетъ и пріобрѣтеніе права, которое состоитъ въ томъ, что опредѣленное лицо соединяетъ съ собою извѣстное право, усвоивая его для своихъ цѣлей; равно прекращеніе права всегда совпадаетъ съ потерею его или разъединеніемъ права отъ субъекта. Но пріобрѣтеніе права не всегда совпадаетъ съ происхожденіемъ права; на этомъ основаніи пріобрѣтеніе раздѣляется на первоначальное и производное; первое образуется независимо отъ воли и правъ другого лица; въ немъ право является новымъ, не существовавшимъ до акта пріобрѣтенія. Второе заключается въ пріобрѣтеніи права уже существующаго, въ переходѣ его отъ одного лица къ другому. Измѣненіе права происходитъ тогда, если измѣняется только свойство права по содержанію или субъектамъ. Право прекращается, если осуществляются тѣ отношенія и дѣйствія, съ которыми соединено бытіе и сила даннаго права. Прекращеніе права можетъ быть безусловнымъ, если данное право не произвело для другого лица никакого новаго особеннаго права (вещь уничтожилась) или относительнымъ, когда оно прекратилось лишь для того лица, которому дотолѣ принадлежало и перешло на другое лицо; прекращеніе права можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Отъ прекращенія права должно отличать бездѣйствіе права, состоящее въ томъ, если

извѣстное право, оставаясь въ силѣ, не дѣйствуетъ въ данное время, но можетъ обнаружить свое дѣйствіе во всякое другое время.

Происхожденіе, измѣненіе и прекращеніе правъ совершаются подъ вліяніемъ юридическихъ фактовъ, подъ которыми должно разумѣть такія событія и дѣйствія, которымъ право присвоиваетъ силу производить, измѣнять или прекращать права. Юридическіе факты состоятъ изъ одного событія и дѣйствія или изъ совокупности нѣсколькихъ явленій и актовъ; въ послѣднемъ случаѣ право порождается, измѣняется или прекращается только по совершеніи или исполненіи всѣхъ явленій, составляющихъ составъ юридическаго факта. Юридическіе факты представляютъ два главныхъ вида:

1) Факты происходящіе по волѣ лицъ, отъ которыхъ исходятъ: а) юридическіе акты и сдѣлки и б) дѣйствія недозволенныя и

2) Факты независимые отъ воли лицъ.

Юридическіе акты и сдѣлки.

а) Юридическіе акты раздѣляются на односторонніе и двусторонніе или многосторонніе; первые совершаются по волѣ одного лица (дареніе, духовное завѣщаніе), вторые по соглашенію двухъ или нѣсколькихъ лицъ и называются договорами или сдѣлками. Акты односторонніе всегда бываютъ безвозмездные; акты двусторонніе или многосторонніе могутъ быть возмездные и безвозмездные.

Юридическіе акты для своей силы и дѣйствительности должны удовлетворять извѣстнымъ условіямъ: они могутъ быть совершаемы только лицами юридически способными и обладающими разумѣніемъ интересовъ жизни; поэтому дѣти, несовершеннолѣтніе, сумасшедшіе, безумные, временно-помраченные, а равно лица, состоящія подъ запрещеніемъ или ограниченіемъ, не имѣютъ права совершать акты. Обладающіе правоспособностію и дѣеспособностію могутъ совершать акты или непосредственно или при посредствѣ представителей и повѣренныхъ; для нѣкоторыхъ субъектовъ (для юридическихъ лицъ, а также не обладающихъ дѣеспособностью) такое представительство обязательно. Заступленіе одного лица другимъ можетъ основываться или на юридическомъ отношеніи одного лица къ другому (опека), или же на порученіи. Существо представительства и порученія заключается въ томъ, что повѣренный дѣйствуетъ отъ лица представляемаго и все то, что онъ совершаетъ въ предѣлахъ полномочій, имѣетъ обязательную для перваго силу.

Юридическіе акты должны соотвѣтствовать извѣстной формѣ, если таковая признана обязательною; въ противномъ случаѣ допускается совершеніе сдѣлокъ и безъ опредѣленной формы (договоры словесные, письменные), но однако договоры должны быть выражены въ чертахъ достаточно понятныхъ и опредѣленныхъ. Акты должны выражать дѣйстви-

тельную волю своихъ совершителей. Противорѣчіе между волею и ея обнаруженіемъ можетъ происходить по различнымъ основаніямъ: вслѣдствіе принужденія физическаго или психическаго, невѣдѣнія фактическаго (error facti) или ошибки юридической (error juris) или обмана (dolus). Право требуетъ, чтобы воля совершающаго актъ была свободна, поэтому если лицо дѣйствуетъ по насилію, является невольнымъ орудіемъ другого, дѣйствіе его не имѣетъ никакой юридической силы. Въ остальныхъ случаяхъ, когда лицо, доведенное до степени орудія, дѣйствуетъ само, подъ вліяніемъ угрозъ, различныхъ ошибочныхъ или обманныхъ вліяній, право предоставляетъ такому лицу доказывать степень своей неволи и вынужденія и, смотря по особенностямъ каждаго случая (положенія угрожаемаго, дѣйствительности угрозъ, степени сознанія и воли, причины невѣдѣнія и ошибки), или освобождаетъ лицо отъ вредныхъ послѣдствій совершеннаго имъ акта, или допускаетъ извѣстныя облегченія въ исполненіи вынужденной сдѣлки, или же признаетъ актъ совершенно ничтожнымъ.

По содержанію акты не должны заключать въ себѣ чего либо невозможнаго, противорѣчить нравственности, праву или даже направляться къ обходу закона; акты должны заключать въ себѣ только такія условія и распоряженія, на которыя совершитель акта имѣетъ право.

Въ содержаніи акта должно отличать: а) условія существенныя, безъ которыхъ актъ не будетъ имѣть присвоеннаго ему значенія и юридическаго дѣйствія; б) условія обыкновенныя, которыя большею частію вносятся въ акты, но могутъ и не быть въ нихъ и въ такомъ случаѣ предполагаются существующими, если не оговорены и не устранены изъ акта и в) условія случайныя, которыя вносятся лишь по волѣ составителя или участника акта (цѣли акта, сроки и т. п.) и служатъ къ ограниченію или расширенію дѣйствія акта.

Акты и сдѣлки, не удовлетворяющіе существеннымъ матеріальнымъ или формальнымъ условіямъ, установленнымъ правомъ, признаются недѣйствительными. Должно отличать однако недѣйствительность акта по его ничтожности и оспариваемости; ничтожность акта будетъ въ томъ случаѣ, если онъ не имѣетъ всѣхъ условій необходимыхъ для его бытія и дѣйствія; такой актъ считается какъ бы несуществующимъ; для отрицанія такого акта достаточно простаго заявленія о томъ суду того лица, къ которому онъ относится. Актъ оспариваемый есть тотъ, который заключаетъ въ себѣ условія, доступныя для возраженій и отрицанія самаго акта; такой актъ признается недѣйствительнымъ лишь по предъявленіи со стороны опредѣленныхъ лицъ возраженій и доказательствъ и по признаніи ихъ судомъ основательными. Недѣйствительность акта мо-

жетъ наступать или съ самаго начала совершенія или позднѣе, по обнаруженіи обстоятельствъ, лишающихъ актъ дѣйствительности. Недѣйствительность можетъ относиться ко всему содержанію акта или только къ отдѣльнымъ частямъ его; причемъ если одна часть обусловлена другою и вполнѣ зависитъ отъ нея, то признаніе недѣйствительности послѣдней лишаетъ силы и первую.

Дѣйствія недозволенныя.

б) Права возникаютъ, измѣняются и прекращаются не только дѣйствіями согласными съ правомъ, но и вслѣдствіе дѣйствій недозволенныхъ или противузаконныхъ. Дѣйствія послѣдняго рода вызываютъ юридическія послѣдствія лишь при наличности сознанія и воли въ совершителѣ; дѣйствіе же, которое не можетъ быть признано произведеніемъ воли человѣка, хотя бы и было совершено имъ, есть простой случай, не влекущій за собою юридическихъ послѣдствій, соединенныхъ съ противузаконнымъ умышленнымъ или даже неосторожнымъ нарушеніемъ.

Дѣйствія недозволенныя могутъ быть положительныя или отрицательныя, состоящія въ упущеніяхъ, бездѣйствіи, неисполненіи законныхъ требованій.

Дѣйствія недозволенныя и нарушающія права отдѣльныхъ лицъ или общій юридическій порядокъ влекутъ за собою для нарушителя или ослушника

гражданскія взысканія, вознагражденія, штрафы, или полицейскія и уголовныя наказанія (подробнѣе въ главѣ о нарушеніяхъ и охраненіи права).

Факты, независимые отъ воли лицъ.

Права возникаютъ, измѣняются и прекращаются вслѣдствіе юридическихъ фактовъ, событій, явленій, происходящихъ независимо отъ воли человѣка, которымъ право присвоило юридическое значеніе; таковы факты возникающіе вслѣдствіе естественныхъ или общественныхъ причинъ и условій или по требованію закона (случаи смерти, уничтоженія вещей, какъ объектовъ права, прекращеніе, лишеніе правъ по закону, прекращеніе юридическихъ учрежденій, крѣпостнаго быта и под.).

Къ этого же рода фактамъ могутъ быть отнесены и отношенія пространства и времени. Человѣкъ не есть неограниченный распорядитель всѣхъ своихъ отношеній; онъ живетъ въ пространствѣ и времени, а потому оба эти условія имѣютъ вліяніе на положеніе его правъ. Условія пространства опредѣляются постояннымъ или временнымъ мѣстожительствомъ человѣка (lex domicilii, patriae), присутствіемъ или отсутствіемъ лица въ мѣстѣ его пребыванія.

Условія времени опредѣляются моментомъ происхожденія юридическаго отношенія, или временемъ, которое истекло со дня заключенія сдѣлокъ (давность исковая) или же наконецъ продолжительно-

стію извѣстнаго состоянія (давность владѣнія). Предоставляя времени такое значеніе, право руководствуется тѣмъ началомъ, что все существующее, происходя во времени, имѣетъ начало и конецъ и должно пользоваться охраненіемъ для прочности юридическаго порядка. На этомъ основаніи права пріобрѣтаются и теряются вслѣдствіе истеченія давности, въ томъ предположеніи, что лицо, не пользуясь и не охраняя своего права, отказалось отъ него или предоставило его въ общее пользованіе. Дѣйствіе давности имѣетъ наиболѣе широкое примѣненіе въ правѣ гражданскомъ, частію уголовномъ и процессѣ. Сроки давности, способъ исчисленія сроковъ, кругъ отношеній, подлежащихъ дѣйствію давности опредѣляются въ каждомъ законодательствѣ особо.

Осуществленіе (приложеніе) правъ, стеченіе (concursus) и столкновеніе правъ (collisio) [1]).

Право есть живая практическая сила, предназначенная къ дѣйствію и осуществленію, т. е. къ

[1]) Ученіе о *nuda jura*, относимое иногда къ ученію объ осуществленіи правъ, мы не включаемъ въ систему юридической энциклопедіи, потому что оно, сложившись исторически въ римскомъ правѣ, не пріобрѣло впослѣдствіи общаго

произведенію и опредѣленію подлежащихъ ему фактическихъ положеній и отношеній лицъ и предметовъ.

Осуществленіе правъ принадлежащихъ лицу предоставляется, въ большинствѣ случаевъ, свободному усмотрѣнію обладателя правъ; но въ нѣкоторыхъ частяхъ права (публичнаго порядка) оно составляетъ и обязанность, которую лицо должно выполнить во всемъ его объемѣ. Продолжительное непользованіе своимъ правомъ можетъ повести къ потерѣ его (давность). Осуществленіе права, въ принадлежащихъ ему предѣлахъ, правомѣрно, хотя

юридическаго значенія. Подъ jus nudum—голое право, разумѣлась въ римскомъ правѣ совокупность отрицательныхъ полномочій, принадлежащихъ лицу по отношенію къ данному объекту, причемъ полномочія положительныя или реальное содержаніе права принадлежало другому лицу. Историческимъ примѣромъ такого jus nudum въ римскомъ правѣ является nudum jus Quiritium,—голое право собственности по квиритскому праву (jus civile), рядомъ съ которымъ на туже вещь существовало право собственности по преторскому праву (dominium bonitarium). Собственникъ по квиритскому праву могъ осуществлять свое право противъ всякаго третьяго лица, но не противъ собственника бонитарнаго, который былъ дѣйствительнымъ и полнымъ хозяиномъ вещи и извлекалъ изъ нея всѣ реальныя выгоды; его добросовѣстное владѣніе, въ силу давности, могло превратиться въ собственность ex jure Quiritium. Но бонитарный владѣлецъ не имѣлъ такихъ же полномочій, какъ собственникъ квиритскій, въ отношеніи къ третьимъ лицамъ, не имѣлъ vindicatio ex jure Quiritium, былъ ограниченъ при отчужденіи своего права, имѣлъ право давать своимъ рабамъ только латинитетъ и др.

бы оно причинило ущербъ другимъ лицамъ. Нѣкоторыя права съ осуществленіемъ ихъ прекращаются, другія же допускаютъ осуществленіе длящееся, многократное; къ первымъ относятся нѣкоторыя права по обязательствамъ, къ послѣднимъ права вещныя.

Каждое право, при его осуществленіи имѣетъ опредѣленную, ограниченную сферу какъ по мѣсту и времени дѣйствія, такъ и по роду и свойству подлежащихъ ему фактовъ. Но такъ какъ формы права разнообразны по мѣсту и измѣняются по времени, а съ другой стороны факты и дѣйствія, подлежащіе праву, представляютъ различныя сочетанія лицъ и объектовъ, то нерѣдко, при осуществленіи права, происходятъ стеченіе и столкновеніе какъ нормъ права между собою, такъ и основанныхъ на нихъ правъ (въ субъективномъ смыслѣ).

Стеченіе права (concursus) заключается въ томъ, если къ одному и тому же отношенію явля-

---

Различіе между двумя указанными видами собственности, сглаживаясь постепенно со времени Адріана (edictum perpetuum), уничтожилось окончательно при Юстиніанѣ. Въ современныхъ системахъ гражданскаго права jus nudum не находитъ примѣненія; въ публичномъ правѣ нѣкоторые указываютъ на примѣненіе jus nudum къ современному положенію Босніи и Герцеговины, по отношенію къ которой Порта какъ бы сохраняетъ верховное право въ формѣ римскаго jus nudum.

ются различныя по мѣсту или времени нормы (дѣйствіе разномѣстныхъ и разновременныхъ законовъ), или когда различныя права сосредоточиваются въ одномъ субъектѣ, или же когда къ одному и тому же объекту имѣютъ право два или нѣсколько лицъ (стеченіе субъектныхъ правъ). Стеченіе права превращается въ столкновеніе (collisio), если осуществленіе одного права ограничиваетъ или совершенно исключаетъ примѣненіе и дѣйствіе другаго права. Одно стеченіе правъ, не перешедшее въ столкновеніе, не представляетъ юридическаго интереса, такъ какъ каждое изъ стекающихся правъ сохраняетъ свое значеніе и разрѣшается или уничтожается по силѣ юридической или фактической возможности въ каждомъ данномъ случаѣ.

Столкновеніе разномѣстныхъ нормъ права. Законы каждаго государства дѣйствуютъ только въ предѣлахъ государственной территоріи и каждая власть обязана примѣнять только право своей страны. Это территоріальное начало дѣйствія законовъ находитъ свое простое и легкое примѣненіе въ правѣ государственномъ, полицейскомъ, финансовомъ, отчасти уголовномъ, но весьма недостаточно для права гражданскаго, такъ какъ непрерывно развивается и усиливается общеніе личное и имущественное между подданными различныхъ государствъ и жителями одного государства, въ которомъ дѣйствуютъ системы мѣстныхъ правъ. Нерѣдко

въ одномъ дѣлѣ участвуютъ лица, подчиненныя различнымъ законамъ, или дѣло касается имущества, находящагося въ чужихъ странахъ, или являются къ разбирательству акта и сдѣлки, совершенные подъ господствомъ чужеземныхъ законовъ, вслѣдствіе чего возникаютъ вопросы, по какимъ законамъ должно рѣшать такого рода предъявленныя дѣла.

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ наука и практика предлагали различныя основанія (такъ называемую теорію статутовъ личныхъ, реальныхъ и смѣшанныхъ *, начало мѣстонахожденія или осѣдлости каждаго правоотношенія, начало взаимности въ частныхъ международныхъ сношеніяхъ и мѣсто совершенія юридическихъ фактовъ, подлежащихъ разрѣшенію), которыя могли бы служить общимъ правиломъ и руководствомъ для примѣненія разномѣстныхъ законовъ, но такія общія правила оказывались въ данномъ случаѣ неудачными, допуская множество отступленій и исключеній, и потому въ настоящее время предпочитаютъ устанавливать особыя правила для каждаго отдѣльнаго института

*) Статуты личные (statuta personalia) опредѣляютъ личныя отношенія гражданъ и разрѣшаютъ столкновенія законовъ и правъ по мѣстожительству лицъ; статуты реальные (statuta realia) касаются вещей и разрѣшаютъ столкновенія по мѣстонахожденію вещей; статуты смѣшанные (statuta mixta) опредѣляютъ правила юридическихъ сдѣлокъ и дѣйствій лицъ, и разрѣшаютъ возникающіе здѣсь вопросы по законамъ того мѣста, гдѣ сдѣлки заключены или дѣйствія совершены.

права, принимая во вниманіе внутреннюю природу и задачи каждаго рода юридическихъ отношеній.

Главныя руководящія начала для разрѣшенія столкновеній разномѣстныхъ нормъ права суть:

Права личныя, если лицо находится въ мѣстѣ своей осѣдлости, опредѣляются законами того мѣста, гдѣ производится дѣло (lex fori); при несовпаденіи же мѣста суда и мѣста осѣдлости лица принимаются во вниманіе права, которыми пользуется лицо въ своемъ постоянномъ мѣстожительствѣ. Подъ мѣстожительствомъ въ юридическомъ смыслѣ разумѣется то мѣсто, къ которому лицо принадлежитъ по своему подданству, національности (origo), или же гдѣ находится средоточіе его отношеній и дѣятельности (domicilium), хотя бы лицо и не жило тамъ постоянно. При этомъ иностранцы пользуются лишь общею правоспособностію и дѣеспособностію, а не личными и имущественными преимуществами, которыя могутъ принадлежать имъ въ ихъ отечествѣ; съ другой стороны, иностранцы не подвергаются тѣмъ личнымъ ограниченіямъ, которыя могутъ существовать относительно ихъ въ отечествѣ, если государство, въ которомъ они временно пребываютъ, не признаетъ этихъ ограниченій. Права вещныя разрѣшаются по законамъ того государства, гдѣ находится имущество (lex rei sitae), такъ какъ территорія государства, съ находящимися въ ней предметами, подлежитъ безусловной власти мѣстныхъ

законовъ. Права по обязательствамъ разрѣшаются по законамъ той мѣстности, гдѣ совершаютъ акты договора, если только заключенная сдѣлка не нарушаетъ законовъ того мѣста, гдѣ она разрѣшается (lex loci actus); если договоръ заключается въ одномъ мѣстѣ (locus contractus), а мѣсто исполненія его назначается въ другомъ, то по формѣ и по существу договоръ разрѣшается по законамъ мѣста своего совершенія, порядокъ же исполненія (locus solutionis) разрѣшается по законамъ послѣдней страны; при этомъ договоръ, незаконный по мѣсту его заключенія, можетъ быть вполнѣ дѣйствительнымъ по мѣсту его исполненія, если онъ согласенъ съ законами послѣдняго. Права семейныя и наслѣдственныя представляютъ наиболѣе поводовъ къ столкновенію и вызываютъ наиболѣе сомнѣній и споровъ, такъ какъ въ этой области соединяются элементы личные, вещные и обязательственные. Вообще можно принять, что совершеніе брака слѣдуетъ законамъ той страны, въ которой онъ происходитъ, съ соблюденіемъ условій вѣроисповѣданія, которому принадлежатъ женихъ и невѣста; прочія отношенія брачнаго союза опредѣляются мѣстожительствомъ мужа; союзъ родителей и дѣтей опредѣляется мѣстожительствомъ отца, опека и попечительство-мѣстожительствомъ состоящаго въ опекѣ и попечительствѣ; отношенія имущественныя супруговъ—по мѣстонахожденію имущества ихъ. Право

наслѣдованія, основанное на продолженіи личности покойника, разрѣшается по законамъ мѣстожительства наслѣдодателя, съ соблюденіемъ условій, которыя въ каждой странѣ установлены для владѣнія и оборота имущественнаго. Форма актовъ и сдѣлокъ разрѣшается на основаніи обрядовъ и порядка, существующихъ въ мѣстѣ совершенія ихъ (lex loci actus), если не установлено въ отечествѣ какихъ-либо особыхъ ограниченій (крѣпостной порядокъ для актовъ на недвижимость).

Судопроизводство гражданское, съ формальной стороны, опредѣляется законами той страны, гдѣ совершается судъ (lex fori); съ матеріальной стороны—законами того мѣста, гдѣ произошли факты, послужившіе основаніемъ правъ. Въ уголовномъ правѣ преступныя дѣянія изслѣдуются и судятся тѣмъ порядкомъ, который установленъ въ мѣстѣ суда; преступность же дѣянія, если оно совершено въ другомъ государствѣ, опредѣляется по мѣсту совершенія преступленія.

Столкновеніе правъ бываетъ не только по мѣсту, но и по времени дѣйствія законовъ, такъ какъ отношенія происходятъ во времени и нерѣдко, начавшись при старыхъ законахъ, продолжаются и вызываютъ извѣстныя юридическія послѣдствія при законѣ новомъ. Должно однако сказать, что столкновенія законовъ разновременныхъ проще и однороднѣе, касаются лишь отношенія прошедшаго къ

настоящему и потому разрѣшаются легче, нежели столкновенія законовъ разномѣстныхъ. Для разрѣшенія столкновеній законовъ разновременныхъ недостаточно правила, требующаго чтобы законъ не дѣйствовалъ обратно и не нарушалъ правъ пріобрѣтенныхъ; здѣсь необходимо основаніе для опредѣленія раздѣльнаго момента между дѣйствіемъ новаго и стараго закона. Такое основаніе представляется въ понятіи о законченныхъ юридическихъ фактахъ, хотя это начало не всегда и не вполнѣ устраняетъ всѣ сомнѣнія и споры, вслѣдствіе трудности въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣлить моментъ прошедшій отъ настоящаго (напр. въ правѣ наслѣдованія по завѣщанію, равно въ сложныхъ обязательствахъ). Подъ законченнымъ юридическимъ фактомъ должно разумѣть такія событія и дѣйствія, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для произведенія соединенныхъ съ нимъ юридическихъ послѣдствій; при этомъ требуется, чтобы событіе и дѣйствіе осуществилось во всѣхъ частяхъ, прошло всѣ ступени, необходимыя для ихъ состава (напр. истеченіе давности опредѣляется заключительнымъ моментомъ ея и осуществленія всѣхъ условій, связанныхъ съ этимъ понятіемъ). Если такой фактъ закончился до введенія новаго закона, то происшедшія изъ него права опредѣляются по новому закону; если же фактъ не представляетъ всѣхъ условій завершенія, то какъ самый фактъ, такъ и юри-

дическія послѣдствія изъ него разрѣшаются на основаніи закона новаго.

Образованіе правъ представляетъ извѣстную послѣдовательность: они возникаютъ, измѣняются и прекращаются; каждое изъ этихъ правоотношеній разрѣшается на основаніи отдѣльныхъ юридическихъ фактовъ, изъ которыхъ они произошли; и если одинъ изъ фактовъ произошелъ подъ господствомъ стараго закона, а другой подъ дѣйствіемъ новаго закона, то каждый изъ отдѣльныхъ фактовъ разрѣшается по закону своего времени (напр. возникновеніе права можетъ быть разрѣшено по закону старому, а измѣненіе или прекращеніе права по закону новому); равнымъ образомъ если совершеніе акта состоитъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ актовъ, то каждый изъ нихъ долженъ разрѣшаться по закону своего времени (напр. совершеніе завѣщанія, явка его, составленіе и утвержденіе крѣпостнаго акта). Въ процессѣ, по дѣламъ начатымъ, но не оконченнымъ, каждое самостоятельное дѣйствіе (напр. предъявленіе иска, обсужденіе доказательствъ, рѣшеніе, обжалованіе) разрѣшается по законамъ своего времени, если въ новомъ законѣ не установленъ особый порядокъ для перехода отъ стараго къ новому судопроизводству.

Столкновенія происходятъ не только между разномѣстными и разновременными нормами права, но и между правами внутренними (субъективными)

при ихъ осуществленіи. Столкновенія этого рода происходятъ или вслѣдствіе того, что одному праву присвоена большая сила и обезпеченность, нежели другому, или по фактической невозможности удовлетворить оба. Хотя право, по своей основной цѣли, признаетъ и защищаетъ всѣ происшедшія на основаніи его права, но въ общихъ цѣляхъ общественнаго и юридическаго порядка законодательство предоставляетъ нѣкоторыя преимущества однимъ правамъ передъ другими или по свойству правъ (права обезпеченныя залогомъ), или по времени возникновенія правъ (въ кредитныхъ сдѣлкахъ), или по свойству субъектовъ права (права государства, казны). Въ этихъ случаяхъ удовлетворяются прежде права старшія или болѣе обезпеченныя, прочія же удовлетворяются только частію или остаются вовсе безъ удовлетворенія.

При столкновеніи равныхъ правъ и невозможности фактической осуществить ихъ вполнѣ, удовлетвореніе распредѣляется или по соразмѣрности долей, или одно право удовлетворяется во всемъ его составѣ, а другое посредствомъ оцѣнки и уплаты за него вознагражденія (при договорахъ личнаго найма, при равныхъ правахъ на одну и ту же вещь), или погашеніемъ обоихъ сталкивающихся правъ (при равныхъ встрѣчныхъ денежныхъ претензіяхъ), или же, наконецъ, по жребію,—когда это допускается закономъ.

По поводу всѣхъ указанныхъ столкновеній права должно однако сказать, что, по существу права, столкновеній дѣйствительныхъ юридическихъ не должно быть, такъ какъ въ области права все должно совершаться и разрѣшаться на основаніи права; каждая норма господствуетъ только въ свой территоріи, надъ подлежащими ей отношеніями своего времени. Встрѣчающіяся же въ практикѣ столкновенія происходятъ или отъ недостаточнаго опредѣленія отношеній между законами общими и мѣстными, отечественными и иноземными, настоящими и выходящими вновь, или же вслѣдствіе встрѣчи противуположныхъ отношеній; послѣднія въ большинствѣ предвидятся закономъ, который заранѣе опредѣляетъ ихъ взаимное преимущество, и потому каждый, вступая въ эти отношенія, можетъ знать о судьбѣ, которая постигнетъ его право въ случаѣ столкновенія его съ преимущественнымъ правомъ (въ области субъективнаго права).

О нарушеніяхъ права.

Право, какъ порядокъ основанный на извѣстной степени свободы и сознанія человѣка, естественно можетъ подвергаться нарушеніямъ, состоящимъ или въ простомъ неисполненіи требованій

права, или во вторженіи въ сферу частныхъ правъ. или въ нарушеніи цѣлаго общественнаго порядка.

Нарушеніе правъ происходитъ иногда и независимо отъ воли человѣка, вслѣдствіе дѣйствій и силъ природы несознательной и неотвѣтственной; въ такомъ положеніи возникаетъ понятіе о случаѣ (casus), относящемся къ праву только тогда, когда праву предстоитъ рѣшить вопросъ, дѣйствительно-ли извѣстное событіе есть casus, и долженъ-ли при этомъ кто-либо подвергнуться взысканію.

Такимъ образомъ нарушеніемъ права въ смыслѣ юридическомъ можетъ быть только дѣйствіе, неисполненіе, упущеніе, произшедшія отъ болѣе или менѣе сознательной воли человѣка.

Гдѣ нѣтъ достаточно разумѣнія и свободы, тамъ нѣтъ и вины человѣка, который можетъ отвѣчать только за то, что онъ сознавалъ, чего желалъ, или отъ чего могъ уклониться. Дѣйствія произведенныя хотя бы и человѣкомъ, но произшедшія вслѣдствіе непреодолимыхъ силъ природы. или по принужденію, невѣдѣнію, заблужденію, недостатку умственныхъ силъ, освобождаютъ человѣка отъ отвѣтственности личной или, по крайней мѣрѣ, признаются обстоятельствами, уменьшающими вину, а слѣдовательно мѣру взысканія и наказанія.

Предметомъ нарушеній могутъ быть всякаго рода права и обязанности, принадлежащія субъектамъ права (лицамъ физическимъ и юридическимъ); если говорятъ о преступленіяхъ противъ вещей,

имущества, то это собственно сокращенная форма выраженія, потому что вещи имѣютъ юридическое значеніе лишь въ силу своей принадлежности человѣку, или присвоеннаго имъ правомъ характера.

Разнообразныя проявленія нарушеній права представляютъ три главные вида: гражданское или частное, уголовное и полицейское.

Нарушеніе или неправо гражданское состоитъ въ дѣйствіяхъ стѣсняющихъ или подвергающихъ сомнѣнію и колебанію частныя права другаго лица, составляющія частное его достояніе и принадлежащія къ сферѣ его личной дѣятельности. Нарушенія гражданскія касаются только матеріальныхъ условій частнаго лица, но не наносятъ личныхъ обидъ лицу, не колеблютъ общаго порядка, поэтому они возлагаютъ на нарушителя лишь обязанность вознаградить владѣльца права за потери. Нарушитель частнаго права, препятствуя другому въ осуществленіи его правъ, или предъявляя споръ объ нихъ, дѣйствуетъ всегда подъ видомъ и защитою права; дѣйствуя даже недобросовѣстно, онъ обращается къ суду и такимъ образомъ сохраняетъ видимое уваженіе къ юридическому порядку общества, не обнаруживая внѣшнимъ образомъ злой воли.

Нарушенія уголовныя заключаютъ въ себѣ уже не споръ о правѣ, а произвольное отрицаніе права, иногда же и рѣшительное возстаніе противъ законовъ государства.

Преступникъ уголовный не только наноситъ вредъ матеріальный другимъ лицамъ или самому государству, но ставитъ свой произволъ выше требованій закона, обнаруживаетъ злую волю, которая можетъ постоянно грозить общественной и личной безопасности, и тѣмъ самымъ лишаетъ общество необходимыхъ условій его существованія и развитія.

Уголовныя нарушенія называются преступленіями, подъ которыми должно разумѣть дѣйствія или упущенія, запрещенныя правомъ подъ страхомъ наказанія.

Преступленія раздѣляются, по важности правонарушеній, степени виновности и назначаемаго наказанія, на преступленія въ строгомъ смыслѣ (crimes, Verbrechen), за которыя полагаются болѣе тяжкія наказанія, проступки (délits, Vergehen), подлежащія болѣе легкимъ наказаніямъ, и простыя правонарушенія (contraventions, Uebertretungen), за которыя назначаются незначительные штрафы и краткіе аресты.

Степень виновности опредѣляется отношеніемъ между преступнымъ дѣяніемъ и волею преступника и въ этомъ отношеніи отличаютъ вину умышленную или просто умыселъ, и вину неосторожную.

Вина умышленная есть та, когда человѣкъ совершаетъ дѣйствіе, преступность котораго онъ сознаетъ, вредныя послѣдствія котораго предвидитъ, или по крайней мѣрѣ можетъ предвидѣть. Въ винѣ

умышленной различаютъ простой умыселъ и предумышленіе, основываясь на степени близости между зародившеюся въ душѣ человѣка мыслію о преступленіи и ея исполненіемъ.

Вина неосторожная состоитъ въ томъ, если человѣкъ совершаетъ дѣйствіе, нарушающее чье-либо право, или вообще вредное (хотя и безъ намѣренія нанести кому-либо вредъ), и котораго онъ могъ избѣжать, еслибы соблюлъ вниманіе и осторожность, которыхъ можно требовать отъ всякаго благоразумнаго человѣка. Характеристическія черты неосторожныхъ проступковъ заключаются въ ихъ ненамѣренности и вредѣ, который они наносятъ.

Иногда одно и то же дѣйствіе представляетъ стеченіе умысла и вины неосторожной. Вина неосторожная и умышленная въ свою очередь представляютъ множество ступеней, которыя весьма трудно разграничить, потому что различія между ними основаны на степени желанія преступника совершить извѣстное преступленіе и предвидѣнія всѣхъ произшедшихъ изъ него послѣдствій, которыя въ каждомъ данномъ случаѣ являются въ своемъ особомъ видѣ.

Нарушеніе или неправо полицейское состоитъ преимущественно изъ дѣйствій представляющихъ возможность правонарушеній, располагающихъ къ преступленіямъ, опасныхъ почему-либо, и потому запрещенныхъ; необходимо однако, чтобы въ такихъ

дѣйствіяхъ была дѣйствительная опасность и возможность правонарушеній (приготовленіе ядовъ, неисполненіе требованій, предписанныхъ для поддержанія общественнаго здоровья, охраненія отъ пожаровъ и т. п.). Только весьма немногія дѣйствія неправа полицейскаго имѣютъ значеніе дѣйствительныхъ правонарушеній.

Такъ какъ полицейскія нарушенія не заключаютъ въ себѣ ни спора о правѣ, ни злой воли виновника, а обнаруживаютъ только недостатокъ должнаго вниманія, небрежность къ интересамъ, довольно важнымъ, общества, поэтому полицейскія взысканія не имѣютъ значенія наказанія въ строгомъ смыслѣ, уголовной кары. Они состоятъ въ легкихъ арестахъ, штрафахъ, выговорахъ, и имѣютъ цѣлію возбудить вниманіе неосторожныхъ лицъ, заставить ихъ на будущее время избѣгать дѣйствій вредныхъ, или служащихъ поводомъ къ преступленіямъ.

Въ постепенномъ развитіи общественнаго порядка, нарушенія уголовныя или преступленія составляютъ наиболѣе ранній и главный предметъ попеченій правительствъ и мѣръ законодательныхъ.

Среди такихъ обществъ чаще и легче совершаются насилія, разбои, грабежи, даже частные споры вызываютъ большею частію насильственныя дѣйствія сторонъ и самосудъ.

Вслѣдствіе этого правительство и законодательство первобытныхъ обществъ заботятся главнымъ

образомъ объ огражденіи первыхъ условій общежитія, безопасности личной и имущественной, какъ уголовными наказаніями, такъ и имущественными взысканіями и пенями.

Съ утвержденіемъ государственной власти, развитіемъ правительственныхъ органовъ, учрежденіемъ мѣръ надзора и предупрежденія развиваются частные споры и правонарушенія и усиливается гражданскій порядокъ охраненія и возстановленія правъ.

Нарушенія полицейскія развиваются въ такіе періоды, когда сильная организованная власть государства достигаетъ значительной культуры и устанавливаетъ не только мѣры безопасности личной и имущественной, но принимаетъ на себя заботы о предупрежденіи преступленій, о благоустройствѣ и содѣйствіи всѣмъ интересамъ общественной жизни.

Охраненіе и возстановленіе правъ.

Охраненіе и возстановленіе нарушенныхъ правъ есть необходимое условіе существованія самаго права, какъ реальной силы и власти; защита права есть одна изъ формъ осуществленія права, и потому каждый, встрѣтившій препятствіе своему праву со стороны другихъ, имѣетъ право ограждать себя отъ нарушителя.

Средства охраненія и возстановленія правъ весьма разнообразны, смотря по степени культуры и характеру организаціи государства, по роду и свойству нарушеній права. На первоначальныхъ ступеняхъ обществъ, слабо развитыхъ и устроенныхъ, господствуетъ самозащита или оборона и самосудъ или самоуправство.

Самозащита и самосудъ.

Самозащита состоитъ въ охраненіи себя собственными силами противъ нападеній; она есть непосредственное осуществленіе лицомъ своихъ правъ; самосудъ или самоуправство заключается въ томъ, если лицо рѣшается собственною силою возстановить и возвратить уже нарушенное или отнятое у него право; здѣсь лицо стремится само вознаградить себя за понесенные убытки и учинить расправу съ нарушителемъ и обидчикомъ.

Указанныя средства защиты однако недостаточны: не всегда сила и право соединены вмѣстѣ, а нерѣдко и сама сила можетъ переступить должныя границы и обратиться въ насиліе и произволъ. Поэтому съ развитіемъ общественнаго порядка государство беретъ на себя охраненіе правъ всѣхъ и ограничиваетъ дѣйствіе самообороны и самосуда. Государство допускаетъ самооборону только въ тѣхъ случаяхъ, когда само не въ силахъ подать помощь лицу угрожаемому нападеніемъ и когда опасность

является дѣйствительною и неотвратимою; при этомъ требуется однако, чтобы самооборона невыходила изъ предѣловъ необходимости, опредѣленныхъ закономъ и не была направлена противъ исполнителей закона, дѣйствующихъ на основаніи узаконенныхъ предписаній.

Еще болѣе ограничивается въ развитыхъ государствахъ самосудъ, допускаемый только въ исключительныхъ, точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Такъ дозволяется обыкновенно задержаніе или пріостановка въ исполненіи обязательства вслѣдствіе неисполненія противною стороною другаго, состоящаго съ нимъ въ связи, обязательства; допускается право непосредственнаго взысканія по безспорнымъ актамъ (въ торговыхъ дѣлахъ, въ кредитныхъ учрежденіяхъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ); признается извиняемою личная расправа съ обидчикомъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ личныхъ оскорбленій (напр. по французскому уголовн. кодексу, если мужъ застанетъ жену съ соблазнителемъ въ своемъ супружескомъ жилищѣ, en flagrant délit, и убьетъ жену или соблазнителя, то такое убійство извиняется).

Мѣры надзора и предупрежденія.

Государство, принявъ на себя защиту правъ всѣхъ и ограничивъ способы и случаи личной обороны и самосуда, устанавливаетъ отъ себя общія и постоянныя мѣры надзора и предупрежденія на-

рушеній и организуетъ судъ, который отъ имени государства разрѣшаетъ всѣ споры о правѣ и опредѣляетъ наказанія за нарушеніе безопасности и порядка.

Мѣры надзора и предупрежденія бываютъ гражданскаго и административнаго порядка. Къ первымъ должно отнести тѣ, которыя имѣютъ цѣлію охранить частныя права до возникновенія спора объ нихъ или удостовѣрить право на случай возможныхъ споровъ и сомнѣній (т. наз. охранительное судопроизводство) посредствомъ особыхъ способовъ укрѣпленія имуществъ и обязательствъ совершеніемъ письменныхъ актовъ, вводомъ во владѣніе, удостовѣреніемъ свидѣтелей, допущеніемъ поручителей, залоговъ, назначеніемъ штрафовъ, секвестра, наложеніемъ запрещеній и т. п. Эти мѣры совершаются отчасти судомъ, а иногда особыми нотаріальными, гипотекарными и общественными учрежденіями (веденіе метрическихъ книгъ и записей относительно личнаго состоянія, совершенія браковъ, отбыванія воинской повинности).

Административное охраненіе права заключается въ мѣрахъ надзора за общественнымъ благоустройствомъ и мѣрахъ предупрежденія и пресѣченія нарушеній; мѣры эти состоятъ въ огражденіи отъ опасностей, обезпеченіи продовольствія, народнаго здравія и вообще въ охраненіи благочинія и поддержаніи общественнаго порядка. Исполненіе этихъ

мѣръ возлагается на различные органы административные, полицейскіе и общественные; производство ихъ совершается въ распорядительномъ и исполнительномъ порядкѣ. Возникающіе въ этой обширной области споры, пререканія и нарушенія разрѣшаются частію административными и полицейскими властями, а частію особыми учрежденіями, т. наз. административной юстиціей.

Но самыя прочныя и полныя мѣры надзора и предупрежденія не могутъ устранить всѣхъ споровъ о правахъ и оградить отъ возможныхъ правонарушеній; нерѣдко даже эти самыя мѣры даютъ поводъ къ спорамъ и колебанію правъ. Поэтому необходимы прямыя и постоянныя учрежденія для разбирательства споровъ и защиты нарушенныхъ правъ, которыя осуществляются въ государственной судебной власти.

Судъ государственный не создаетъ новыхъ правъ, а только охраняетъ права существующія, разбирая спорныя гражданскія отношенія и наказывая за уголовныя правонарушенія. Судъ государственный имѣетъ главною цѣлію удовлетворить потребность общества въ правосудіи; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствуетъ по вызову частныхъ сторонъ, для защиты ихъ интересовъ, онъ служитъ не столько отдѣльнымъ лицамъ, сколько потребности общества въ правѣ, въ равной защитѣ и безопасности всѣхъ. Поэтому судъ долженъ быть

независимъ отъ интересовъ тѣхъ, которые ищутъ судебнаго разбирательства.

Общія задачи правосудія достигаются въ государствѣ учрежденіемъ судовъ гражданскихъ и уголовныхъ, которые существенно отличаются другъ отъ друга.

Различіе это обусловливается свойствомъ предметовъ, подлежащихъ разбирательству тѣхъ и другихъ судовъ, и обнаруживается какъ въ судебной организаціи, такъ и въ порядкѣ изслѣдованія, системѣ доказательствъ, мѣрахъ обезпеченія спорныхъ отношеній, внѣшнихъ обрядахъ и формахъ, а равно въ основаніяхъ и способахъ постановки приговоровъ.

Судъ гражданскій.

Судъ гражданскій разбираетъ споры о гражданскихъ частныхъ правахъ и ограждаетъ ихъ отъ нарушеній. Въ судѣ гражданскомъ каждый самъ можетъ и долженъ защищать свое право, поэтому разбирательство гражданскихъ дѣлъ вчинается только по жалобамъ и искамъ потерпѣвшихъ или заинтересованныхъ. При этомъ истцомъ можетъ быть только обладатель нарушенныхъ или колеблемыхъ правъ; съ прекращеніемъ или переходомъ права къ другому лицу прекращается и право перваго обладателя на защиту. Сторона, предъявившая искъ, можетъ во всякое время отказаться отъ своего требованія или уменьшить его или вообще прекратить возбужденный споръ примиреніемъ. Гражданскій

истецъ самъ долженъ собирать и предъявлять суду необходимыя для рѣшенія справки и доказательства. Съ своей стороны гражданскій судъ прежде разбирательства спора или нарушенія долженъ разрѣшить вопросъ, принадлежитъ ли, и въ какомъ размѣрѣ, искомое право истцу, а затѣмъ постановляетъ свое рѣшеніе, въ границахъ принадлежности права ищущей сторонѣ и въ предѣлахъ предъявленнаго иска.

Неправо или нарушеніе частное обнаруживается почти исключительно въ сферѣ имущественной и потому гражданскія взысканія обращаются главнымъ образомъ на имущество; за причиненный вредъ опредѣляются матеріальное вознагражденіе, штрафы, которые соразмѣряются съ нарушеннымъ интересомъ. Если же неправо частное не наноситъ матеріальнаго вреда, то въ признаніи его со стороны суда неправомѣрнымъ заключаются всѣ его послѣдствія.

Хотя всякій судъ стремится къ уясненію полной истины въ разбираемомъ дѣлѣ, но правосудіе гражданское не входитъ въ изслѣдованіе внутреннихъ побужденій истца и отвѣтчика и довольствуется, для постановки приговора, установленными внѣшними данными и опредѣленными матеріальными величинами.

Судъ уголовный.

Судъ уголовный имѣетъ свои особыя условія и задачи, вытекающія изъ свойствъ уголовныхъ правонарушеній. Уголовная неправда касается не

только правъ частныхъ лицъ, но и общаго порядка, грозитъ опасностію самому обществу. Поэтому уголовный судъ долженъ принять мѣры общественной безопасности, заключающіяся въ наказаніи, которое судъ назначаетъ виновному въ преступномъ дѣяніи.

Наказаніе въ смыслѣ юридическомъ есть страданіе, налагаемое на преступника уголовнымъ правосудіемъ посредствомъ различныхъ насильственныхъ и стѣснительныхъ мѣръ. Наказаніе не есть дѣло частной расправы или личной мести; оно назначается въ интересахъ общественнаго спокойствія и справедливости и имѣетъ цѣлію возмездіе за совершенное зло, предупрежденіе подобныхъ нарушеній въ будущемъ и возможное исправленіе преступника. Преступленіе обнаруживается въ сознательной волѣ и дѣйствіяхъ преступника, наказаніе направляется непосредственно на его личность. При этомъ требуется, чтобы наказаніе было личное и соразмѣрное винѣ.

Соотвѣтственно основному назначенію уголовнаго правосудія, организація уголовнаго суда и теченіе уголовнаго процесса имѣютъ государственный, публичный характеръ. Вчинаніе уголовнаго преслѣдованія можетъ происходить и безъ требованій и жалобъ заинтересованной, потерпѣвшей стороны.

Обязанность преслѣдованія и обвиненія государство возлагаетъ на особыя власти—слѣдователей и прокуратуру (обвиненіе должностное), которыя

должны изслѣдовать совершенное преступленіе, собрать улики и доказательства; оно же обязываетъ судъ провѣрить и дополнить слѣдствіе, уяснить силу доказательствъ и уликъ и на основаніи ихъ постановить приговоръ.

Въ уголовномъ судѣ стороны (обвиняемый и обвинитель) стоятъ въ отношеніи къ суду въ болѣе подчиненномъ и менѣе дѣятельномъ положеніи, нежели въ судѣ гражданскомъ; здѣсь примиреніе сторонъ не допускается, за исключеніемъ такъ называемыхъ частныхъ обидъ, вчатіе и преслѣдованіе которыхъ поставлено въ зависимость отъ воли потерпѣвшихъ. Самый отказъ потерпѣвшаго отъ преслѣдованія прекращаетъ только его личныя претензіи, но не прекращаетъ уголовнаго дѣла, продолженіе котораго лежитъ на обязанности государственнаго обвинителя. Съ другой стороны, государство и его обвинители отличаются отъ истцовъ гражданскихъ; послѣдніе охраняютъ только свой интересъ, желаютъ достигнуть рѣшенія въ свою пользу и въ ущербъ противнику. Государство ищетъ не обвиненія, а только правды, раскрытія истины и примѣненія наказанія только къ дѣйствительному преступнику. Вслѣдствіе этого государство, ограждая общество отъ уголовныхъ преступниковъ, стремится равно и къ огражденію невинныхъ отъ неосновательныхъ и пристрастныхъ обвиненій и стѣсненій и даетъ имъ всѣ средства защиты и оправданія.

Мѣры уголовныхъ взысканій или наказаній обращаются всегда на лицо, на его злую волю и личную отвѣтственность; смерть лица прекращаетъ возможность и необходимость наказанія. Самые штрафы, налагаемые на преступника, имѣютъ иное назначеніе, нежели взысканія гражданскія; послѣднія имѣютъ цѣлію возстановить понесенные убытки и соразмѣряются со степенью потерь; уголовные денежные штрафы, имѣя въ виду обуздать нарушителя посредствомъ матеріальныхъ потерь, соразмѣряются со степенью злой воли преступника и опасностію для общества отъ совершеннаго имъ дѣянія.

Уголовное правосудіе, для постановки своихъ приговоровъ, не довольствуется одними внѣшними доказательствами и матеріальною сообразностію явленій; оно стремится проникнуть въ душевное настроеніе преступника, оцѣнить поводы и причины, побудившіе его совершить запрещенное дѣяніе, и опредѣляетъ наказаніе по внутреннему убѣжденію о степени виновности человѣка.

Иногда уголовное нарушеніе соединяется съ споромъ о гражданскихъ правахъ; въ такомъ случаѣ нарушеніе разбирается въ обоихъ отношеніяхъ и каждое разрѣшается установленнымъ для него порядкомъ судопроизводства.

Указанныя мѣры охраненія и возстановленія права, обезпечивающія порядокъ внутренній каждаго государства, недостаточны для междугосудар-

ственнаго права, такъ какъ государства не имѣютъ надъ собою высшей земной власти и не имѣютъ общаго законодательства, которое опредѣляло бы взаимныя ихъ отношенія.

Поэтому междугосударственное право вырабатываетъ особыя мѣры и средства для своего охраненія и возстановленія, которыя заключаются въ дипломатическихъ переговорахъ, въ обращеніи къ общественному мнѣнію народовъ посредствомъ публичнаго изъясненія дѣла, въ реторсіяхъ, репресаліяхъ и наконецъ въ войнѣ.

Война есть борьба государствъ между собою вооруженною силою. Право войны основывается на началахъ довольно разнообразныхъ, отчасти юридическихъ, отчасти же политическихъ и экономическихъ, которыя не всегда могутъ быть соглашены между собою. Право войны устанавливаетъ только отношенія воюющихъ державъ и границы, въ которыхъ могутъ дѣйствовать вооруженныя силы государствъ; самый же приговоръ войны является результатомъ матеріальнаго перевѣса и успѣха, а потому война не можетъ считаться истинно юридическимъ способомъ охраненія междугосударственнаго права, и отысканіе болѣе вѣрныхъ и юридическихъ мѣръ для разбора и рѣшенія междугосударственныхъ несогласій составляетъ предметъ постоянныхъ помысловъ и стремленій большинства

какъ теоретиковъ, такъ и государственныхъ политиковъ [1]).

118. Раздѣленіе права на роды и виды.

Совокупность права въ его формахъ и осуществленіи представляетъ многоразличные роды и виды, находящіеся во взаимной связи и составляющіе одну общую систему.

Наиболѣе вѣрнымъ и прочнымъ основаніемъ [2]) раздѣленія права на части и отрасли служатъ от-

[1]) Есть однако философы (Гегель), государственные дѣятели (Бисмаркъ, Мольтке) и публицисты, объясняющіе необходимость войны принципіально; вотъ объясненіе Геффтера, извѣстнаго знатока европейскаго междугосударственнаго права: „Ни одинъ общественный союзъ не можетъ разсчитывать“, говоритъ онъ, „на вѣчный миръ. Народы, подобно отдѣльнымъ лицамъ, погрѣшаютъ какъ сами въ себѣ, такъ и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Война служитъ средствомъ очищенія и возстанія послѣ паденія. Золотой вѣкъ, безъ войны и ея необходимости, былъ-бы состояніемъ безгрѣшности народовъ. Война производитъ духовное движеніе, укрѣпляетъ силы, которыя во время мира засыпаютъ, портятся и не приносятъ плодовъ. Во всякомъ случаѣ война служитъ къ возстановленію мира, къ защитѣ противъ неправа и нарушеній свободы разумной воли народовъ“ (Völkerrecht, § 4).

[2]) Наиболѣе давнимъ и употребительнымъ основаніемъ для раздѣленія права на роды и виды принимали понятіе

ношенія человѣческой общественной жизни, изъ которыхъ образуется само право.

Всѣ многоразличныя и разнообразныя отношенія, подлежащія юридическимъ опредѣленіямъ, представляютъ три главные рода: отношенія частныя, государственныя и междугосударственныя; сообразно съ этимъ и нормы права, опредѣляющія эти отношенія, раздѣляются на три главныя области: на право частное, право государственное въ обширномъ смыслѣ или право публичное и право междугосударственное.

Каждая изъ этихъ областей, составляя часть

о правахъ и власти; права, раздѣленныя по предметамъ на вещныя, обязательственныя и семейныя, служили исходною точкою и содержаніемъ системъ частнаго права; власть, раздѣленная на законодательную, правительственную и судебную, служила основаніемъ раздѣленія права публичнаго. Позднѣе предлагали за основаніе дѣленія: различіе законовъ: a) государственныхъ, b) законовъ управленія и законовъ частныхъ, c) законовъ междугосударственныхъ (Тибо); различное положеніе лица въ союзѣ семейномъ, народномъ и церковномъ (Пухта); различіе субъектовъ (частное и публичное право) и объектовъ: право личное, имущественное и обязательственное (Блюме, Варнкёнигъ); по пространству и свойству человѣческихъ союзовъ (государство, человѣчество, церковь) дѣлили право на государственное (частное и публичное), междугосударственное и церковное (Вальтеръ, Меркель); по цѣлямъ человѣческой жизни (Аренсъ), по свойству интересовъ—на частное или гражданское и на публичное право, послѣднее раздѣляютъ на государственное (jus publ. civitatum) и международное (jus inter civitates, inter gentes) (Тарсисъ).

всей области права, раздѣляется на многія вѣтви, подраздѣленія, представляющія извѣстное однородное цѣлое, соединенное общимъ основаніемъ и характеромъ.

Примѣчаніе. Правильное раздѣленіе права имѣетъ важность не только научную, но и практическую. Каждая область права отличается особымъ принципомъ и юридическимъ дѣйствіемъ, и потому то или другое мѣсто, занимаемое частью права въ общей системѣ, сообщаетъ ей въ извѣстной степени различное юридическое значеніе и послѣдствія.

Не должно однако думать, что система права можетъ быть вполнѣ законченною и постоянною; каждое время и государство понимаютъ по своему значеніе, границы и соотношеніе частей права, поэтому систематизація права имѣетъ свою исторію, которая показываетъ, какъ, подъ вліяніемъ условій дѣйствительности, постепенно возникали различныя области права, распредѣлялось между ними содержаніе и устанавливалось отношеніе. У народовъ восточно—кастическихъ многія части государственнаго устройства и полицейскаго порядка принадлежали къ религіозному культу; у грековъ частное право составляло часть права публичнаго. Римляне первые съ совершенною опредѣленностію отдѣлили jus privatum отъ jus publicum, и въ послѣднемъ отличали jus sacrum. Феодализмъ обращаетъ почти всѣ установленія государственныя въ частныя, такъ—процессъ, наказанія, общественныя должности и даже самое государство, и вмѣстѣ съ тѣмъ многимъ частнымъ отношеніямъ даетъ значеніе государственное, напр. наслѣдованію, праву поземельной собственности и т. п. Мечтательное средневѣковое ученіе о всемірномъ христіанскомъ царствѣ, съ его двумя главами, свѣтскимъ и духовнымъ, вызываетъ дѣленіе всей области права на двѣ равносильныя части: jus divinum, pontificum, canonicum и jus humanum, caesareum. Реформація нарушаетъ мысль о единствѣ вѣры и общемъ государствѣ, ут-

верждается начало независимости государствъ, образуется потребность въ правилахъ для отношеній государствъ самостоятельныхъ,—и все это вызвало новую область, право междугосударственное. Въ 16 и 17 вв. въ Европѣ падаетъ крѣпостной бытъ крестьянъ, уничтожается феодальный порядокъ въ оборотѣ (наслѣдованіи, продажѣ, дарѣ) поземельной собственности, развиваются промыслы и торговля, усиливаются финансовыя потребности государствъ,—и все это вмѣстѣ образуетъ области права или совершенно новыя, или мало развитыя дотолѣ: право торговое, таможенное, фабричное, право финансовое. Усиленіе монархическаго начала, (просвѣщенный абсолютизмъ монарховъ) расширяетъ область полиціи. Стремленіе конца 18 и особенно 19 вв. къ уравновѣшенію властей и распредѣленію между ними обязанностей—вызываетъ неизвѣстное дотолѣ раздѣленіе государственнаго права на устройство и управленіе. Наконецъ, ученіе послѣдняго времени объ особенной области права общественнаго возникло, конечно, вслѣдствіе излишняго стѣсненія частной дѣятельности и разлада, который нерѣдко существуетъ между стремленіями правительствъ и обществъ.

I. *Право гражданское или частное* есть совокупность нормъ, опредѣляющихъ частныя отношенія.

Частное право имѣетъ задачею опредѣлить кругъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, въ которомъ они могутъ достигать цѣлей своей личной природы, и въ которой они могутъ дѣйствовать только для себя и для своей жизни.

Потому-то частное право есть преимущественная сфера правъ субъективныхъ, частнаго господства свободы и самоопредѣленія частнаго лица—въ противоположность праву публичному, отличающемуся

началомъ власти и необходимости. Вступать въ частныя отношенія могутъ не только физическія и юридическія частныя лица, но и публичные союзы, установленія и само государство. Установленія и общества вступаютъ въ частныя отношенія тогда, когда дѣйствуютъ ради своихъ собственныхъ индивидуальныхъ потребностей и цѣлей, и являются съ характеромъ частныхъ владѣльцевъ и контрагентовъ.

Указанныя характеристическія черты гражданскаго права не должно понимать въ смыслѣ безусловнаго отличія его отъ права государственнаго: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ право частнаго господства и самоопредѣленія подвергается значительнымъ ограниченіямъ, такъ напр. есть предметы и услуги, которые запрещено продавать и покупать, есть имущества, относительно которыхъ установлены извѣстныя ограниченія въ пользу сосѣдей, есть отношенія, которыя возникаютъ и прекращаются не только по волѣ участниковъ, но и вслѣдствіе закона, мѣръ государственныхъ.

Вообще, въ однихъ институтахъ гражданскаго права характеръ частнаго господства и самоопредѣленія выступаетъ сильнѣе и одностороннѣе, напр. въ правѣ собственности, въ другихъ—онъ соединяется съ чертами государственными, представляя переходъ изъ строгой личной исключительности въ жизнь общую, публичную.

Подобное смѣшеніе характера частнаго и государственнаго права происходитъ оттого, что человѣческая личность, будучи средоточіемъ и конечною цѣлію всего права, приводитъ въ постоянное взаимодѣйствіе жизнь частную и бытъ общественный.

Но отсутствіе рѣзкихъ границъ еще не означаетъ полнаго отсутствія ихъ. Отношенія и права частныя хотя и вырастаютъ на почвѣ общественной, но не подавляются ею: частная жизнь всегда остается до извѣстной степени независимою и отдѣльною отъ общества, а потому личныя цѣли и личное господство въ частныхъ правоотношеніяхъ всегда могутъ служить достаточнымъ и главнымъ признакомъ гражданскаго права.

Все разнообразіе частныхъ отношеній представляетъ различія въ отношеніяхъ личныхъ, имущественныхъ, семейныхъ и наслѣдственныхъ, а потому въ области частнаго права должно отличать право личное, имущественное, семейное и, какъ пополненіе и завершеніе всего организма частныхъ правоотношеній, наслѣдственное [1]).

а) *Правомъ личнымъ* въ обширномъ смыслѣ можно назвать каждое право, такъ какъ каждое

---

[1]) Нерѣдко, особенно въ русской литературѣ гражданскаго права (Мейеръ, Кавелинъ), встрѣчается мнѣніе, что имущественное право составляетъ исключительное содержаніе гражданскаго права, что семейныя отношенія, не имѣя въ существѣ своемъ юридическаго характера, подле-

право связано съ понятіемъ о лицѣ, есть извѣстное обнаруженіе личности. Тѣмъ не менѣе въ общей системѣ правъ нельзя не отличать особеннаго круга правъ, содержаніе которыхъ составляютъ не вещи, дѣйствія или власть надъ лицами, но само лицо, его свойства, положеніе, и которыя поэтому ближе всего можно называть правами личными (Rechte der Person, Zustandsrechte). Права личныя

жатъ праву гражданскому только съ имущественной стороны; прочія же немногія юридическія опредѣленія, касающіяся семейныхъ отношеній, должны быть распредѣлены по другимъ соотвѣтственнымъ областямъ права, такъ: бракъ, союзъ родственный, какъ учрежденія религіозно-нравственныя, должны быть отнесены къ каноническому праву; юридическія отношенія между родителями и дѣтьми, заключающіяся преимущественно въ родительской власти, а равно опеку, состоящую въ заботѣ государства объ участи лицъ, которыя сами не могутъ заботиться о себѣ, должно помѣстить въ государственномъ правѣ.

Нельзя согласиться съ приведенными мнѣніями. Семейныя отношенія, по существу своему, принадлежатъ къ частному праву, потому что семья (хотя и отлична отъ жизни личной) есть сфера индивидуальной жизни человѣка; человѣкъ вступаетъ въ бракъ для себя, для удовлетворенія своей личной жизни.

Юридическое значеніе семьи заключается не въ однихъ отношеніяхъ ея по имуществу. Бракъ, семья, отношенія родителей къ дѣтямъ, суть не обходимыя условія вообще юридическаго порядка; для права въ высшей степени важно, чтобы лица, вступающія въ эти отношенія, были обезпечены въ своемъ положеніи. Потому-то право

отчасти суть только слѣдствія, дальнѣйшее развитіе частной правоспособности, и въ этомъ видѣ относятся преимущественно къ гражданскому праву; отчасти же заключаются въ правахъ лица какъ гражданина, члена различныхъ государственныхъ сферъ, и принадлежатъ къ праву государственному.

Въ гражданскомъ правѣ понятіе о лицѣ составляетъ общее основаніе отношеній имущественныхъ, семейныхъ и наслѣдственныхъ, и потому опредѣленія о лицахъ должны стоять во главѣ системы частнаго права, куда относятся опредѣленія о правоспособности лицъ, о мѣрѣ пользованія ею, объ ограниченіяхъ ея и основаніяхъ этихъ ограниченій.

опредѣляетъ не только имущественную сторону семейства, но и условія его бытія и дѣйствія, способы происхожденія и прекращенія семейныхъ правоотношеній, а равно и юридическія послѣдствія, возникающія изъ вступленія въ семейный союзъ. Юридическій элементъ семейныхъ отношеній получаетъ еще большее значеніе, когда они выходятъ изъ своего ближайшаго круга и оказываютъ вліяніе на другіе роды правоотношеній, напр. на обязанность воспитанія, взаимнаго вспоможенія, на свидѣтельскія показанія и др. Включать отношенія родителей къ дѣтямъ въ государственное право на основаніи понятія о власти значитъ упускать изъ виду, что семейство имѣетъ только отдаленное, первоначальное сходство съ государствомъ, и что власть государственная существенно отлична отъ власти родителей. Нельзя также относить всѣхъ правоотношеній брака къ церковному праву, потому что бракъ состоитъ подъ опредѣленіями церковнаго права только отчасти, въ другихъ же существенныхъ чертахъ подлежитъ другимъ областямъ.

Для удовлетворенія своихъ потребностей, лицо прежде всего нуждается въ предметахъ несвободнаго міра, вещахъ; нормы права, опредѣляющія отношенія лицъ, возникающія изъ господства ихъ надъ вещами, составляютъ *вещное право* (dingliches Recht, Sachenrecht). Та же самая потребность вызываетъ обмѣнъ вещей и услугъ; возникающія отсюда отношенія опредѣляются нормами, совокупность которыхъ составляетъ *право по обязательствамъ* (Obligationsrecht, Forderungsrecht).

Право вещное и право по обязательствамъ могутъ быть соединены въ одну группу, подъ названіемъ права имущественнаго (Vermögensrecht), потому что имущество (слагаясь изъ вещей и дѣйствій или услугъ, подлежащихъ господству человѣка) составляетъ общее ихъ содержаніе.

Въ правѣ вещномъ и правѣ по обязательствамъ отдѣльныя лица являются субъектами самостоятельными и полными, заключающими сами въ себѣ условія для удовлетворенія своихъ потребностей. Но есть кругъ отношеній, также частныхъ, въ которыхъ лицо является недостаточнымъ, именно—въ отношеніяхъ половъ. Пополненіе указанныхъ недостатковъ человѣкъ находитъ въ бракѣ, рожденіи дѣтей, образованіи родственнаго союза и въ установленіи надъ дѣтьми, въ случаѣ преждевременной смерти родителей, опеки, которая служитъ какъ-бы искуственнымъ продолженіемъ семейства. Совокупность возникающихъ отсюда отношеній образуетъ

семейство въ обширномъ смыслѣ, въ которомъ должно отличать бракъ, отношенія родителей къ дѣтямъ, родство и опеку. Установленія и нормы права, опредѣляющія отношенія семейственныя, составляютъ *право семейственное.*

Семейственныя отношенія, имѣя нѣкоторое отдаленное сходство съ отношеніями обязательственными, существенно отличаются отъ нихъ. Послѣднія суть отношенія преходящія, имѣютъ содержаніемъ отдѣльныя дѣйствія лицъ, и предметъ ихъ избирается сторонами свободно. Отношенія семейственныя обнимаютъ цѣлое лицо (но не подавляютъ его, сохраняя за нимъ извѣстную свободу), устанавливаются на время, не ограниченное никакимъ срокомъ, и содержаніе ихъ образуется съ извѣстною необходимостію, опредѣляемою органическою природою людей. Въ отношеніяхъ обязательственныхъ (и вообще имущественныхъ), право опредѣляетъ не только формы ихъ образованія и прекращенія, но и самое содержаніе; въ отношеніяхъ семейственныхъ—оно опредѣляетъ только условія ихъ образованія дѣйствія и прекращенія, т. е. утверждаетъ ихъ юридическое бытіе и средства обезпеченія, предоставляя самое содержаніе отношеній другимъ областямъ.

Смерть лица или по крайней мѣрѣ прекращеніе его правоспособности (въ случаяхъ политической смерти) не уничтожаетъ ни его имущества, ни имущественно-юридической личности. Она прекра-

щаетъ только тѣ отношенія покойника или выбывшаго, которыя существенно и неразрывно связаны съ индивидуальностію лица и не могутъ перейти къ другимъ лицамъ (такъ отношенія семейныя, нѣкоторыя обязательства, напр. личный наемъ, довѣренность). Имущество покойника или выбывшаго разсматривается какъ особое единство и сохраняется до передачи его другимъ надлежащимъ лицамъ. А имущественно-юридическая личность его продолжаетъ существовать въ лицѣ его наслѣдниковъ, которые вступаютъ во всѣ его имущественныя правоотношенія. Совокупность нормъ, опредѣляющихъ наслѣдованіе имуществомъ покойника или выбывшаго, *составляетъ наслѣдственное право.*

Наслѣдственное право занимаетъ въ системѣ гражданскаго права особенное и притомъ заключительное мѣсто какъ по обширности его содержанія, такъ и потому, что основанія для своихъ опредѣленій оно черпаетъ изъ всѣхъ отдѣловъ права частнаго, изъ права личнаго, семейственнаго и имущественнаго.

Къ составу же гражданскаго права относится, въ видѣ особаго отдѣла, торговое право, такъ какъ по существу своему оно отличается частнымъ характеромъ. Отдѣлъ этотъ образовалъ въ новѣйшихъ законодательствахъ обширную отрасль, потому что, съ одной стороны, торговля и кредитъ получили чрезвычайное развитіе, неизвѣстное предшествовав-

шимъ эпохамъ, а съ другой стороны, эта сфера дѣятельности выработала для себя особыя основанія, условія и формы, въ такой степени отличныя отъ общегражданскаго порядка, что для нея оказались недостаточными общегражданскія нормы объ имущественномъ оборотѣ и обязательствахъ и потребовалось спеціальное законодательство.

Новое торговое законодательство не составляетъ однако ни исключительнаго, ни тѣмъ болѣе привилегированнаго права для нѣкоторыхъ классовъ; въ извѣстномъ смыслѣ оно есть право общее, доступное для всѣхъ, которые стоятъ или пожелаютъ стать въ требуемыя торговыя и кредитныя условія.

Примѣчаніе. Область частнаго права выработалась постепенно, и въ различное время и у различныхъ народовъ представлялась въ различномъ видѣ. На первыхъ ступеняхъ цивилизаціи отдѣльныхъ народовъ и цѣлаго человѣчества частныя отношенія и права не имѣютъ самостоятельнаго значенія, подчиняются началамъ публичнаго права, а отношенія чисто публичныя носятъ характеръ частный. Такъ первоначальная форма собственности есть большею частію общинная, земля считается собственностію государства, которое раздаетъ ее отъ своего имени, ограничиваетъ право оборота ея (длинные сроки выкуповъ), прибѣгаетъ нерѣдко къ новымъ передѣламъ земли (Спарта, Аѳины, Римъ); такъ государство не уважаетъ договоровъ и пріобрѣтенныхъ правъ (Грецiя и Римъ нерѣдко освобождали должниковъ отъ обязанности уплачивать свои долги; у Евреевъ были субботніе и юбилейные годы, когда отчужденные наслѣдственные дома и земли въ округѣ Левитскомъ возвращались къ прежнимъ своимъ владѣльцамъ, безъ всякаго вознагражденія послѣднихъ пріобрѣтателей), въ наслѣ-

дованіи даетъ преобладаніе законному порядку (у Евреевъ, Египтянъ, отчасти въ Индіи). Самый бракъ и вообще союзъ семейственный является въ первые періоды цивилизаціи скорѣе установленіемъ религіознымъ или государственнымъ, нежели сферою индивидуальной жизни человѣка (Индійцы, Египтяне, Греки, Римляне). Вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія публичныя носятъ характеръ частный; власть, судъ, даже народъ и государство нерѣдко разсматриваются какъ частное достояніе и подвергаются отчужденію, покупкѣ, наслѣдованію, наравнѣ съ имуществами.

Успѣхи цивилизаціи и развитіе политическое обнаруживаются въ постепенномъ освобожденіи отношеній частныхъ отъ подчиненія праву публичному и въ ограниченіи государственнаго порядка цѣлями публичными. Римляне впервые, въ лучшій періодъ своей юриспруденціи, указали съ особенною ясностію на противоположность между частнымъ и публичнымъ правомъ (хотя въ своей практической государственной жизни они не развили всѣхъ послѣдствій этой противоположности). Средневѣковое патримоніальное государство, территоріальные суды, собственники-администраторы, господство церкви надъ семейнымъ союзомъ и наслѣдственнымъ правомъ, затемнили римское различіе права частнаго отъ публичнаго и лишили лицо прежней самостоятельности. 18-й вѣкъ, въ стремленіи освободить индивидуальное бытіе отъ средневѣковыхъ ограниченій, желалъ найти, по крайней мѣрѣ въ частномъ правѣ, сферу, гдѣ отдѣльное лицо могло бы осуществить, хотя въ маломъ размѣрѣ, свою прирожденную свободу, свое право дѣйствовать безъ стѣсненія, независимо отъ государства.

Отсюда произошло стремленіе рѣзко отдѣлить частное право отъ публичнаго и вообще отъ государства и основать частное право на субъективномъ понятіи о правахъ, отсюда же и самое опредѣленіе частнаго права, какъ совокупности правъ и обязанностей, которые подданные имѣютъ по отношенію другъ къ другу, независимо отъ государства.

Въ настоящее время, наука права, твердо сознавая двойственную природу человѣка и ошибочность выдѣленія личности изъ сферы государственной, назначаетъ праву частному и публичному отдѣльныя и относительно-самостоятельныя области, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремится поставить ихъ въ отношеніе взаимной связи, при которомъ бы они находили другъ въ другѣ надлежащую опору.

II. *Право государственное или публичное* (Staatsrecht, droit public) опредѣляетъ всѣ вообще отношенія, существующія между государствомъ и отдѣльными лицами и общественными сферами, а равно строй самого государства и государственныхъ установленій. Эту часть права иногда называютъ также публичнымъ внутреннимъ правомъ (inneres öffentliches Recht, droit public interne). Право государственное есть выраженіе организованной народной жизни; оно создается въ интересѣ общества и проникнуто духомъ цѣлаго; отдѣльныя лица являются въ немъ не самостоятельными субъектами, дѣйствующими по своему усмотрѣнію и для себя, а подчиненными членами, исполняющими требованія общества и служащими для его цѣлей. Впрочемъ не всѣ отрасли публичнаго права выражаютъ въ равной степени общій духъ и интересы цѣлаго; однѣ изъ нихъ проникнуты имъ полнѣе и строже (напр. право конституціонное, право государственной службы, право финансовое), другія слабѣе (напр. многія отрасли благоустройства), и приближаются, по своимъ элементамъ, къ праву частному.

Права публичныя вполнѣ зависятъ отъ государства: они создаются нормами права и прекращаются вмѣстѣ съ отмѣною послѣднихъ; государство можетъ измѣнять ихъ, передавать другимъ, давая при этомъ вознагражденіе частнымъ лицамъ только изъ видовъ благоразумія и снихожденія, но не по требованіямъ права. Дѣятели и исполнители публичнаго права суть только временные представители его, дѣйствующіе въ предѣлахъ своихъ полномочій и обязанностей; замѣна однихъ агентовъ другими не измѣняетъ ни содержаніи, ни дѣйствія публичнаго права.

Право публичное (въ смыслѣ субъективномъ) всегда отличается характеромъ власти, господства (imperium); высшее право власти въ государствѣ называется верховнымъ, державнымъ.

Права власти въ государственномъ смыслѣ существенно отличаются отъ власти возникающей изъ обязательствъ.

Послѣдняя господствуетъ только надъ вещною стороною дѣйствій лицъ, и самыя дѣйствія способны поэтому къ оцѣнкѣ и замѣнѣ равноцѣннымъ. Права же власти государственной представляютъ дѣйствительное господство надъ лицами, но чужды имущественнаго характера (кромѣ рѣдкихъ исключеній), не подавляютъ свободы лица, обнаруживаются опредѣленнымъ образомъ и въ опредѣленныхъ направленіяхъ.

Область публичнаго права въ настоящее время чрезвычайно развилась и усложнилась и состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ отраслей, образовавшихся на тѣхъ основаніяхъ и цѣляхъ, которыя считаются главными и необходимыми принадлежностями государственой жизни. Государство, какъ единая народная жизнь, имѣеть свою организацію, управленіе, свои матеріальныя потребности и средства удовлетворенія ихъ; государство обязано защищать право, возстановлять его нарушеніе, устранять общественныя бѣдствія, содѣйствовать матеріальнымъ и духовнымъ силамъ общества. Всѣ эти главныя основанія и цѣли образуютъ особые роды отношеній, которыя опредѣляются [1]) правомъ государственнымъ, правомъ финансовымъ, уголовнымъ, судебнымъ (гражданское и уголовное судопроиводство), полицейскимъ и церковнымъ.

Право государственное, въ тѣсномъ смыслѣ, опредѣляетъ отношенія, касающіяся непосредственно государственнаго строя и порядка и раздѣляется на два отдѣла: государственное устройство и государственное управленіе.

---

[1]) Публичное или государственное право въ обширномъ смыслѣ развилось въ такой полнотѣ лишь во времена новыя: многія изъ указанныхъ отраслей ни въ классическомъ мірѣ, ни въ средніе вѣка не имѣли ни государственной организація, ни даже юридическихъ опредѣленій, таковы общественное призрѣніе, кредитъ, мн. др. составляющія содержаніе полицейскаго права.

а) *Государственное устройство* (Verfassungsrecht, constitution, droit politique) опредѣляетъ организацію государства и правительства; въ него входятъ: государственныя учрежденія, способы и предѣлы дѣйствій главныхъ видовъ государственной власти, отношенія ихъ къ обществу и общественнымъ классамъ и учрежденіямъ, положеніе главы государства, отношенія его къ законодательству, управленію дѣлами внутренними и внѣшними, образованію и распоряженію государственными средствами и силами.

Сюда же относится опредѣленіе правъ подданныхъ и вообще пребывающихъ въ государствѣ. Права подданныхъ раздѣляютъ обыкновенно на политическія и гражданско-политическія; первыя опредѣляютъ мѣру участія гражданъ въ политической жизни государства, т. е. законодательствѣ, управленіи государственными дѣлами, въ разрѣшеніи государственныхъ налоговъ и расходовъ, а также порядокъ и способы пользованія политическими правами посредствомъ составленія собраній, петицій, выборовъ, представленій и т. п. Вторыя касаются вообще положенія отдѣльныхъ лицъ въ государствѣ и составляютъ болѣе или менѣе необходимое условіе общественной правоспособности лица; сюда относятся: право постояннаго мѣстожительства, право натурализаціи, право исповѣданія вѣры и богослуженія, право свободнаго выхода и сношеній и т. п.

Главнѣйшія, коренныя положенія государственнаго права составляютъ содержаніе т. называемыхъ основныхъ, учредительныхъ правъ и конституціонныхъ хартій, хотя нѣтъ необходимости, какъ видно изъ примѣровъ, чтобы они заключались въ одномъ законодательномъ актѣ, и даже вообще, чтобы были облечены въ особую законодательную форму.

б) *Государственное управленіе* (Verwaltungsrecht, administration, droit administratif). Управленіе или администрація приводитъ въ дѣйствіе силы государства на основаніи началъ и формъ, опредѣленныхъ государственнымъ устройствомъ, и исполняетъ всѣ мѣры, предписанныя закономъ и государственною властію. Къ государственному управленію должно отнести слѣд. части: 1) организацію управленія: учрежденія центральныя и мѣстныя; 2) организацію административнаго служебнаго класса; 3) правила, опредѣляющія предметы, порядокъ и способы дѣйствій административныхъ учрежденій и лицъ при исполненіи своихъ обязанностей и принятіи мѣръ, указываемыхъ закономъ и государственною властію.

Иногда совокупность высшихъ административныхъ учрежденій называютъ правительствомъ; но это не вполнѣ точно, потому что правительство обнимаетъ не только руководство и исполненіе, но и дѣятельность законодательную, и выражаетъ собою вообще ту верховную государственную власть, которая связуетъ всѣ силы и отправленія государства и сообщаетъ имъ единство и движеніе.

Къ государственному праву въ тѣсномъ смыслѣ должно отнести, въ видѣ спеціальнаго отдѣла, военное право (droit militaire, Militärrecht), такъ какъ войско и военная организація составляютъ существенную принадлежность государственной жизни.

Военное право опредѣляетъ особыя отношенія военнаго состоянія и можетъ быть разсматриваемо какъ изъятіе изъ общаго юридическаго порядка. Военное право, въ смыслѣ тѣсномъ, котораго придерживаются въ настоящее время, содержитъ въ себѣ: a) устройство военныхъ силъ и учрежденій и порядокъ дѣйствія военныхъ силъ, b) дисциплинарныя правила о служебныхъ отношеніяхъ лицъ военнаго состоянія и о мѣрахъ взысканій за нарушеніе военной дисциплины.

Къ военному праву въ обширномъ смыслѣ, который господствовалъ въ прежнее время, относили особое частное и уголовное право для лицъ военнаго состоянія.

Примѣчаніе. Военное право основано отчасти на особенной природѣ военной службы, отчасти на стремленіи усвоить военному состоянію отдѣльное, нерѣдко привилегированное, общественное положеніе. Зачатки военнаго права были уже въ римскомъ правѣ, (которое допускало различныя изъятія въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ для служившихъ въ войскѣ), но главнымъ источникомъ ему послужили обычаи феодальныхъ ополченій, ленныхъ курій и рыцарства. Съ учрежденіемъ постоянныхъ армій образовалась обширная область военнаго права, которая впрочемъ занималась не столько устройствомъ военныхъ силъ и учреж-

деній, сколько регламентарными правилами военной службы и утвержденіемъ за военнымъ состояніемъ особаго привилегированнаго положенія въ сферѣ права частнаго, уголовнаго, состояній и суда. Въ 19 ст., послѣ Вѣнскаго конгресса, подъ вліяніемъ наступившаго продолжительнаго мира, ослабленія сословныхъ отличій и утвержденія равенства передъ закономъ, отдѣлъ военнаго права, опредѣлявшій привилегированное положеніе военнаго класса, постепенно сглаживается и сокращается; военные подчиняются общему праву частному, уголовному, общему суду; остаются только немногія исключенія, обусловленныя самимъ свойствомъ военной службы (напр. въ личномъ задержаніи, въ пріостановленіи частныхъ процессовъ лицъ военнаго состоянія, иногда въ способѣ составленія завѣщаній и въ нѣкот. др.). Въ замѣнъ того развивались и расширялись отдѣлы, занимавшіеся военными учрежденіями и организаціею военныхъ силъ. Въ такомъ видѣ военное право существуетъ нынѣ почти во всѣхъ европейскихъ континентальныхъ государствахъ.

в) *Управленіе государственнымъ хозяйствомъ или финансовое право* (Finanzrecht, Kameralrecht, finances). Государство, для удовлетворенія своихъ потребностей, нуждается въ извѣстныхъ матеріальныхъ средствахъ, совокупность которыхъ составляетъ государственное достояніе, принадлежащее цѣлому государству. Дѣятельность государства, направленная къ сохраненію государственнаго достоянія, къ пріобрѣтенію доходовъ и надлежащему употребленію расходовъ, можетъ быть названа государственнымъ хозяйствомъ въ тѣсномъ смыслѣ (государственное хозяйство въ обширномъ смыслѣ обнимаетъ и хозяйство народное), и принадлежитъ

къ числу важнѣйшихъ и существенныхъ задачъ правительства. Нормы права, опредѣляющія порядокъ государственнаго хозяйства, систему государственныхъ сборовъ и порядокъ расходованія оныхъ, составляютъ финансовое право или управленіе государственнымъ хозяйствомъ.

г) *Полицейское право* (Polizeirecht, police). Обширная отрасль правительственной дѣятельности, направленная къ сохраненію общественной безопасности и содѣйствію общественному благосостоянію, составляетъ предметъ государственной полиціи въ обширномъ смыслѣ.

Невозможно опредѣлить со всею полнотою и постоянствомъ всѣ отношенія и предметы, входящіе въ область полицейскаго права; оно бываетъ шире и уже, смотря потому, въ какой степени государство считаетъ возможнымъ и полезнымъ примѣненіе полицейской власти къ жизни общественной, и въ какой степени отдѣльныя лица и общественные союзы способны къ самостоятельному веденію своихъ дѣлъ. Въ каждой странѣ и въ каждую эпоху, понятія о порядкѣ, безопасности, о степени необходимости попеченій правительства, бываютъ различны. Впрочемъ, въ образованныхъ нынѣшнихъ государствахъ область полицейскаго права въ общихъ чертахъ довольно сходна, и представляетъ обыкновенно два отдѣла: *полицію безопасности*, *благочиніе или полицейское право* въ тѣсномъ смыслѣ

(Sicherheitspolizei, Zwangspolizei (Лётце), police de l'état, police и др.), *и полицію благоустройства или благоустройство* (Wohlfahrtspolizei, Hülfspolizei-Pflege, administration и др.).

Къ первому отдѣлу относятъ: мѣры къ сохраненію внутренняго бытія и порядка государства (высшая полиція), къ сохраненію безопасности лицъ, имуществъ, оборотовъ, общественныхъ нравовъ, мѣры народнаго продовольствія, здоровья. Полиція благоустройства обнимаетъ мѣры государства, содѣйствующія интересамъ общества духовнымъ (Culturpolizei), какъ-то: церкви, просвѣщенію, наукѣ, нравамъ, и интересамъ матеріальнымъ (Volkswirthschafspolizei), какъ-то: сельско-хозяйственнымъ, ремесленнымъ, фабричнымъ, торговлѣ, кредиту, путямъ сообщеній и под.

Мѣры благочинія, составляя необходимое условіе сохраненія существующаго, отличаются характеромъ преимущественно отрицательнымъ, состоящимъ въ наблюденіи, предупрежденіи и прекращеніи явленій и дѣйствій, нарушающихъ общежитіе и безопасность. Мѣры благоустройства дѣйствуютъ преимущественно положительно посредствомъ возбужденія, содѣйствія, устройства вспомогательныхъ учрежденій.

д) *Уголовное право* (droit pénal, Strafrecht, Kriminalrecht) опредѣляетъ отношенія, возникающія изъ преступленій и наказаній (о существѣ преступле-

нія и наказанія и публичномъ значеніи уголовнаго права изложено подробнѣе въ главѣ о нарушеніяхъ права).

е) *Судебное право* (Processrecht, droit judiciaire) содержитъ въ себѣ совокупность нормъ, опредѣляющихъ учрежденіе, порядокъ и способы дѣйствій судебныхъ властей, а также сторонъ, являющихся передъ судомъ. Судебное право раздѣляется на гражданское или частное и уголовное; каждая изъ этихъ отраслей состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: одинъ опредѣляетъ учрежденія судебныхъ властей и называется судоустройствомъ (Gerichtsverfassung, organisation judiciaire); другой опредѣляетъ порядокъ, способы и формы судебныхъ дѣйствій и называется судопроизводствомъ (Gerichtsverfahren, procédure judiciaire) [1]).

Къ судебному праву, въ обширномъ смыслѣ,

---

[1]) Частное судебное право, особенно отдѣлъ его—судопроизводство, нерѣдко относили къ частному праву, на томъ основаніи, что оно устанавливается въ интересѣ частныхъ лицъ и занимается разбирательствомъ спорныхъ частныхъ правоотношеній. Но, имѣя въ виду, что защита частнаго права, какъ и публичнаго, лежитъ равно на государствѣ, что судебное частное право, охраняя частныхъ лицъ, служитъ цѣлому общественному порядку, и что въ способахъ дѣйствія суда, въ правѣ лицъ обращаться къ суду и дѣйствовать на судѣ выражается гражданско-политическое положеніе лицъ въ государствѣ, кажется болѣе справедливымъ относить судебное частное право во всемъ его объемѣ къ области публичнаго права.

относятъ также производство охранительное и производство дѣлъ безспорныхъ, имѣющее своимъ предметомъ утвержденіе правоотношеній, сообщеніе актамъ надлежащей достовѣрности, публичности, охраненіе правъ на будущее время (вводъ во владѣніе, сбереженіе имущества наслѣдниковъ), взысканіе по безспорнымъ документамъ и др. Охранительное судопроизводство, возлагаемое частію на суды, частію на особыя нотаріальныя, общественныя и полицейскія учрежденія, относится, по существу своему, къ судебному гражданскому праву или частному судопроизводству.

Къ судебному же праву, въ обширномъ смыслѣ, причисляютъ еще, какъ отдѣльную спеціальную вѣтвь, *судебное административное право или административную юстицію* (Verwaltungsrechtspflege, Administrativjustiz, justice administrative), которая опредѣляетъ порядокъ разрѣшенія дѣлъ въ случаѣ споровъ или столкновеній властей и учрежденій государственныхъ и общественныхъ между собою или съ гражданскими и публичными правами частныхъ лицъ и обществъ. Образованіе этой вѣтви судебнаго права основываютъ на томъ, что спорныя дѣла, соединенныя съ интересомъ государственнымъ или публичнымъ, должны быть изъяты изъ-подъ дѣйствія общей судебной власти и разрѣшаться особымъ порядкомъ. Кругъ предметовъ, подлежащихъ административной юстиціи, опредѣляется въ различныхъ государствахъ

различно; самый же способъ производства дѣлъ отличается быстротою и особенными мѣрами и правилами, обезпечивающими охраненіе и даже преобладаніе интереса государственнаго. Административная юстиція, по своей природѣ и цѣлямъ, есть скорѣе изъятіе изъ общаго судебнаго порядка, нежели самостоятельная вѣтвь судебнаго права, и занимаетъ среднее мѣсто между административнымъ и судебнымъ правомъ.

ж) *Церковное или каноническое право* въ обширномъ смыслѣ опредѣляетъ вообще весь внутренній и внѣшній порядокъ церкви, въ смыслѣ же тѣсномъ и притомъ юридическомъ къ церковному праву относится: церковная организація, управленіе и немногія опредѣленія, касающіяся частныхъ отношеній (брачныхъ).

Общій взглядъ христіанскихъ народовъ признаетъ, что церковь, какъ организованное общество вѣрующихъ, не есть произведеніе государства и должна пользоваться, въ принадлежащей ей области, извѣстною аутономіею и особымъ правомъ, созданнымъ сообразно ея догмѣ и культу. Пользуясь такою самостоятельностью въ развитіи своего права, церковь и установленныя ею нормы получаютъ юридическое значеніе лишь вслѣдствіе признанія ихъ государствомъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ юридическія отношенія церкви къ себѣ и къ другимъ общественнымъ установленіямъ. На этомъ осно-

ваніи церковное право, въ мѣрѣ своего юридическаго содержанія, должно быть относимо къ публичному праву въ обширномъ смыслѣ.

Объемъ и значеніе церковнаго права въ различныя времена и въ различныхъ государствахъ весьма разнообразенъ, смотря по различію религіозныхъ догмъ (магометанской, католической, протестантской, православной), по основаніямъ и характеру государственнаго устройства обществъ.

III. *Право междугосударственное* (называется также общенароднымъ, международнымъ, публичнымъ внѣшнимъ—droit international, Völkerrecht, droit public externe, äusseres öffentliches Recht) опредѣляетъ отношенія между государствами, какъ самостоятельными цѣлыми и членами международнаго союза. Субъекты междугосударственнаго права суть союзы людей (государства, или же политическія соединенія нѣсколькихъ союзовъ, пользующихся въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ извѣстною самостоятельностію, напр. С.-Американскіе Штаты, но представляющихъ въ междугосударственныхъ отношеніяхъ одну единицу), дѣйствующіе какъ одно цѣлое, сами опредѣляющіе свои цѣли, не подчиненные никакой внѣшней земной власти и признанные международнымъ союзомъ.

Междугосударственное право опредѣляетъ также и нѣкоторыя отношенія сувереновъ, дипломатическихъ агентовъ, консуловъ и частныхъ лицъ; субъ-

екты этого рода являются однако въ междугосударственномъ правѣ не самостоятельно, но по связи съ своимъ государствомъ; взятые отдѣльно отъ своихъ государствъ, они суть лица частныя, субъекты частнаго или публичнаго права.

Мирныя отношенія народовъ составляютъ главное содержаніе междугосударственнаго права, такъ какъ мирное состояніе есть нормальное, основное, и самая война должна быть только путемъ къ миру. На этомъ основаніи междугосударственное право заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: a) о субъектахъ междугосударственнаго права, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, правахъ и обязанностяхъ; b) объ объектахъ междугосударственнаго права: о государственной территоріи, сушѣ, морѣ, о рѣкахъ, корабляхъ, мореплаваніи, о правахъ частныхъ лицъ, на сколько они могутъ быть опредѣляемы междугосударственнымъ правомъ, и др.; c) о способахъ возникновенія, дѣйствія и прекращенія междугосударственныхъ правъ; d) о способахъ и органахъ междугосударственныхъ сношеній.

Междугосударственное право во время размирья или процессуальное междугосударственное право (das Recht des Unfriedens, Actionenrecht, Völkerprocessrecht) опредѣляетъ порядокъ и способы охраненія и возстановленія права, которые заключаются въ дипломатическихъ переговорахъ, въ обращеніи къ общественному мнѣнію публич-

нымъ изъясненіямъ дѣла, въ реторсіяхъ, репрессаліяхъ и наконецъ въ войнѣ. Къ праву войны должно отнести и тѣ установленія, которыя хотя не составляютъ средствъ защиты междугосударственнаго права, и отличаются особою природою, но вызываются войною и находятся съ нею въ тѣсной связи, какъ-то: право нейтралитета, право временнаго владѣнія (Zwischenherschaft, interrègne) и такъ наз. jus postliminii.

Примѣчаніе. Междугосударственное право есть отрасль права самостоятельная. Междугосударственныя отношенія, основанныя на началахъ суверенности и равноправности государствъ, и на особыхъ условіяхъ и цѣляхъ междугосударственнаго союза, совершенно отличны отъ отношеній личныхъ и государственныхъ внутреннихъ и потому не могутъ разрѣшаться на основаніи частнаго или публичнаго права и требуютъ нормъ особыхъ, основанныхъ на принципахъ междугосударственной жизни; нѣкоторыя отношенія междугосударственнаго права даже не мыслимы въ жизни частной или внутренне-государственной, напр. нейтралитетъ, посольства, война и др.

Самая форма междугосударственнаго права отличается характеристическими чертами. Государства, не подчиняясь высшему земному господству, не имѣютъ общей власти законодательной, а тѣмъ болѣе исполнительной. Они какъ-бы добровольно, по собственному побужденію, подчиняются междугосударственному закону и выполняютъ его; оттого междугосударственное право не имѣетъ ни общаго кодекса, ни непосредственной принудительности.

Но отсутствіе высшей законодательной власти и кодексовъ не лишаетъ международныхъ правилъ юридической силы, потому что „на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи все право возникаетъ не дѣйствіемъ законодательной власти, а силою собственной необходимости“ (Геффтеръ). Равнымъ образомъ, международное право обладаетъ своего рода принудительною властію, которая лишь обнаруживается не такъ непосредственно и наглядно, какъ въ другихъ областяхъ права. Государства, достигшія извѣстной степени культуры, имѣютъ непремѣнную потребность выйти изъ своего изолированнаго положенія и вступить въ союзъ международственный, а для этого они должны подчиняться международственному порядку и сообща поддерживать и сохранять его силу и дѣйствіе. Примѣры новыхъ временъ показали, что рѣшительное попраніе международственнаго права вызывало общій и непреоборимый отпоръ; конечно, необходимое условіе такого отпора заключается въ большемъ или меньшемъ равновѣсіи государствъ. Извѣстная принудительная власть заключается также и въ общественномъ мнѣніи, которое, дѣйствуя хотя не прямо и непосредственно, но въ теченіе продолжительнаго времени и съ извѣстнымъ постоянствомъ, образуетъ силы и событія, возстановляющія право и обуздывающія произволъ.

Примѣчаніе I. Нѣкоторые присоединяютъ къ международственному праву, въ видѣ особаго отдѣла, такъ наз.

дипломатію (напр. у Геффтера она изложена въ 3 кн. подъ заглавіемъ: о формахъ международныхъ сношеній). Противъ этого справедливо замѣчаютъ, что часть дипломатіи, опредѣляющая органы междугосударственныхъ сношеній (internationales Beamtenrecht), должна быть распредѣлена между соотвѣтственными отдѣлами междугосударственнаго права. Тѣ же части дипломатіи, которыя касаются технической стороны междугосударственныхъ сношеній, напр. веденія дипломатическихъ переговоровъ, составленія дипломатическихъ актовъ, корреспонденцій и т. под., составляютъ скорѣе практику, искусство примѣненія права, нежели право.

Многіе публицисты (Феликсъ, Массе, Оппенгеймъ) вводятъ въ систему междугосударственнаго права т. н. частное междугосударственное право (иногда даже раздѣляютъ междугосударственное право на 2 части—на частное и публичное), опредѣляющее отношенія между подданными различныхъ государствъ, или вообще отношенія, въ какихъ могутъ стоять иностранцы по поводу правоспособности, имуществъ, актовъ и т. д. Едва ли это вѣрно. Большинство нормъ такъ называемаго частнаго междугосударственнаго права принадлежитъ по своему существу къ частному или публичному праву; немногія же чисто междугосударственныя нормы, касающіяся частныхъ отношеній, очевидно, должны быть распредѣлены по соотвѣтственнымъ отдѣламъ публичнаго междугосударственнаго права.

Примѣчаніе II. Зачатки междугосударственнаго права можно видѣть еще у народовъ древнихъ, которые соблюдали во взаимныхъ между собою отношеніяхъ, напр. въ образѣ веденія войны, дарованіи убѣжища, пріемѣ посольствъ, извѣстные обычаи и правила. Римское jus gentium заключало въ себѣ какъ право общее всѣмъ людямъ, такъ и право, касавшееся отношеній государствъ. Впрочемъ немногіе междугосударственные обычаи и правила древнихъ народовъ имѣли значеніе скорѣе требованій религіозныхъ и нравственныхъ, нежели юридическихъ.

Междугосударственное право, въ смыслѣ самостоятельной области права, возникло только тогда, когда государства образовались въ твердые союзы, когда утвердилось понятіе о независимости и равноправности государствъ, и когда между народами установилась такая общность интересовъ и связей, при которой необходимо было постоянное общеніе, обезпеченное какою-либо твердою нормою. Эти условія представились къ концѣ 16 в., особенно послѣ Вестфальскаго мира, и съ этихъ поръ ведетъ свое начало междугосударственное право, какъ особая, самостоятельная вѣтвь права.

Новый порядокъ вещей въ политической жизни европейскихъ государствъ утверждался однакоже медленно, а потому первоначальное междугосударственное право отличалось крайнею шаткостію началъ и смѣшеніемъ разнородныхъ элементовъ. Такъ, война служила исходнымъ началомъ, и всѣ установленія междугосударственнаго права разсматривались съ односторонней точки зрѣнія войны, жизнь государствъ уподоблялась жизни отдѣльныхъ лицъ и циви листическія начала прилагались къ отношеніямъ государствъ. Самый принципъ самостоятельности государствъ, сдѣлавшійся послѣ Вестфальскаго мира основнымъ закономъ междугосударственной европейской жизни, доведенный до крайности, послужилъ ко вреду: государства стали стремиться къ образованію изъ себя совершенно независимыхъ обособленныхъ цѣлыхъ, и упускали изъ виду, что въ понятіи о правѣ необходимо лежитъ мысль о границѣ, и что послѣдовательное и полное осуществленіе принципа независимости государствъ должно повести къ ослабленію и даже разложенію междугосударственнаго союза и права.

Съ теченіемъ времени многіе изъ указанныхъ недостатковъ были устранены. Но при всемъ томъ, по ясности и твердости принциповъ, по опредѣленности содержанія и обработкѣ системы, по твердости мѣръ охраненія и возста-

новленія нарушеній, междугосударственное, право отличается значительною слабостію, и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно есть самая юная и не окрѣпшая часть права.

О научныхъ методахъ и способахъ изученія права.

Дѣйствительность представляетъ безконечное множество явленій міра физическаго и духовнаго, разрозненныхъ и отличныхъ другъ отъ друга. Внимательное изученіе однако открываетъ, что въ явленіяхъ повидимому несходныхъ и отдаленныхъ дѣйствуютъ однѣ и тѣ же силы и связи, вслѣдствіе чего является возможность сократить необозримое число явленій въ обозримое число причинъ и законовъ. Законъ, въ смыслѣ научномъ, указываетъ и опредѣляетъ связь однихъ явленій съ другими, отъ которыхъ они зависятъ.

Наука есть совокупность познаній о законахъ, управляющихъ явленіями дѣйствительнаго міра. Польза и господство не всегда служатъ непосредственными и прямыми цѣлями научныхъ занятій. Изслѣдователь, начиная свой трудъ, не можетъ знать, куда приведутъ его факты и въ какую связь онъ долженъ будетъ поставить свой предметъ съ другими явленіями. Но открывая законы явленій, наука служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользѣ и власти человѣка, потому что даетъ ему возможность управлять явле-

ніями и приспособлять ихъ къ условіямъ и успѣхамъ своей жизни,

Развитіе науки совершается одновременно въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны наука разлагаетъ явленія, вслѣдствіе чего происходитъ *спеціализація* знанія: образуются новыя области наукъ, которыя въ свою очередь развѣтвляются на столь многія части, что трудно обозрѣть ихъ во всемъ объемѣ, и каждый изслѣдователь вынужденъ выбирать для своихъ занятій какой-либо небольшой отдѣлъ.

Съ другой стороны происходитъ *обобщеніе*, которое вноситъ въ самыя отдаленныя отрасли господство общихъ законовъ, соединяетъ всю систему знанія единствомъ и взаимностію силъ, и даетъ возможность спеціалистамъ находиться въ единеніи со всею современною наукою и пользоваться ея результатами.

Человѣческая мысль изслѣдуетъ и изучаетъ явленія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, двумя путями или методами: анализомъ и синтезомъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои точки отправленія, свои пріемы и характеръ.

Анализъ, или методъ разложенія, изслѣдуетъ частныя положенія, разлагаетъ данное явленіе на его элементы и въ каждомъ стремится найти связь его съ послѣдующими и предъидущими. Синтезъ, или методъ построенія, выходитъ изъ положеній

общихъ, уже существующихъ или принятыхъ, и къ нимъ подводитъ всѣ зависящіе отъ нихъ положенія и факты. Синтезъ объясняетъ явленія, нисходя къ нимъ; онъ возстановляетъ предметъ, разложенный анализомъ, и опредѣляетъ его положеніе въ общей системѣ.

Иногда для обозначенія методовъ употребляютъ названія индукція и дедукція. Названія эти, принятыя въ обширномъ смыслѣ, соотвѣтствуютъ анализу и синтезу. Индукція или наведеніе, прилагая законъ, вѣрный для отдѣльнаго случая, на всѣ сходные съ нимъ случаи, должна уединить факты, разложить ихъ до возможныхъ предѣловъ, т. е. идти отъ частнаго, и слѣдовательно есть процессъ аналитическій; дедукція или выведеніе, выходя изъ общаго и подводя подъ него всѣ частныя положенія и опредѣляя ихъ зависимость въ цѣломъ построеніи, есть очевидно процессъ синтетическій.

Анализъ и синтезъ суть два пріема одной и той же познавательной силы и ведутъ къ одной цѣли.

Каждый изъ нихъ служитъ повѣркою для другаго; наиболѣе вѣрна та истина, къ которой можно дойти обоими путями. Успѣхъ анализа обусловливаетъ совершенство синтеза, и предѣлъ одного, если только онъ возможенъ, былъ бы завершеніемъ другаго. Такимъ образомъ анализъ и синтезъ не только не исключаютъ другъ друга, но взаимно необходимы и въ извѣстной степени неотдѣлимы одинъ отъ другаго.

Впрочемъ, непрерывность связи анализа и синтеза не должно понимать въ смыслѣ связи постоянно равной. Въ общемъ ходѣ развитія человѣческаго знанія является преобладаніе того или другаго; бывали періоды аналитическіе, когда мысль человѣка изслѣдовала по преимуществу частныя положенія и добывала новыя данныя; вслѣдъ за тѣмъ наступали періоды преимущественно синтетическіе, стремившіеся соединить накопленный матеріалъ въ одну систему. Въ послѣдовательной смѣнѣ преобладанія методовъ, каждый методъ нерѣдко приписывалъ только себѣ способность двигать науку и объявлялъ другой методъ несостоятельнымъ.

Въ самой природѣ анализа и синтеза заключаются ихъ относительное достоинство и недостатки. Анализъ, выходя изъ частнаго, ближе держится явленій, тверже руководится своею цѣлію, неспособенъ служить послушнымъ орудіемъ предвзятыхъ положеній и авторитетовъ, и потому скорѣе и свободнѣе ведетъ къ открытіямъ и господствуетъ обыкновенно въ періоды, когда умъ человѣка стремится расширить тѣсный кругъ знаній и найти начала новыя. Синтезъ, выходя изъ общаго, вноситъ единство въ необозримую массу фактовъ, пріобщаетъ ихъ къ кругу законовъ болѣе общихъ и указываетъ систему цѣлаго; но за то болѣе склоненъ удаляться отъ своего предмета, соединять разнородное, и часто служитъ опорою тѣхъ универсальныхъ положеній,

которыя держатся только авторитетомъ, не имѣя реальнаго основанія.

Методы не даютъ сами собою знанія; производящая сила знанія принадлежитъ во всякомъ случаѣ труду и личной способности. *Методы суть* только пути и *пріемы*, которые должна употреблять мысль, ища истину; но правильное приложеніе и дѣйствіе этихъ орудій чрезвычайно важно: оно охраняетъ отъ напрасной потери силъ и ошибокъ, ведетъ прямѣе къ отысканію истины и вырабатываетъ научную достовѣрность.

Истинно научный методъ требуетъ послѣдовательнаго и постепеннаго перехода отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, будетъ-ли это восхожденіе отъ частнаго къ общему, или обратно; необходимо, чтобы каждый послѣдующій шагъ былъ связанъ съ предъидущимъ самымъ строгимъ и притомъ полнымъ образомъ. Во-вторыхъ, онъ требуетъ повѣрки каждаго шага изслѣдованія какъ съ природою предмета и требованіями мысли, такъ и съ совокупностію всѣхъ явленій и законовъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ изслѣдуемому вопросу.

Необходимость послѣдовательности и повѣрки не исключаетъ возможности и пользы гипотезъ или предположеній: наука не развивается по заранѣе составленному плану, въ которомъ бы одна нить послѣдовательно возникала за другою. Весьма часто среди изслѣдованій обнаруживается недостатокъ до-

казательствъ, или является фактъ отличный отъ другихъ извѣстныхъ, или наконецъ мысль вступаетъ въ сферы такія сложныя и отдаленныя, которыхъ нельзя обнять сразу и во всей полнотѣ. Въ подобныхъ случаяхъ помогаютъ гипотезы, т. е. предположительныя объясненія. Гипотезы существовали всегда и во всѣхъ областяхъ знанія и будутъ существовать, доколѣ не исчерпанъ міръ знанія. Но необходимо отличать гипотезы простыя отъ научныхъ. Первыя не представляютъ ни основаній, ни доказательствъ, суть произвольныя догадки ума, поверхностныя чаянія истины; вторыя основываются на извѣстныхъ фактахъ, аналогіяхъ, приводятъ въ свою пользу доказательства, и стремятся стоять въ связи со всѣми извѣстными соприкосновенными законами; гипотезы послѣдняго рода, даже ложныя, оказываютъ ту услугу, что вводятъ неизвѣстное явленіе въ систему законовъ извѣстныхъ, и этимъ облегчаютъ возможность убѣдиться въ ихъ истинности или невѣрности.

Анализъ и синтезъ, индукція и дедукція, имѣютъ основаніе въ природѣ человѣческой мысли, а потому существовали всегда и вездѣ, и суть методы всеобщіе, приложимые во всѣхъ наукахъ. Несправедливо, будто-бы могутъ быть науки исключительно аналитическія или индуктивныя, или исключительно синтетическія или дедуктивныя. Всѣ науки должны употреблять анализъ или наведеніе отъ фактовъ и

синтезъ или построеніе изъ понятій и данныхъ уже изслѣдованныхъ. Но конечно каждый предметъ знанія имѣетъ особую природу и особую задачу, и потому синтезъ и анализъ, оставаясь тождественными въ основаніи, подвергаются извѣстнымъ видоизмѣненіямъ, смотря по свойству предметовъ. Одно изъ важнѣйшихъ и коренныхъ отличій анализа и синтеза наукъ физическихъ и наукъ гуманныхъ состоитъ въ употребленіи первыми опыта и вторыми наблюденія. Различіе между опытомъ и наблюденіемъ такъ существенно и тѣсно связано съ природою наукъ физическихъ и гуманныхъ, что можно съ большимъ основаніемъ называть первыя науки опытными, а вторыя—наблюдательными.

Опытъ есть искуственное воспроизведеніе явленія; возможность его основана на неизмѣняемости и равенствѣ явленій и на способности ихъ подчиняться непосредственной власти и дѣйствію человѣка. Посредствомъ опыта наука можетъ воспроизвести явленіе столько разъ, сколько нужно для изученія, можетъ уединить его отъ постороннихъ вліяній, можетъ остановить процессъ на каждой ступени и изучать его въ покоѣ; посредствомъ же опыта можно измѣнять условія явленія, присоединяя къ нему такіе элементы, которые не встрѣчаются въ сочетаніяхъ природы, и такимъ образомъ производить тѣ измѣненія, которыя нужны для извѣстныхъ доказательствъ.

Опытъ однако не есть особый методъ; онъ служитъ только орудіемъ повѣрки доказательствъ, вспомогательнымъ средствомъ для умозаключеній и въ этомъ значеніи могущественно содѣйствуетъ точности и успѣхамъ физическихъ наукъ.

Въ наукахъ гуманныхъ опытъ въ строгомъ смыслѣ не можетъ имѣть приложенія; явленія духовной и соціальной жизни не состоятъ въ нашемъ распоряженіи; мы не можемъ воспроизводить механически явленія духовныя, измѣнять порядокъ преемства, условія ихъ происхожденія; мы не имѣемъ возможности искуственно вызвать чувство, страсти, или заставить событіе снова пройти передъ нами.

Въ наукахъ гуманныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ основной способъ изученія заключается въ *наблюденіи*, которое состоитъ во внимательномъ изслѣдованіи видоизмѣненій и взаимной связи явленій и умственномъ ихъ воспроизведеніи.

Въ замѣнъ слабой власти надъ явленіями, наблюденіе обладаетъ безконечно богатымъ матеріаломъ для сравненій и выводовъ, представляемыхъ развивающеюся нравственною, соціальною и умственною жизнію отдѣльныхъ людей и всего человѣчества.

Анализъ и синтезъ, какъ всеобщіе методы науки, должны дѣйствовать и дѣйствуютъ, при посредствѣ наблюденія изслѣдуемыхъ явленій, и въ *правовѣдѣніи*. Но такъ какъ каждая отдѣльная область предметовъ, независимо отъ общихъ условій, представ-

ляетъ свои особыя, спеціальныя черты, и такъ какъ для успѣшнаго изслѣдованія наука должна сообразоваться съ этими особенностями предметовъ, то всеобщіе научные методы, въ приложеніи къ правовѣдѣнію, должны употреблять спеціальные пріемы и способы, соотвѣтственые природѣ права.

Во-первыхъ, право, какъ и другія соціальныя явленія, основано на двойственномъ характерѣ человѣка, который съ одной стороны является существомъ физическимъ, подчиненнымъ законамъ физическимъ, а съ другой является носителемъ духовнаго міра, обладающимъ извѣстною свободою, которая нарушаетъ однообразную смѣну фактовъ и вноситъ въ нихъ видимый произволъ и случайность.

Во-вторыхъ, въ то время, когда явленія природы физической вызываются и образуются силами и законами самой природы, отношенія, нормы и учрежденія права вырабатываются при участіи самого человѣка. Семейство, гражданскіе союзы, государство, церковь и вообще всѣ институты права суть, въ извѣстной степени, произведенія человѣка, и потому, изучая ихъ, человѣкъ не можетъ оставаться ни безстрастнымъ, ни неизмѣннымъ наблюдателемъ; подчиняясь развитію и измѣненію, человѣческое сознаніе само становится съ теченіемъ времени въ иное отношеніе къ предметамъ своего созданія: то, что казалось ему совершенно сообразнымъ, и могло быть

такимъ на самомъ дѣлѣ, является въ слѣдующіе періоды, при измѣнившихся воззрѣніяхъ, нарушеніемъ требованій разума.

Въ-третьихъ, соціальный міръ представляетъ не однообразныя періодическія видоизмѣненія однѣхъ и тѣхъ же силъ, но развитіе прогрессивное, или регрессивное, въ силу котораго одни и тѣ же отношенія являются въ различныя времена въ измѣненномъ и улучшенномъ или ухудшенномъ видѣ. Вслѣдствіе этого въ юридическихъ изслѣдованіяхъ всегда возникаютъ вопросы не только о томъ, что было и что есть, но и что должно быть. Развитіе въ области юридической совершается въ двухъ направленіяхъ, логическомъ и органическомъ.

Право, какъ система логическая, имѣетъ основанія и связь въ логическихъ положеніяхъ и выводахъ; но, какъ живая сила, право представляетъ цѣлое, одушевленное одною жизнію, соединенное со всѣми сторонами народнаго быта, характеромъ народа, степенью его образованія, матеріальными условіями и историческими судьбами государства; при этомъ требованія органической жизни народа не всегда совпадаютъ съ требованіями логическихъ заключеній. Органическое развитіе права обнаруживается съ особенною силою въ правѣ публичномъ; большинство его установленій будетъ непонятно безъ разъясненія вопросовъ о распредѣленіи собственности, положеніи труда, торговли, отношеніяхъ

классовъ, направленіи воспитанія, литературы и т. п. Логическая система права должна сообразоваться съ органическимъ развитіемъ народа и прилагается къ реальнымъ юридическимъ отношеніямъ только въ той мѣрѣ, въ какой допускаютъ это условія жизни.

Наконецъ, право развивается во внѣшнихъ правилахъ и учрежденіяхъ, которыя образуются и дѣйствуютъ въ различныхъ формахъ—обычаѣ, законѣ, со всѣми подраздѣленіями послѣдняго. Формы эти имѣютъ свою внѣшнюю исторію, которая представляетъ различныя степени достовѣрности, опредѣлительности, полноты и силы, и которыя съ своей стороны требуютъ отъ правовѣдѣнія примѣненія соотвѣтственныхъ пріемовъ изученія и обработки.

На основаніи указанныхъ особыхъ основаній и условій права, правовѣдѣніе теоретическое и академическое преподаваніе выработали постепенно слѣдующіе спеціальные способы и пріемы изученія и обработки права.

Экзегетическій способъ состоитъ въ истолкованіи (интерпретаціи) текста источниковъ права; онъ изслѣдуетъ смыслъ юридическаго положенія на основаніи словеснаго его выраженія, независимо отъ его догматической связи и историческаго образованія. Экзегеза имѣетъ мѣсто какъ въ исторіи, такъ и въ догматикѣ и юридической практикѣ. Экзегетическая обработка права господствовала съ особенною силою во время возрожденія римскаго права,

когда ближайшая цѣль ученыхъ состояла въ собраніи, очисткѣ и соединеніи въ систему отрывочныхъ и часто испорченныхъ источниковъ римскаго права. Но и въ настоящее время экзегетическій пріемъ необходимъ для научнаго изслѣдованія права вообще и въ частности для примѣненія права на дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ однимъ изъ лучшихъ способовъ для практическихъ упражненій учащихся и для основательнаго изученія ими источниковъ права.

Систематическій или догматическій способъ изслѣдуетъ и обработываетъ всю совокупность права какъ систему, для чего систематика соединяетъ отдѣльныя нормы существующаго юридическаго порядка, на основаніи внутренней ихъ связи и по логическимъ законамъ сходства и различія, господства и подчиненія, въ одно законченное живое цѣлое.

Изложеніе систематическое есть главный преобладающій пріемъ академическаго преподаванія и изученія права.

Историческій способъ изслѣдуетъ происхожденіе, развитіе и измѣненіе какъ отдѣльныхъ институтовъ, такъ и всей совокупности права извѣстнаго государства въ связи съ общею исторіею государства, авторитетомъ котораго водворялся порядокъ и утверждалось право.

Въ академическомъ преподаваніи историческія объясненія развитія юридическихъ институтовъ со-

ставляютъ необходимое дополненіе, а иногда и введеніе для полнаго уразумѣнія догмы и системы предмета.

Какъ систематическій, такъ и историческій пріемъ требуютъ, чтобы изслѣдователь изучалъ право не только въ его строеніи и частяхъ (анатомически), но и въ его органическомъ составѣ, развитіи, осуществленіи и дѣйствіи въ жизни (физіологически).

Сверхъ того способъ систематическій и историческій могутъ разширять свою задачу: сравнивать свой ближайшій предметъ съ системами и исторіею права у другихъ, и даже у всѣхъ народовъ; подобное сравненіе по сходству и различію будетъ служить къ утвержденію и возвышенію познаній, такъ какъ чѣмъ шире кругъ изучаемыхъ явленій, тѣмъ тверже и выше должны быть научные выводы.

Независимо отъ указанныхъ способовъ изученія и преподаванія права есть еще изученіе практическое, основанное на различіи между юридическою теоріею и практикою.

Право есть сила реальная, дѣйствіе его заключается вообще только въ его осуществленіи; что не осуществляется, то не можетъ быть признано правомъ.

Поэтому изученіе дѣйствія или практики права составляетъ существенное и необходимое дополненіе юридическаго образованія.

Первоначально юридическая теорія и практика составляли неразрывную дѣятельность и изученіе права отличалось чисто практическимъ назначеніемъ и характеромъ.

Юриспруденція въ Греціи и въ самомъ Римѣ, по крайней мѣрѣ до начала императорскаго періода, была по преимуществу искусствомъ, изучавшимся въ непосредственной практикѣ, въ засѣданіяхъ судовъ, въ народныхъ собраніяхъ, въ объясненіяхъ юрисконсультовъ. Только усложнившаяся жизнь вызвала раздѣленіе занятій и одни лица предались теоріи, другія—практикѣ.

Съ возрожденіемъ наукъ и развитіемъ отвлеченныхъ теорій во всѣхъ областяхъ знанія, сталъ утверждаться взглядъ, что теорія и практика составляютъ области противуположныя и даже, по самой природѣ вещей, враждебныя другъ другу; на этомъ основаніи подъ теоріею разумѣли ученія, основанныя на однихъ началахъ ума; подъ практикою же—дѣйствія самой жизни, управляемой особыми законами, отличными отъ законовъ науки.

Взглядъ этотъ не соотвѣтствуетъ однакоже истинной природѣ теоріи и практики; раздѣленіе занятій не уничтожило основной связи между теоріею и практикою, которыя въ существѣ дѣла суть только различныя стороны и проявленія одной и той же дѣятельности. Теорія занимается лишь дѣйствительностію, изъясняетъ законы явленій. („Теорія

есть сумма всей практики“ по выраженію Либиха). Теорія, принятая въ этомъ смыслѣ, совпадаетъ съ понятіемъ науки и всегда заключаетъ въ себѣ истины, возможныя къ приложенію. Практику составляютъ дѣйствія самой жизни, въ безконечномъ множествѣ частностей и индивидуальностей; дѣйствія эти однако невозможны безъ извѣстныхъ предположеній мысли; самый узкій практикъ, увѣренный, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ теоріею, долженъ руководствоваться какими-либо воззрѣніями, т. е. теоріею.

Каждый шагъ истинной теоріи всегда будетъ полезенъ для жизни, и всякая добытая истина рано или поздно найдетъ свое приложеніе и осуществленіе. Въ свою очередь новыя явленія жизни служатъ матеріаломъ и побужденіемъ къ новымъ трудамъ и успѣхамъ теоріи.

Не смотря однако на единство общихъ основаній и задачъ юридической теоріи и практики, при развитой и сложной жизни и раздѣленіи занятій, каждая изъ нихъ образовала свои особыя условія, пріемы и можетъ быть изучаема съ успѣхомъ только въ соотвѣтственномъ ей кругѣ.

Теорія не есть руководство для непосредственнаго дѣйствія, она не заключаетъ въ себѣ правилъ, которыя возможно примѣнять къ дѣлу безъ знанія пріемовъ и условій приложенія; она даетъ только основанія, общія начала для приложенія и дѣйствія.

Въ этомъ отношеніи теорія можетъ быть изучаема въ достаточной мѣрѣ въ учебныхъ заведеніяхъ или непосредственно изъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Чѣмъ основательнѣе и полнѣе будутъ теоретическія свѣдѣнія, тѣмъ ближе они будутъ къ дѣйствительности и тѣмъ успѣшнѣе будетъ изученіе самой практики.

При этомъ, для болѣе полнаго и яснаго уразумѣнія началъ права, безъ сомнѣнія, весьма полезно, чтобы, при изученіи и преподаваніи каждаго отдѣла науки, было предложено и разъяснено нѣсколько относящихся къ нему случаевъ дѣйствительнаго приложенія; это послужитъ отличнымъ пособіемъ къ живѣйшему пониманію началъ теоретическихъ, ихъ оттѣнковъ, уклоненій, къ болѣе ясному представленію ихъ значенія въ жизни.

Но необходимо, чтобы изъясненіе (въ академическомъ преподаваніи) практическихъ случаевъ было только пособіемъ, средствомъ вспомогательнымъ, и ни въ какомъ случаѣ не повело къ ущербу образованія теоретическаго.

Что же касается дѣйствительной юридической практики, т. е. непосредственнаго дѣйствія и приложенія права, то она можетъ быть изучаема съ успѣхомъ только въ средѣ юридической жизни, т. е. въ канцеляріяхъ, судахъ, управленіяхъ, при производствѣ слѣдствій и притомъ непосредственными практическими занятіями. „Производство каждой

вещи и каждаго дѣла можетъ быть скорѣе всего изучено тамъ, гдѣ она дѣйствительно производится". Поэтому кто не изучалъ практики на самомъ дѣлѣ и не владѣетъ нужными для того пріемами и силами, тотъ никогда не выйдетъ хорошимъ практикомъ.

Всѣ искусственныя подражанія жизни, устраиваемыя въ академическомъ преподаваніи для изученія практики, не въ состояніи изчерпать богатства дѣйствительности, замѣнить образовательное вліяніе самой жизни и приготовить дѣйствительнаго практика.

Необходимо къ этому дополнить, что *практика юридическая* представляетъ особыя трудности. Она находится въ непосредственной связи съ людьми и ихъ отношеніями, съ безконечнымъ множествомъ отличій мѣстныхъ, временныхъ, индивидуальныхъ, постоянно измѣняющихся и несоизмѣримыхъ. Нерѣдко самое достоинство учрежденій и узаконеній опредѣляется успѣшностію ихъ приложенія. Оттого для пріобрѣтенія практическаго умѣнія и опытности адвоката, администратора, судьи, слѣдователя, нужно потратить цѣлые годы непосредственной дѣятельности, независимо отъ теоретическихъ знаній и природныхъ способностей.

Система юридическихъ наукъ.

Система науки должна указать общую связь науки, части, изъ которыхъ наука состоитъ, и ихъ взаимное отношеніе.

Системы наукъ обработывались въ различномъ духѣ: наиболѣе неправильны были тѣ, которыя принимали въ основаніе отвлеченныя начала, или отдѣльныя и внѣшнія отличія наукъ (по источникамъ познанія—философскія и положительныя, по цѣлямъ познанія—раціональныя и практическія, по преемству развитія—теологическія, метафизическія, научныя и др.).

Истиннымъ руководителемъ систематизаціи наукъ должно служить ихъ содержаніе, т. е. составъ, связь и организація самаго предмета науки.

Но познаніе о содержаніи предметовъ человѣкъ пріобрѣтаетъ постепенно; знаніе непрерывно растетъ, границы познаній разширяются, возникаютъ новыя отрасли наукъ, прежнія раздѣляются на нѣсколько отдѣльныхъ частей, или входятъ подчиненными отдѣлами въ болѣе общія сферы. Всѣдствіе этого каждое время образуетъ свое міросозерцаніе и каждое міросозерцаніе вырабатываетъ свою систему наукъ; чѣмъ вѣрнѣе и полнѣе понято содержаніе предметовъ, тѣмъ будетъ правильнѣе и тверже систематизація ихъ.

Система правовѣдѣнія имѣетъ особенную важность, такъ какъ каждая область права отличается особымъ принципомъ, характеромъ, юридическимъ дѣйствіемъ, и потому то́ или другое мѣсто, предназначаемое отдѣльнымъ частямъ права въ общей системѣ, вызываетъ соотвѣтственную характеристику подлежащихъ юридическихъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ иную постановку вопросовъ и разрѣшеніе ихъ.

Систематизація правовѣдѣнія представляетъ однако большія трудности, потому что развивается и возвышается не только юридическое сознаніе, но и самое право: съ теченіемъ времени преобразуются на новыхъ основаніяхъ многія даже коренныя установленія права (бракъ, собственность, отношенія власти и подданныхъ), измѣняется содержаніе, характеръ, границы и соотношенія различныхъ отраслей права, возникаютъ даже такія области права, которыя почти были неизвѣстны другимъ странамъ и временамъ (напр. междугосударственное право, полицейское право въ нынѣшнемъ его объемѣ). При такихъ условіяхъ ни система права, ни система правовѣдѣнія не могутъ удовлетворять требованіямъ соразмѣрности, правильности дѣленій и даже логической зависимости частей, потому что дѣйствительность создающая право и правовѣдѣніе, руководствуется не логическими заключеніями, а отношеніями и потребностями жизни. Оттого нерѣдко от-

расли права побочныя и зависимыя, по строгой систематикѣ, занимаютъ въ дѣйствительности первостепенное и независимое мѣсто [1]).

Въ безконечной міровой жизни, подлежащей наукѣ, необходимо отличать два порядка явленій:

---

[1]) Одни и тѣже дѣленія и наименованія законовъ содержатъ въ себѣ различные предметы и одушевлены не одинаковымъ духомъ; слѣды этихъ различій проявляются въ каждой части каждой системы. Уголовное право и судопроизводство по строго-логическому порядку должны составлять органическую часть государственнаго права; между тѣмъ и то и другое образовались въ новое время въ обширныя и самостоятельныя части публичнаго права; государственное хозяйство есть собственно отрасль администраціи, но обширность, сложность и спеціальность хозяйственныхъ операцій новаго времени образовали изъ нихъ особую, самостоятельную отрасль публичнаго права—финансовое право. Административное право, зависимая часть государственнаго права, получило во Франціи независимое и обширнѣйшее значеніе. Во Франціи общины и департаменты тѣсно связаны съ государствомъ, зависятъ отъ него и получаютъ отъ него движеніе, вслѣдствіе чего исходнымъ пунктомъ французскаго государственнаго права служитъ центральная власть и центральныя учрежденія. Въ С.-Американскихъ Штатахъ организація преобладающая и основная есть коммуна; „она пользуется своимъ уполномочіемъ не отъ государства, но скорѣе она отказалась отъ части своей независимости въ пользу государства“, поэтому система с.-американскаго государственнаго права должна принять своимъ исходнымъ пунктомъ и центромъ коммунальное устройство; такъ и дѣлаютъ многіе, занимавшіеся государственнымъ устройствомъ С.-Американскихъ Штатовъ.

вещество или природу и духъ человѣческій въ его нравственной и соціальной жизни. Оба порядка явленій, находясь въ постоянной взаимной связи, отличаются другъ отъ друга весьма существенными чертами, которыя служатъ основаніемъ раздѣленія всего знанія на двѣ области: на *науки физическія* или науки о природѣ и *науки гуманныя*, подраздѣляющіяся на *духовныя и соціальныя*.

Правовѣдѣніе принадлежитъ къ области наукъ гуманныхъ, изучающихъ человѣка въ его личныхъ свойствахъ и дѣятельности, (логика, психологія и др.), или въ его общественныхъ отношеніяхъ и союзахъ; науки гуманныя, занимающіяся общественною стороною человѣка, могутъ быть названы въ частности науками соціальными (science sociale, Gesellschaftswissenschaft, Socialphilosophie, впрочемъ эти названія употребляются иногда и въ смыслѣ болѣе тѣсномъ). Правовѣдѣніе изучаетъ человѣка въ его общественной и притомъ юридической жизни, а потому составляетъ часть наукъ соціальныхъ или общественныхъ.

Правовѣдѣніе, въ обширномъ смыслѣ, обнимаетъ какъ науки по преимуществу юридическія (частное, уголовное и судебное право), такъ и науки государственныя. Соединеніе обоихъ отдѣловъ въ одно общее понятіе правовѣдѣнія основано на томъ, что право и государство суть необходимыя стороны одной и той же жизни, развивающіяся одновре-

менно. Безъ знанія государственнаго организма невозможно знаніе права и наоборотъ. Но конечно въ составъ правовѣдѣнія должны войти только науки государственно-юридическія, т. е. тѣ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ юридическую организацію государства.

Примѣчаніе. Нерѣдко науки государственныя понимаютъ въ смыслѣ болѣе обширномъ, напр. признаютъ самое правовѣдѣніе подчиненною частію наукъ государственныхъ (Глазеръ); другіе же вводятъ въ ихъ кругъ политическую экономію, статистику, государственную физику, государственное счетоводство, государственную нравственность, исторію и мн. др., изучающія различныя стороны общественной жизни (напр. Эшеръ, отчасти Моль).

Такое разширеніе государственныхъ наукъ имѣетъ свое основаніе при изученіи государства во всѣхъ его внутреннихъ силахъ и отношеніяхъ; съ точки же зрѣнія правовѣдѣнія только тѣ отрасли соціальныхъ наукъ должны входить въ составъ наукъ государственныхъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ государственно-юридическія отношенія и юридическую организацію государства; прочія же отрасли, занимающіяся вообще соціальными отношеніями и касающіяся юридической организаціи государства лишь отчасти или вовсе чуждыя имъ, должны относиться къ области наукъ соціальныхъ вообще (напр. политическая экономія, статистика и под.).

Правовѣдѣніе, принятое въ такихъ границахъ и въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, заключаетъ слѣдующія отдѣльныя науки распредѣленныя соотвѣтственно системѣ права.

I. Наука права гражданскаго или частнаго.

Примѣчаніе. Названіе „гражданское право“ есть переводъ римскаго jus civile, которое обнимало цѣлую систему римскаго права, противуполагалось jus gentium и раздѣлялось на jus publicum и jus privatum. Средневѣковая Европа, заимствовавъ содержаніе римскаго права, сохранила и римское названіе jus civile, но отнесла его только къ области частнаго права. Отсюда произошло названіе: droit civile, bürgerliches Recht и наше *гражданское* право. Названіе это не вполнѣ соотвѣтствуетъ своему содержанію, потому что граждане пользуются не только частными, но и государственными публичными правами; тѣмъ не менѣе оно утвердилось и употребляется въ юридической литературѣ, особенно русской, даже чаще чѣмъ названіе „частное право“.

II. Наука права публичнаго или государственнаго въ обширномъ смыслѣ; къ ней относятся:

а) наука права государственнаго въ тѣсномъ смыслѣ, обнимающаго государственное устройство и государственное управленіе.

Къ этой части должно отнести и право военное въ видѣ спеціальнаго отдѣла.

б) Наука права финансоваго.

в) Наука права полицейскаго, обнимающаго полицію безопасности или благочинія и полицію благоустройства.

г) Наука уголовнаго права.

д) Наука судебнаго права, состоящаго изъ науки судопроизводства гражданскаго или частнаго и уголовнаго.

е) Наука церковнаго права.

III. Наука права междугосударственнаго, называемаго также правомъ международнымъ.

Къ изложенному составу правовѣдѣнія должно присоединить юридическую энциклопедію и философію права.

Юридическая энциклопедія, излагая все правовѣдѣніе въ его общихъ основаніяхъ и органическомъ единствѣ, составляетъ начальную и вмѣстѣ заключительную отрасль наукъ юридическихъ.

Что касается *философіи* права, то она тѣсно связана съ философіею общею, и можетъ быть объяснена только въ связи съ послѣднею. Разнообразныя понятія и опредѣленія философіи, предложенныя въ различныя времена и различными философами, могутъ быть сведены къ двумъ направленіямъ. *По одному* философія имѣетъ задачею познаніе сущности, конечныхъ и безусловныхъ законовъ міровой жизни въ противоположность наукѣ положительной, изучающей истины конечныя въ ихъ внѣшнихъ явленіяхъ.

По другому задачею философіи поставляютъ познаніе законовъ явленій, соединеніе ихъ въ систему и изложеніе въ видѣ одного общаго ученія. Эту задачу понимаютъ шире и уже. Одни полагаютъ, что философія должна дополнять недостающіе факты и связи силою творческой мысли человѣка, *возбужденной познаніями опыта и наблюденія;* такія

пополненія необходимы для всеобъемлемости и связности системы.

Другіе признаютъ, что философія должна выражать лишь дѣйствительное состояніе науки, т. е. ограничиться обработкою въ общую систему добытаго знанія, допуская однѣ научныя гипотезы и воздерживаясь отъ произвольныхъ гаданій, хотя бы это вредило полнотѣ и единству системы.

Обработка философіи въ смыслѣ втораго направленія весьма важна и желательна; она вноситъ общую связь во всѣ отрасли знанія, открываетъ возможность обнять мірозданіе, въ предѣлахъ доступныхъ человѣческому вѣдѣнію, какъ одну цѣлостность, оживляетъ и усиливаетъ человѣческую мысль и даетъ ей способы и побужденія стремиться къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ области наукъ. Однако условія прежняго процвѣтанія и преобладанія философіи значительно измѣнились въ настоящее время.

Нынѣшняя наука достигла громадныхъ размѣровъ и раздробилась на многія спеціальныя отрасли, которыя весьма мало разработаны въ общей связи и представляютъ матеріалъ слабый и недостаточный для выработки изъ него общей системы. Потому-то всѣ усилія позднѣйшихъ философовъ создать новыя общія философскія ученія были такъ малоуспѣшны и можно сказать, что въ теченіе послѣдняго полустолѣтія не явилось ни одной системы, которая сдѣлалась бы центромъ философскаго движенія и привлекла бы къ себѣ общія силы.

Но такъ какъ потребность въ познаніи общаго плана и значенія міроздания замѣчается у людей на всѣхъ ступеняхъ развитія и при всѣхъ условіяхъ жизни и составляетъ необходимое обнаруженіе ихъ природы, то можно думать, что съ развитіемъ отдѣльныхъ отраслей знанія и вмѣстѣ съ успѣхами обобщенія, которое откроетъ связь между областями разнородными и отдаленными и сведетъ безконечное множество явленій къ господству однихъ общихъ законовъ, подготовится почва и условія для обработки философскихъ системъ болѣе удовлетворительныхъ и плодотворныхъ.

Философія права и исторія философіи права. Развитіе философіи права весьма сходно съ развитіемъ общей философіи.

Противоположность между правомъ философскимъ и правовѣдѣніемъ, обнаружившаяся не разъ и въ прежніе періоды (во время упадка политической жизни Греціи, во время развитія теологическихъ воззрѣній среднихъ вѣковъ), особенно усилилась съ появленіемъ системъ естественнаго права (съ конца 16 в.), называвшихся позднѣе также системами права разума (Vernunftrecht). Въ этихъ системахъ, по мнѣнію ихъ авторовъ, должны были заключаться высшія всеобщія начала права, извлеченныя изъ природы вещей и законовъ разума. Гуго первый (въ 1798 году), а затѣмъ Савиньи сдѣлали нападеніе на философское право, состоявшее въ

отвлеченныхъ и логическихъ построеніяхъ разума, и значительно ослабили его значеніе. Нужно ограничивать задачу философіи права уясненіемъ мѣста, какое право занимаетъ въ общей системѣ наукъ и въ общемъ организмѣ мірозданія. Упадку прежняго отвлеченнаго философскаго права много содѣйствовали позднѣйшія стремленія Гегеля и его школы познать и построить систему права изъ началъ всеобщаго разума, развивающагося въ исторіи по законамъ міровой логики.

Съ 30-хъ годовъ, т. е. со времени полнаго упадка отвлеченныхъ системъ, философы-правовѣды (Варнкёнигъ) требовали сближенія философіи права съ дѣйствительностью и указывали на l'esprit des lois Монтескье, какъ на первообразъ надлежащей философской обработки. На этомъ основаніи появились т. называемыя системы философіи положительнаго права (Philosophie d. Positiven), которыя стремились выработать общія системы на основаніи положительнаго права, а также общественныхъ формъ и идей, развивавшихся въ исторіи народовъ (Гансъ, А. Контъ, Унгеръ, Форлендеръ, Шиллингъ, Фольграфъ, Гейеръ, Спенсеръ).

Какъ только философія права поставила себя въ столь узкія границы, она стала терять свою самостоятельность и производительность.

Изъ новѣйшихъ системъ права ни одна не только не образовала школы, но даже не оказала

замѣтнаго вліянія на обработку и направленіе правовѣдѣнія.

Должно думать, что съ развитіемъ отдѣльныхъ частей права, открытіемъ общей между ними связи, съ уясненіемъ природы отношеній и законовъ, опредѣляющихъ образованіе этихъ отношеній,—философія права можетъ оказать еще услугу: пользуясь всею совокупностію положительнаго права, а равно познаній и идей, выработанныхъ исторіей и господствующихъ въ данную эпоху, она—въ качествѣ всеобщей системы правовѣдѣнія, въ силахъ будетъ не только обнять начала дѣйствующаго права, но указывать идеалы, къ которымъ должно стремиться.

Неудовлетворительность новѣйшихъ системъ философіи права требуетъ тѣмъ настоятельнѣе изученія исторіи философіи права. Въ исторіи наукъ вообще, и въ частности правовѣдѣнія философія играла высокую образовательную роль. Въ первыя эпохи научнаго развитія она возбуждала умы, порождала идеи и цѣлыя міросозерцанія.

Странныя и поверхностныя гаданія древнихъ мудрецовъ о происхожденіи вселенной изъ различныхъ стихій природы вносили связь въ неизвѣстный и разрозненный міръ явленій и давали силы человѣку возвышаться надъ предметнымъ міромъ и обозрѣвать его въ цѣлостности. Ту же путеводящую роль занимала философія и въ позднѣйшіе періоды; отыскивая высшіе законы жизни природы и

обществъ, она сообщала человѣку самостоятельность критики, отрывала его отъ узкихъ границъ видимаго и сущаго и побуждала стремиться къ безконечному. Въ лучшихъ системахъ прежней философіи выразились высшіе помыслы и міросозерцанія цѣлыхъ эпохъ и поколѣній; въ самыхъ ошибочныхъ, призрачныхъ и крайнихъ ученіяхъ обнаруживалось настроеніе и потребности дѣйствительности, причины, вызывавшія крайности и заблужденія мыслителей (Республика Платона, утопія Моруса, республика Ж. Бодена, система С. Симона, экономическія противорѣчія Прудона).

Потому-то исторія философіи, заключая въ себѣ столь богатый образовательный матеріалъ, такъ необходима для полнаго юридическаго образованія: она не только уясняетъ многое въ характерѣ соціальныхъ формъ и учрежденій прошлаго, но даетъ испытанныя орудія и основанія для оцѣнки новыхъ юридическихъ и политическихъ стремленій и ученій.

Къ числу особыхъ самостоятельныхъ наукъ правовѣдѣнія относятъ также политику и науку объ обществѣ.

Политика.—У древнихъ грековъ и римлянъ вся наука о государствѣ называлась политикою (πολιτεία); въ новое время стали давать политикѣ содержаніе и мѣсто независимое отъ государственнаго права.

Не смотря на все разнообразіе частностей въ

опредѣленіяхъ содержанія и значенія политики, большинство новѣйшихъ публицистовъ (Моль, Блунчли, Циммерманъ) подъ названіемъ политики разумѣютъ ученіе о средствахъ, а отчасти и цѣляхъ къ возможно полному достиженію государствомъ своего назначенія, и отличаютъ политику отъ государственнаго права слѣдующими чертами: государственное право разсматриваетъ государство въ его организаціи, установленіяхъ, законахъ, въ его порядкѣ, мирѣ и спокойствіи (Ordnung, Friedenszustand, Ruhe); политика—въ его движеніи, нуждахъ, дѣйствіи; право коренится въ прошедшемъ, политика направляется къ настоящему и будущему; высшее развитіе государственнаго права—законъ, политики—управленіе государствомъ на основаніи нравственности и благоразумія (Ethik mit Inbegriff d. Klugheitslehre); государственное право отличается характеромъ отрицательнымъ, опредѣляетъ принудительныя обязанности въ государственныхъ отношеніяхъ, политика—характеромъ положительнымъ, развиваетъ высшія предписанія общественной морали.

Едвали однакоже можно принять политику въ смыслѣ науки особой, отличной отъ науки государственнаго права. Различныя стороны, съ которыхъ обѣ науки разсматриваютъ, какъ утверждаютъ Блунчли, Эшеръ и др., одинъ и тотъ же предметъ, неотдѣлимы другъ отъ друга и не имѣютъ отдѣльной жизни; движеніе, дѣйствіе, употребленіе извѣст-

ныхъ средствъ составляютъ необходимое обнаруженіе государственнаго организма и сами по себѣ не имѣютъ ни основанія, ни цѣли; въ самомъ государственномъ правѣ опредѣляются всегда условія и порядокъ движенія и дѣйствія государства. Съ другой стороны невозможно представить государство въ состояніи совершеннаго покоя и бездѣйствія [1]).

Нѣкоторые публицисты понимаютъ политику только въ практическомъ смыслѣ, какъ искусство управленія государствомъ (Staatskunst, Staatsweisheit), иногда управленія только внѣшними дѣлами государства. Но совокупность правилъ и пріемовъ, которые должны быть употреблены для наилучшаго непосредственнаго управленія государствомъ, не могутъ дать содержаніе особой наукѣ, которая из-

[1]) Наглядным доказательством сказаннаго можетъ служить лучшій трудъ по политикѣ, какъ самостоятельной наукѣ—Politik als Wissenschaft Блунчли (1876), который далъ своему произведенію столь большое значеніе. Не смотря на усилія указать и развить самостоятельное содержаніе политики, авторъ не успѣлъ въ томъ: онъ произвольно останавливается на различныхъ вопросахъ исторіи, государственнаго устройства и управленія, особенно на задачахъ и идеалахъ различныхъ государственныхъ формъ и политическихъ партій, обсуждаетъ ихъ преимущественно со стороны дѣйствія, примѣненія, но вопросы эти принадлежатъ государственному праву и не представляютъ никакого особеннаго самобытнаго содержанія даже со стороны дѣйствія и примѣненія.

слѣдовала бы и изучала ихъ теоретически. Политика въ смыслѣ государственнаго искусства состоитъ въ приложеніи началъ государственнаго права къ частнымъ случаямъ; но это приложеніе, какъ и всякая практика, можетъ быть изучаемо только въ средѣ самой государственной жизни, а не въ теоретическихъ трактатахъ, которые всегда оказываются недостаточными для дѣйствительности, и къ которымъ настоящее время справедливо относится съ недовѣріемъ.

Такъ называемая наука объ обществѣ изслѣдуетъ, по мнѣнію защитниковъ особаго общественнаго права, отношенія общественныя, отличныя отъ отношеній жизни личной и государственной, и въ этомъ видѣ должна составлять отдѣльную самостоятельную отрасль правовѣдѣнія.

Происхожденіе ученія объ обществѣ, какъ объ особой наукѣ права, отличается характеромъ совершенно теоретическимъ и возникло не на почвѣ дѣйствительно новыхъ самостоятельныхъ явленій, а подъ вліяніемъ историческихъ условій. Построенное на предположеніи, будто бы существуютъ особые общественные сферы и союзы, столь отличные отъ жизни личной и государственной, что для нихъ необходимы самостоятельныя нормы и организація,—ученіе это не подтверждается фактами. Всѣ имѣющіяся данныя ясно доказываютъ, что существуютъ только три отчетливо опредѣлившіяся

организаціи жизни человѣчества, жизнь личная, государственная и междугосударственная, составляющія основные типы человѣческой жизни, что присоединеніе къ нимъ еще четвертой организаціи,—общественной, можетъ повести къ разложенію государства и не въ состояніи создать на его мѣсто лучшій и болѣе прочный порядокъ человѣческой жизни. Такимъ образомъ общественныя сферы, которымъ даютъ значеніе самостоятельныхъ круговъ жизни, среднихъ между жизнію личною и государственною, не заключаютъ въ себѣ никакихъ самостоятельныхъ формъ жизни, а суть только видовыя измѣненія указанныхъ основныхъ типовъ общежитія и должны быть относимы къ тѣмъ изъ нихъ, къ которымъ принадлежатъ по преобладающимъ въ нихъ элементамъ [1]).

---

[1]) Ученіе объ обществѣ, какъ о самостоятельной отрасли права, появилось въ началѣ 19 в. главнымъ образомъ среди германскихъ ученыхъ. Оно порождено было съ одной стороны тягостію новаго государственнаго строя и стѣсненіемъ частной дѣятельности, а съ другой —неудовлетворительностію соціальнаго быта Европы, безпомощностію отдѣльныхъ лицъ, лишенныхъ старыхъ взаимныхъ связей и помощи, и необходимостію создать какую либо организацію, которая служила бы посредникомъ между лицомъ и государствомъ и охраняла бы первое отъ давленія капитала, неограниченнаго соперничества и бремени сложной государственной организаціи. Во Франціи выходъ изъ этого положенія искали соціалисты въ своихъ фантастическихъ соціальныхъ системахъ; въ Германіи появились ученія объ отдѣленіи общества отъ

Невѣрное въ своемъ основаніи, ученіе объ обществѣ, какъ объ отдѣльной сферѣ права, не только не достигло успѣха и не вызвало признанія въ средѣ лучшихъ современныхъ публицистовъ, [1]).

государства (Штейнъ, Аренсъ, Моль) и системы соціалистовъ кафедры (Шеффле, Вагнеръ). Первые зачатки ученія объ особой отрасли обществовѣдѣнія замѣчаются еще у Шлёцера; позднѣе и болѣе опредѣленно у Краузе. Въ 40-хъ годахъ Л. Штейнъ началъ изучать ученія соціалистовъ и экономическія условія Франціи, Германіи и Англіи и на этой реальной почвѣ основалъ свои воззрѣнія на общество, какъ самостоятельную сферу въ государственномъ организмѣ (Begriff der Gesellschaft 1849, и въ System d. d. Staatsw. Bd. II. 1856); еще полнѣе развилъ Штейнъ свою систему общественныхъ союзовъ въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ (Die Verwaltungslehre. I—VIII, 1855—1884), въ которомъ даетъ обширное мѣсто хозяйственнымъ и общественнымъ союзамъ и старается опредѣлить взаимное отношеніе между общественными силами, союзами и государственнымъ строемъ; однако его сложныя и искуственныя построенія не вызвали послѣдователей. Главными представителями и распространителями ученія объ обществѣ, какъ отдѣльной отрасли правовѣдѣнія, были Моль (Die Polizei-Wissensch. nach d. Grundsätzen d. Rechtsstaates. 3 Bd. 1832—1834, но совершенно отчетливо и полно въ Gesch. d. Staatswissenschaften. I Bd. 1855) и Аренсъ, (Die organische Staatslehre... 1850), которые ожидали отъ него существенныхъ и глубокихъ преобразованій въ наукѣ о правѣ и государствѣ. Какъ указано выше, ученіе это не оправдало ожиданій и не образовало школы. Но въ свое время оно оказало большое вліяніе и принесло пользу какъ въ практикѣ государственнаго управ-

[1]) Гротефенда, Лабанда, Г. Шульце, Гарейса и др.,

но встрѣтило важныя возраженія противъ самыхъ основъ своихъ въ средѣ извѣстныхъ публицистовъ [1]).

ленія, такъ и въ характерѣ обработки государственныхъ наукъ вообще; оно уяснило, что государственный строй не есть одна внѣшняя организація, что формы и учрежденія государства порождаются и направляются дѣйствіемъ общественныхъ силъ и что поэтому разъясненіе дѣйствительныхъ государственныхъ отношеній можно найти только въ изученіи всѣхъ силъ, классовъ, союзовъ и наслоеній государственнаго организма (Францъ, Блунчли и особенно Гнейстъ въ своихъ работахъ по исторіи государственнаго строя Англіи).

[1]) (Блунчли, Трейчке, Эшеръ).

Самыя системы общественнаго права, какъ самостоятельной отрасли правовѣдѣнія, предложенныя Молемъ и Аренсомъ, служатъ подтвержденіемъ ихъ несостоятельности: онѣ смѣшиваютъ элементы разнородные и уничтожаютъ границы очевидныя. Моль въ своей энциклопедіи представляетъ слѣд. систематику:

1) *Наука объ обществѣ.*

А. Догматическія общественныя науки:

1. Общее ученіе объ обществѣ.
2. Наука объ общественномъ правѣ:
   а) Философское общественное право.
   б) Положительное общественное право.
3. Ученіе объ общественной нравственности:
   а) Философское.
   б) Положительное, т. е. религіозное.

4) Соціальная политика или ученіе о цѣлесообразности; большая часть ея состоитъ изъ науки народнаго хозяйства.

Б. Историческія общественныя науки:

1. Исторія общества.
2. Статистика общества.

2) *Наука о государствѣ.*

А. Догматическія государственныя науки:
I. Общее ученіе о государствѣ.
II. Публичное право:
1. Государственное право:
а) Философское.
б) Положительное.
2. Международное право:
а) Философское.
б) Положительное.
III. Ученіе о государственной нравственности.
IV. Политика.

Б. Историческія государственныя науки:
1. Политическая исторія.
2. Статистика.

3) *Наука объ отдѣльной личности.*

I. Общее ученіе о человѣческой личности (психологія и физіологія).
II. Право личности
а) Философское частное право.
б) Положительное частное право.
III. Ученіе о нравственности для отдѣльнаго лица и семьи.
а) Философская мораль.
б) Религіозная.
IV. Ученіе о житейскомъ благоразуміи.
а) Ученіе объ обхожденіи съ людьми.
б) Ученіе о народномъ хозяйствѣ, обнимающее имущественный обмѣнъ между отдѣльными лицами.

При этомъ Моль объясняетъ, что число общественныхъ группъ не есть нѣчто неизмѣнное, но соотвѣтствуетъ тѣмъ интересамъ, которые дѣйствительно имѣютъ силу въ извѣстное время у извѣстнаго народа, и бываетъ

такъ разнообразно, какъ разнообразно состояніе самого общества.

Моль однако ограничился въ своей системѣ лишь общими рубриками и заглавіями и не показалъ подробно содержанія ихъ.

Аренсъ (Organische Staatslehre, 1850; Jurist. Encyklop., 1855) представляетъ съ одной стороны жизненныя сферы, въ которыхъ различаетъ личность, семью, общину, народъ, международный союзъ, союзъ человѣчества; съ другой—представляетъ главныя цѣли человѣческой жизни: религію, нравственность, науку, воспитаніе, искусство, промышленность, право. Полагая въ основаніе главныя цѣли человѣческой жизни, Аренсъ развиваетъ всю систему права въ слѣд. видѣ: 1) человѣческое право, 2) религіозное и церковное право, 3) право нравственности, 4) право науки и искусства, 5) право воспитанія и преподаванія, 6) право вещно-хозяйственное, 7) чистое право. Въ каждой изъ этихъ областей Аренсъ отличаетъ сторону частную и публичную, и потому каждую дѣлитъ на право частное и публичное; сферу чистаго права онъ дѣлитъ на право частное, государственное и международное. Обращаясь за тѣмъ къ содержанію указанныхъ отраслей права, Аренсъ относительно большей ихъ части долженъ былъ ограничиться или совершенно общею характеристикою или замѣчаніемъ, что части эти „еще не обработаны“ или „до сихъ поръ мало изслѣдованы“. Опредѣленное содержаніе и характеристику онъ предлагаетъ только тогда, когда переходитъ къ изложенію права частнаго, государственнаго и междугосударственнаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Кромѣ указанныхъ выше (литература стр. 5—18), важнѣйшими литературными пособіями для изученія главныхъ вопросовъ о правѣ, государствѣ и правовѣдѣніи, входящихъ въ составъ юридической энциклопедіи, могутъ служить:

Объ общемъ понятіи о правѣ.

Savigny, System d. h. römischen Rechts. I Bd. 1840.
Puchta, Institutionen. Bd. I, Abth. 5. 1881.
Stahl, Philosophie d. Rechts. Bd. II. 5 Aufl. 1878.
Ahrens, Naturrecht oder Philosophie d. Rechts u. d. Staates. 6 Aufl. 1870—71.
— Cours de droit naturel. Ed. 7, 1875; содержаніе однородное съ Naturrecht, но изложеніе гораздо яснѣе, проще и привлекательнѣе.
Ihering, Geist d. römischen Rechts. I Bd. 1883; его-же Zweck im Recht. Bd. I, 1883.
Kirchmann, Die Grundbegriffe d. Rechts u. Moral. 1869.
Dahn, Ueber Werden u. Wesen d. Rechts (Zeitschr. f. vergl. Rechtswissen. 1880, Bd. III).
Merkel, Recht u. Macht (Schmollers Jahrb. f. Gesetzgebung, Verwal. etc. V.
J. E. Portalis, Discours préliminaire sur le projet de code civil. 1803.

C. Comte, Cours de philosophie positive. 4 T. 1842.
Belime, Philosophie du droit. 2 v. 1856—57.
Fouillée, L'idée moderne du droit. 2 éd. 1883.
Муромцевъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. 1879.
Кашница, О сущности права. 1872.
P. Janet, Hist. de la science politique dans ses rapports avec la morale. 2 éd. 1872 (1 т. переведенъ на рус. яз. 1876 г. Васильевымъ).
Vorländer, Gesch. d. philos. Moral, Rechts- u. Staatslehre d. Engländer и Franzosen. 1855.
Bluntschli, Gesch. d. neuer. Staatswissenschaft, allgem. Staatsrecht u. Politik. Seit dem 16 Jahrh. 3 Aufl. 1881. (I т. перев. на рус. Бакстъ и Новосельскій. 1874).
Б. Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій. 4 части. 1869—1877.

О естественномъ правѣ.

Кромѣ показанныхъ выше:
Jer. Bentham, éd. 1840. T. I, Traités des sophismes politiques.
H. Ahrens, Cours de droit naturel. Ed 7. 1875. (По содержанію сходно съ „Naturrecht“ того-же автора, но изложено гораздо яснѣе, проще и привлекательнѣе).
Муромцевъ, Очерки общей теоріи гражданскаго права. 1877.
К. Ярошъ, Исторія идеи естественнаго права. 1885.
Leist, Naturalis ratio u. Natur der Sache. 1860.
Röder, Grundz. d. Naturrechts. 3 Aufl. 1863.
Schilling, Naturrecht. 1859—62.
Lasson, System der Rechtsphilosophie. 1882.

О нравственности и справедливости.

Кромѣ поименованныхъ выше:

Voigt, Die Lehre v. Jus naturale, æquum et bonum u. Jus gentium d. Römer. 1856.

Rümelin, Ueber die Idee d. Gerechtigkeit. 1881.

Laas, Idealistische u. positivistische Ethik. 1882.

Guyau, La morale anglaise contemporaine, morale de l'utilité et de l'évolution. 1878.

Barthélemy St.-Hilaire, Morale d'Aristote. T. I—III. 1856.

О государствѣ и отношеніи его къ праву.

Политика Аристотеля, пер. Скворцова. 1865.

Politique d'Aristote, p. Barthélemy St.-Hilaire. T. I—II. 1837.

Bluntschli, Allgemeines Staatsrecht. I—II. 1857.

Frantz, Die Naturlehre d. Staates als Grundlage d. Staatswissenschaft. 1870.

R. Mohl, Encyklopädie d. Staatswissenschaften. 1 Aufl. 1859.

Held, Staat u. Gesellschaft. 1861—65.

Gareis, Allg. Staatsrecht. въ I-мъ Bd. Handbuch d. öffentl. Rechts d. Gegenwart in Monographien, v. Marquardsen. 1884.

R. Gneist, Der Rechtsstaat. 1872.

Laboulaye, L'état et ses limites. 4 éd. 1870.

Dupont-White, L'individu et l'état. 3 éd. 1865.

J. S. Mill, De la liberté. 1877.

H. Spencer, L'individu contre l'état, p. Gerschel. 1885.
Rozy, Des divisions du pouvoir. 1881.
Tr. Neumann, Volk u. Nation. 1888.
Bluntschli, Gesellschaftsrecht (Kritische Ueberschau f. Gesetzg. u. Rechtsw. Bd. III).
Treitschke, Die Gesellschaftswissenschaft. 1859.
Gierke, Das. deut. Genossenschaftsrecht. 3 Bd. 1868—81.
Андреевскій, Государственное право. Т. I. 1866.
Ворошиловъ, О раздѣленіи властей. 1874.
А. Градовскій, Начала государственнаго права. 1875—1883.
Звѣревъ, Основанія классификаціи государствъ. 1883.
Б. Чичеринъ, Собственность и государство. 1882.

О нормахъ права.

Savigny, System d. heut. röm. Rechts.
J. Unger, System d. Österreichischen allg. Privatrechts. 1 Bd. 3 Aufl. 1868.
Thöl, Einleitung in d. deut. Privatrecht. 1851.
Thon, Rechtsnorm u. subjectives Recht. 1878.
Bierling, Zur Kritik d. jurist. Grundbegriffe. 2 T. 1877—1883.
Binding, Die Normen u. ihre Uebertretung. 2 Bd. 1872.
Merkel, Rechtsnorm u. subjektives Recht in Grünhut's Zeitschr. VI.
Муромцевъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. 1879.

О происхожденіи права или объ источникахъ права.

Savigny, Vom Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung u. Rechtswissenschaft. 2 Aufl. 1828.
J. Portalis, Discours, rapports et travaux inédits. 1848.
Puchta, Das Gewonheitsrecht. 1828—1837.
Ihering, Geist d. r. Rechts. I.—Der Kampf um's Recht. 1881.—Zweck im Recht.
Beseler, Volksrecht u. Juristenrecht. 1843.
Harum, Von der Entstehung d. Rechts. 1863.
Arnold, Cultur u. Rechtsleben. 1865.
Laboulaye, Essai sur la vie et les doctrines d. Savigny. 1842.
Post, Ursprung d. Rechts. 1876.
Adikes, Zur Lehre v. d. Rechtsquellen. 1872.
Станиславскій, О происхожденіи положительнаго права. 1856.
Спенсеръ, Основанія соціологіи. Т. I—II. 1876—1877. — Развитіе политическихъ учрежденій. 1882.
Леббокъ, Начало цивилизаціи (пер. Коропчевскаго). 1876.
Чижовъ, Источники и формы права. 1878.

Объ обычномъ правѣ.

Puchta, Das Gewonheitsrecht. 2 T. 1828—1837.
Beseler, Volksrecht u. Juristenrecht. 1843.
H. Thöl, Volksrecht u. Juristenrecht. 1846.
Brinckmann, D. Gewonheitsrecht im gem. Civilrechte u. Civilprocess. 1847.

Сергѣевичъ, Опыты изслѣдованія обычнаго права (Наблюдатель. 1882. 1—2).

Малышевъ, Курсъ общ. гражданскаго права Россіи. Т. I. 1878.

Оршанскій, Изслѣдованія по русскому обычному праву. 1879.

Муловъ, Значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ. Ж. М. Ю. 1862. № 1.

Объ обычномъ правѣ. Жур. М. Юст. 1866. № 8, 10.

Обычай и законъ какъ формы права. Юридич. Вѣстн. 1877. № 5. 6, 11, 12; 1883. № 6,7 (Дриль).

О законѣ, его видахъ и о вспомогательныхъ формахъ права.

Savigny, System. I.

Thöl, Einl. in d. d. Privatrecht.

Krug, Die Grandsätze d. Gesetzeauslegung. 1848.

Laband, Zur Lehre v. d. Gesetzsgebung. Das Staatsrecht d. d. Reichs. II. 1882.

Gareis, Allgem. Staatsrecht. (Marquardsen.).

Sontag, Die Redactionsversehen d. Gesetzgeber. 1874.

R. v. Mohl, Staatsr., Völkerrecht u. Politik. Bd. II (I—III Bd. 1860—1869). Die ordentliche Gesetzgebung.

Laurent, Principes d. droit civil. T. I. 1869.

Сперанскій, Руководство къ познанію законовъ. 1845.

Градовскій, Начала русскаго государ. права. Т. I.

Андреевскій, Государственное право.

Малышевъ, К. общ. гражд. права. Т. I.

Таганцевъ, Лекціи по русскому уголов. праву. В. I. 1881.

И. Оршанскій, Частный законъ и общее правило. Жур. Гр. и Уг. Пр. 1873. Кн. 2—3.

А. Градовскій, О судебномъ толкованіи законовъ. Жур. Гр. и Уг. Пр. 1874. I.

— Законъ и административное распоряженіе по рус. праву. Сбр. Госуд. Зн. 1874. Т. I.

О кодефикаціи.

Savigny, Vom Beruf unsrer Zeit f. Gesetzgebung u. Rechtswissenschaft. 2 Auf. 1828.

J. Portalis, Essai sur l'utilité de la codification (Discours etc., tr. inédits. T. I. 1848).

Laurent, Principes de droit civil. T. I.

Rousset, De la rédaction et de la codification rationelle des lois. 1858.

Ginoulhiac, De la codification et d. s. influence sur la législation. 1862.

Meyer, De la codification en géneral et d. celle de l'Angleterre. 1830.

Danz, Die Wirkung d. Codificationsformen auf d. materielle Recht. 1861.

Roth, Ueber Codification d. Privatrechts (Arch. f. pr. Rechtswis. Bd. VIII).

E. Trieps, Ueber Nationalität u. Einheit d. bürgerl. Rechts. 1860.

Обозрѣніе истор. свѣдѣній о Сводѣ Законовъ. 1833.
Бабичевъ, О редакціонномъ исправленіи Свода Законовъ. (Чт. Общ. Истр. и Др. Росс. 1865. № 4).
Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права. II т. 1876.
Первый съѣздъ русс. юристовъ 1875. Москва. 1882. Ст. Калачева, Соловьева и Фальковскаго объ изданіи общаго гражданскаго уложенія Россійской Имперіи.

О субъектахъ и объектахъ права.

Savigny, System d. h. r. Rechts. I.
Windscheid, Lehrb. d. Pandektenrechts (пер. Пахмана 1874).
Wächter, Hand. d. im Kön. Württemberg gelt. Privatrechts. II Bd. 1842.
J. Unger, System d. österr. Privatrechts. I Bd. 3 Aufl. 1868.
Gierke, Das d. Genossenschaftsrecht. 1868—1873. 2 Bd.
Zitelmann, Begriff u. Wesen d. jurist. Personen. 1873.
Мейеръ, Русское гражданс. право. Изд. 5. 1873.
Лешковъ, О субъектахъ и объектахъ права. Юридичес. Вѣст. 1873. К. 2.
К. Митюковъ, Курсъ Римскаго гражданскаго права. 1883.
Кавелинъ, Лицо въ юридич. смыслѣ. Права и обязанности по имуществамъ. 1879.
Муромцевъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права.
Пахманъ, О значеніи личности въ области гражданскаго права. Жур. Гр. и Уг. Пр. 1883. К. 1.

О правахъ (въ субъективномъ смыслѣ), ихъ возникновеніи, прекращеніи и осуществленіи.

Общіе курсы гражданскаго права Виндшейда, Вехтера, Тёля, Унгера, Мейера, Малышева, Азаревича и сверхъ того:

Lassalle, System d. wohlerworbenen Rechte. 1861.

Bar, Das internationale Privat- u. Staatsrecht. 1862.

R. Schmid, D. Herrschaft d. Gesetze nach ihren räumlichen u. zeitlichen Grenzen. 1863.

Karlowa, Das Rechtsgeschäft u. seine Wirkung. 1877.

Laurent, Principes de droit civil. T. I.

Thon, Rechtsnorm u. subjektives Recht. 1878.

Merkel, Rechtsnorm u. subjektives Recht. Grünhut's Zeitschr. VI.

Pernice, Rechtsgeschäft u. Rechtsordnung. Grünhut's Z. VII.

Нарушеніе правъ, охраненіе и возстановленіе правъ.

Кромѣ указанныхъ выше курсовъ гражданскаго права:

Бернера, Учебн. угол. права. 1865—67. (Перев. Неклюдова и его приложенія).

Köstlin, System d. deut. Strafrechts. 1 Abth. 1855.

Андреевскій, Полицейское право. Т. I—II. 1874.

Таганцевъ, Курсъ уголовнаго права 1873 г. и его же Лекціи по рус. угол. праву. В. I. 1887.

Бунге, Полицейское право. Изд. 2. 1873.

Малышевъ, Курсъ гражданскаго судопроизводства. 1870.

Фойницкій, Курсъ уголовнаго судопроизводства. Т. I. 1884.

R. v. Mohl, Polizeiwissenschaft. 3 Bd. 1832—1834.
Zimmermann, Wesen, Geschichte etc. d. mod. Polizei. 1852.
Jellinek, D. socialethische Bedeutung v. Recht, Unrecht u. Strafe. 1878.
Hälschner, D. Lehre v. Unrecht u. seinen verschiedenen Formen. 1860.
Binding, Die Normen u. ihre Uebertretung. 1872.
Holtzendorff, Encyklopädie d. Rechtswissenschaft. V. Geyer. 4 Aufl. 1882.

Раздѣленіе права на роды и виды и въ особенности отличіе правъ частныхъ отъ публичныхъ.

Во всѣхъ указанныхъ выше курсахъ гражданскаго и государственнаго права и въ особенности у Савиньи, Вехтера, Унгера, Мейера, Малышева, а также
R. v. Mohl, Encyklopädie d. Staatswissenschaften. 1859—1872.
Glaser, Encyklop. d. Gesellschafts- u. Staatswissenschaften. 1864.
Гр. Сперанскій, Руководство къ познанію законовъ. 1845.
Муромцевъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. 1879.
Кавелинъ, Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? (1864).—Какое мѣсто занимаетъ гражданское право въ системѣ права вообще. Жур. Гр. и Уг. Пр. 1880. № 2.
Малининъ, Объ основныхъ принципахъ гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства. 1882. Зап. Нов. Универ-та.

О научныхъ методахъ вообще и способахъ изученія права въ особенности.

J. S. Mill, System d. deduct. u. induct. Logik. T. 1—2. 1877.

Ihering, Geist d. r. Rechts. I—III, 1. 1883.

R. v. Mohl, Geschichte u. Literat. d. Staatswissenschaften. 3 B. 1855—1858.

Wagner, Die Gesetzmässigkeit in d. menschlichen Handlungen. I—II Th. 1864.

Drobisch, Die moralische Statistik u. d. menschl. Willensfreiheit. 1867.

Stinzing, Gesch. d. d. Rechtswissenschaft. 1880. 1 Abth.; 1884. 2 Abth.

Windscheid, Die Aufgaben d. Rechtswissenschaft. 1884.

Bekker, Ueber d. Streit d. historischen u. philosophischen Rechtsschule. 1886.

Stein, Gegenwart u. Zukunft d. Rechts- u. Staatswissenschaft Deutschlands. 1876.

Либихъ, Индукція и дедукція (перев.). 1865.

Comte, Cours de philosophie positive. 1830—1842. T. 1—IV.

Quételet, Sur l'homme. 1835.

Taine, Le positivisme Anglais. 1864.

Fouillée, La science sociale contemporaine. 1880.

К. Неволинъ, О соединеніи теоріи съ практикою въ изученіи законовъ. 1835.

Д. Мейеръ, О значеніи практики въ современномъ юридическомъ образованіи. 1855.

Карасевичъ, Историческая школа въ области права. Моск. Унив. Извѣстія. 1870. № 7.

Сергѣевичъ, Задачи и методы государственныхъ наукъ. 1871.

Муромцевъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. 1879.

Умовъ, Понятіе и методы изслѣдованія гражданскаго права. 1873.

М. Ковалевскій, Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи. 1881.

Звѣревъ, Положительное направленіе въ разработкѣ общаго ученія о правѣ. (Жур. Гр. и Уг. Пр. 1881, кн. 1).

Пахманъ, О современномъ движеніи въ наукѣ права. 1882.

О системѣ юридическихъ наукъ.

Кромѣ указанныхъ выше общихъ курсовъ гражданскаго и публичнаго права:

Glaser, Encyklopädie d. Gesellschafts- u. Staatswissenschaften. 1864.

R. v. Mohl, Encyclopädie d. Staatswissenschaften. 1872.

Holtzendorff, Encyklopädie d. Rechtswissenschaft. 1882.

Bluntschli, Politik als Wissenschaft. 1876.

Ihering, D. Zweck im Recht. 2 Bde, 1883—84.

Конарак, Ueber d. Begriff u. Zweck einer Encyklopädie im Allgemeinen u. Encykl. d. Rechtswissenschaften im Besonderen. 1806.

Ortloff, D. Encyklopädie d. Rechtswissenschaft in ihrer gegenwärtigen Bedeutung. 1857.

Merkel, Ueber die Stellung d. Rechtsphilosophie. Grünhüt's Zeitschr. I.

Roscher, System d. Volkswirthschaft. B. I. 1880.

Stein, Die Verwaltungslehre. I—VIII. 1865—1884.

— Gegenwart u. Zukunft d. Rechts- u. Staatswissenschaft Deutschlands. 1876.

— Die Entwickelung d. Staatswissenschaft bei d. Griechen. 1879.

Sintenis, Bemerkungen über Rechtssysteme, besonders die in der neuesten Zeit einander entgegengestellten. 1844. (Zeitschr. f. Civilr. u. Prozess. T. XIX).

Муромцевъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права.

Гельмгольцъ, Объ отношеніи естествознанія къ системѣ наукъ вообще. (Пер. 1861).

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
7	10 сверху	de—Beauvais	Vincent de Beauvais
18	5 и 6 снизу	Шиллинга (Lehrbuch des Naturrechts, 1859) 1862 г. В. I.	Шиллинга (Lehrbuch des Naturrechts, 1859) 1862 г. В. 1—2
22	14 сверху	составляющій основаніе и содержаніе	составляютъ основаніе и содержаніе
77	3 снизу	въ содержаніи	въ изданіи
86	10 „	аутектическое	аутентическое
91	5 сверху	его дѣйствія	ихъ дѣйствія
„	6 снизу	(Уст. Гражд.	(Уст. Гражд. Суд.
122	4 сверху	ordonance	ordonnance
135	на поляхъ	права юристовъ	право юристевъ
136	3 сверху	и научныхъ опредѣленій	научныхъ опредѣленій
137	7 снизу	формѣ права	формы права
144	1 „	способ-	господ-
159	3 сверху	преслѣдующихъ цѣли	преслѣдующія цѣли
180	13 снизу	по его ничтожности	отъ его ничтожности
182	11 сверху	прекращеніе	приращеніе
184	8 „	во всемъ его объемѣ	во всемъ ея объемѣ
186	6 „	субъектныхъ правъ	субъективныхъ правъ
„	„ „	стеченіе права	стеченіе правъ
187	4 „	къ разбирательству акта	къ разбирательству акты

6446.

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ [illegible]

Терціановъ

Терціановичу

Антоній

Крюгеръ

[illegible] [illegible]

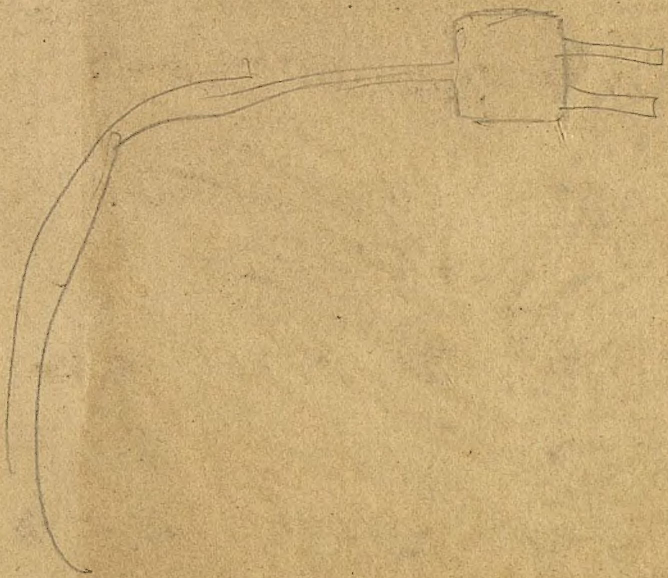
[illegible]

[illegible]

По русскому праву вещи дѣлятся

1) Наличныя и долговыя
2) Недвижимыя и движимыя
3) Населенныя и ненаселенныя
4) раздѣльныя и нераздѣльныя
5) главныя и принадлежностныя
6) родовыя и благопріобрѣтенныя
7) Заповѣдныя
8) имущества опредѣляемыя по количеству и качеству только и имущества опредѣляемыя индивидуально
9) потребляемыя и непотребляемыя
10) тлѣнныя и нетлѣнныя
11) государственныя, общественныя, частныя

Покровский

Книги А Лаврентьева
Селение Стурдзени
Бессарабской Губ
Бендерского Уезда

Книга